

И. В. ДУБОВ

63 3(2)47

Д 79

Ростов
Великий

Ярославль

Переяславль-
Залесский

Углич

орода, величеством сияющие

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЛЕНИНГРАДСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ОРДЕНА ЛЕНИНА
И ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ имени А. А. ЖДАНОВА

И. В. ДУБОВ

ГОРОДА,
ВЕЛИЧЕСТВОМ
СИЯЮЩИЕ

ЛЕНИНГРАД
ИЗДАТЕЛЬСТВО ЛЕНИНГРАДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
1985

Монография посвящена начальным этапам развития городов Северо-Восточной Руси, охватывающим период с IX по XIII в. В ней на базе письменных, археологических, нумизматических, картографических источников рассматривается история возникновения и развития таких крупных городских центров Залесской земли, как Ростов Великий, Ярославль, Переяславль-Залесский, Углич.

Рассчитана на историков — научных работников, преподавателей, аспирантов исторических факультетов и всех, интересующихся отечественной историей.

Рецензенты: д-р ист. наук Г. Л. Курбатов (Ленингр. ун-т), канд. ист. наук Е. Н. Носов (ЛО Ин-та археологии АН СССР).

ВВЕДЕНИЕ

Отечественная историческая наука достигла больших успехов в изучении процессов распада родового строя и становления раннефеодального общества.¹ Этот период представляет значительный интерес, и, несмотря на имеющиеся достижения, здесь все еще остается много спорных и дискуссионных вопросов, много «белых пятен». В последнее время умножилось количество комплексных региональных исследований, однако эта работа только начата и предстоит сделать еще немало.²

Северо-Восточная Русь является одним из важнейших районов, где происходил процесс формирования древнерусской государственности и народности.³ С первых же страниц русской летописи мы встречаем упоминания о городах северо-востока; ряд крупнейших политических событий эпохи раннего средневековья, связанных с этой окраинной землей, нашли свое отражение в летописных сообщениях. Именно Ростово-Суздальской земле, в состав которой входила территория от Белоозера до Владимира, довелось сыграть первую роль в политической истории Руси в эпоху раннего средневековья. Ростово-суздальские рати давали отпор татаро-монголам, а одному из небольших городов Северо-Восточной Руси — Москве — суждено было стать русской

¹ Черепнин Л. В. Русь: Спорные вопросы истории феодальной земельной собственности в IX—XV вв. — В кн.: Пути развития феодализма. М., 1972, с. 126—251; Черепнин Л. В., Пашуто В. Т., Назаров В. Д. Основные проблемы изучения истории СССР периода феодализма. — В кн.: Изучение отечественной истории в СССР между XXIV и XXV съездами: Докладный период. М., 1978, с. 5—40; Советская историография Киевской Руси/Под ред. В. В. Мавродина. Л., 1978.

² Монгайт А. Л. Рязанская земля. М., 1961; Алексеев Л. В. 1) Полоцкая земля: Очерки истории Северной Белоруссии в IX—XIII вв. М., 1966; 2) Смоленская земля в IX—XIII вв.: Очерки истории Смоленщины и Восточной Белоруссии. М., 1980; Древнерусские княжества X—XIII вв. М., 1975.

³ Воронин Н. Н. Владимиро-Суздальская земля в X—XIII вв. — ПИДО, 1935, вып. 5—6.

столицей, возглавить борьбу против татаро-монгольского ига и победить в этом трудном и долгом противоборстве.

Ростово-Суздальская Русь была центром формирования древнерусской, а затем и великорусской народности. В эти важные в стратегическом и экономическом отношении земли хлынула в IX—X столетиях волна славянского заселения из районов Новгородчины, а позднее с Днепра — исконной кривичской территории. Здесь проходил сложный и долгий процесс смешения славянского населения с местным финно-угорским — весью, мерей, который привел к созданию качественно нового этнического образования и практически полному поглощению местных племен, органически вошедших в состав древнерусской народности и внесших свой вклад в материальную и духовную культуру русских северо-востока. Письменные источники — русские летописи, сообщения арабских путешественников и другие материалы — дают крайне недостаточную информацию о политической, экономической и духовной истории этого края в IX—XIII столетиях. Их существенно дополняют материалы археологических раскопок раннегородских и сельских поселений, погребальных памятников, первых городов, полученные в результате полутора-векового труда русских и советских археологов.

Поэтому кроме письменных источников в работе рассматриваются материалы раннегородских центров Тимеревского, Михайловского, Петровского близ Ярославля, Сарского городища неподалеку от оз. Ростовского, Клещина на берегу оз. Клещино, собственно городов Ростова Великого, Ярославля, Переяславля-Залесского, Углича (рис. 1).

Кроме перечисленных выше источников, в работе использованы нумизматические материалы — клады куфических монет IX в., один из которых найден во время раскопок Тимеревского поселения.

Комплексное изучение письменных, археологических и нумизматических данных с привлечением материалов лингвистики и этнографии позволяет создать прочную базу для всеобъемлющего и детального анализа и реконструкции исторических процессов, протекавших в Волго-Окском междуречье в эпоху раннего средневековья.

Своеобразен и многосторонен процесс формирования русского города в Ростово-Суздальской земле, богатой такими яркими древними городскими центрами, как Ростов Великий, Белоозеро, Ярославль, Суздаль, Владимир. Этапы становления и развития города здесь можно проследить, начиная от протогородов и племенных центров — Тимерево под Ярославлем, Сарское городище под Ростовом Великим, Клещин — предшественник Переяславля-Залесского — до блистательных столиц Владимиро-Суздальского княжества и Русского государства в целом.

Хронологически исследование охватывает период с IX до середины XIII в.

Начиная с конца XI в. на первый план в Северо-Восточной Руси выдвигается Суздаль. Резиденция Владимира Мономаха располагается в этом сильном хорошо укрепленном городе. В 1108 г. им была основана новая мощная крепость на р. Клязьме, ставшая основой города Владимира. Так, постепенно старейший город земли Ростов Великий отходит на второй план. Н. Н. Воронин отмечал, что «рост политического значения Суздаля сказывается в том, что и вся земля начинает называться Суздальской».⁴ Речь идет не только о перемене названия, но и о существенных социально-экономических изменениях — начинается новый этап истории Залесского края, который длился вплоть до татаро-монгольского нашествия в XIII в. В это время значительно расширяются пределы Владимиро-Суздальской земли, так, например, «в 80-х годах XII столетия районы по Волге ниже устья Тверцы были ростовскими».⁵ На данной территории впоследствии размещалось несколько древнерусских княжеств — Ростовское, Ярославское, Суздальское, Владимирское и частично Московское, Тверское, Белозерский край.⁶ Почти все они были присоединены к Москве во второй половине XV в.

Неудивителен и вполне понятен интерес историков к этому району. Исторический анализ возникновения и развития Ростово-Суздальской земли позволяет полнее и глубже осветить ранние этапы русской истории и более полно реконструировать процесс формирования Древнерусского государства, несмотря на ее удаленность от основных южных русских центров.

В работе мы опираемся на выработанный марксистско-ленинской исторической наукой диалектический метод, который, по мнению классиков марксизма-ленинизма, заключается в том, что «общество рассматривается как живой, находящийся в постоянном развитии организм...».⁷

Это положение особенно актуально при рассмотрении переходных периодов истории человечества от одной социально-экономической формации к другой, когда все исторические процессы активизируются и обостряются внутренние противоречия в данном обществе. Большое значение имеет оно и для периода перехода от родового строя к феодализму, когда возникают городские центры в Северо-Восточной Руси.

Опираясь на этот марксистско-ленинский принцип, мы стремились раскрыть динамику и генеральные линии и тенденции перехода от родоплеменной структуры к раннефеодальной на примере одного из районов Древней Руси — Волго-Окского междуречья.

⁴ Воронин Н. Н. Зодчество Северо-Восточной Руси, т. 1. М., 1961, с. 58

⁵ Кучкин В. А. Ростово-Суздальская земля в X—первой трети XIII вв. — История СССР, 1969, № 2, с. 90; Куза А. В. Новгородская земля. — В кн.: Древнерусские княжества. М., 1975, с. 198.

⁶ Рыбаков Б. А. Русские карты Московии. М., 1974, с. 92—93, 100.

⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 165.

В недавно опубликованной работе А. В. Кузы на широком археологическом материале и с помощью его сравнения с письменными источниками проиллюстрирована прямая взаимосвязь возникновения и развития городов с социально-экономическими изменениями в жизни древнерусского общества. Он отмечает, что «развитие государственности и классовых отношений стимулировало градообразование, в свою очередь, ускорявшее феодализацию Руси».⁸

Важнейшей проблемой отечественной историографии Древней Руси является периодизация ее экономического и социального развития. Эти вопросы в последнее время специально рассматривались в исследованиях Л. В. Черепнина, В. Т. Пашуто, В. Д. Назарова, В. В. Мавродина, И. Я. Фроянова и других историков. В нашу задачу не входит анализ всех существующих концепций. Главное — дать определенную социально-экономическую характеристику изученному нами материалу письменных, археологических и других категорий источников в связи с рассмотрением проблем возникновения и развития города.

Л. В. Черепнин, В. Т. Пашуто, В. Д. Назаров справедливо отмечали, что до сих пор в нашей исторической науке нет специальной работы, посвященной истории Владимиро-Суздальской земли.⁹

Накопление новых данных, полученных особенно в последние годы, позволяет по-новому осветить многие основные моменты и проблемы истории Северо-Восточной Руси периода раннего средневековья.

В исследованиях дореволюционных и советских историков дается разная социально-экономическая характеристика данного этапа в развитии Древней Руси в целом и Залесской земли в частности. Это обусловлено прежде всего различным подходом к периодизации и решению вопроса о времени перехода от родового строя к феодальному. Данные проблемы давно волнуют советских историков, и в настоящее время сформировались две основные концепции сложения феодализма на Руси.

Острая дискуссия разгорелась по этим вопросам в 30-е годы. Тогда с новой концепцией периодизации феодализма на Руси выступил Б. Д. Греков. Он критически оценил хронологию, предложенную в свое время Н. А. Рожковым, С. В. Юшковым, Н. Л. Рубинштейном и другими историками. Н. А. Рожков различал дофеодальный период и время формирования феодального строя.¹⁰ Первый он датировал VI — серединой X вв. а второй

⁸ Куза А. В. Социально-историческая типология древнерусских городов X—XIII вв. — В кн.: Русский город: Исследования и материалы. М., 1983, вып. 6, с. 36.

⁹ Черепнин Л. В., Пашуто В. Т., Назаров В. Д. Основные проблемы, с. 12.

¹⁰ Рожков Н. А. Русская история в сравнительно-историческом освещении, т. 1. ПГ., 1919, с. 76, 164 и др.

относил к X—XII столетиям. В 1925 г. была опубликована работа С. В. Юшкова, в которой он связал утверждение феодализма в Древней Руси с XII в.¹¹ Близкие позиции занимал и Н. Л. Рубинштейн. По его мнению, в IX—X вв. на Руси еще господствует «первично-натуральный» строй, а в XI—XII вв. происходит сеньоризация (феодализация) древнерусского общества.¹²

В дореволюционной исторической литературе высказывались точки зрения, согласно которым русский феодализм вообще явление очень позднее и говорить о нем можно лишь в удельный период (так называли период феодальной раздробленности).¹³

Б. Д. Греков решительно выступил против поздних датировок возникновения феодализма и государства на Руси. По его заключению, феодализм это основной способ производства в Киевской Руси.¹⁴ Уже к X в., полагает он, родовой строй в Древней Руси изжил себя.¹⁵ И в начале X столетия мы сталкиваемся с окрепшей феодальной системой, которая существовала и в IX в.¹⁶ Во Владимиро-Суздальской земле, согласно Б. Д. Грекову, господствуют феодальные отношения.¹⁷ Аналогичные взгляды излагались Б. Д. Грековым и в многочисленных изданиях его капитального труда «Киевская Русь».¹⁸

Однако в дискуссии 30-х годов далеко не все историки выступили в поддержку положений Б. Д. Грекова. М. Н. Мартынов, С. В. Вознесенский и другие предлагали свои периодизации феодализма на Руси, впрочем, близкие к разработанным в 20-х годах нашего столетия. Так, М. Н. Мартынов полагал, что в IX—X вв. на Руси господствует сельская община и можно фиксировать лишь начало процесса классовобразования.¹⁹ Иными словами, в это время, по его мнению, «начался процесс генезиса феодализма».²⁰ Собственно феодальный период, согласно М. Н. Мартынову, следует датировать XI—XII вв.²¹ По мне-

¹¹ Юшков С. В. Феодальные отношения в Киевской Руси. — Учен. зап. Саратовск. гос. ун-та им. Н. Г. Чернышевского, т. III, вып. 4. Саратов, 1925, с. 11.

¹² Рубинштейн Н. Л. Нарис історії Київської Русі. Харьков; Одесса, 1930, с. 17.

¹³ Павлов-Сильванский Ч. П. 1) Феодализм в Древней Руси. СПб., 1907; 2) Феодализм в удельной Руси. СПб., 1910.

¹⁴ Греков Б. Д. Рабство и феодализм в Древней Руси. — ИГАИМК, 1934, вып. 86, с. 63.

¹⁵ Греков Б. Д. Начальный период в истории русского феодализма. — Вестн. АН СССР, 1933, № 7, с. 14—18.

¹⁶ Греков Б. Д. Проблемы феодализма в России. — В кн.: Исторический сборник. Л., 1934, вып. 1, с. 39, 44.

¹⁷ Греков Б. Д. Заключительное слово. — ИГАИМК, 1934, вып. 86, с. 159.

¹⁸ Греков Б. Д. Киевская Русь. М., 1939.

¹⁹ Проблемы истории материальной культуры, 1933, № 3—4, с. 79.

²⁰ ИГАИМК, 1934, вып. 86, с. 73—74, 88.

²¹ Проблемы истории... с. 79.

нию С. В. Вознесенского, в X—XI вв. происходит процесс становления феодальной общины, и в XII столетии наступает переломный период.²² И. И. Смирнов отождествлял феодализм с крепостничеством.²³ Более четкие позиции изложены в трудах С. В. Бахрушина, где он датирует начало феодального периода на Руси серединой XI в.²⁴ Однако уже к концу X столетия этот строй делает в Древней Руси «заметные успехи».²⁵

Столетием раньше — серединой X в. — датирует рубеж родового строя и феодализма С. В. Юшков, пересматривая свою прежнюю позицию. По его мнению, «условия для развития феодализма возникают во второй половине X в.»,²⁶ а дофеодальный период на Руси он относит к IX—середине X столетий.²⁷ Важную роль в разработке периодизации русского феодализма сыграли «Замечания по поводу конспекта учебника по истории СССР», в которых предлагалось различать дофеодальный период и собственно феодализм.²⁸

На рубеже 40—50-х годов опубликован целый ряд трудов историков, где IX—X столетия называются периодом генезиса феодальных отношений,²⁹ а в предшествующее время фиксируется распад первобытнообщинных отношений, который продолжается наряду со сложением новой феодальной структуры.³⁰

Большое внимание этим проблемам уделяют и археологи. Почти все они присоединяются к концепции Б. Д. Грекова и отмечают установление феодальных отношений в Древней Руси, начиная с IX века.³¹ Особняком стоят лишь труды И. И. Ля-

²² Вознесенский С. В. К вопросу о феодализме в России. — ПИДО, 1934, № 7—8, с. 222—231.

²³ Смирнов И. И. Феодально-крепостническое общество. — ИГАИМК, 1934, вып. 99, с. 102.

²⁴ Бахрушин С. В. К вопросу о русском феодализме. — Книга и пролетарская революция, 1934, № 4, с. 46—48.

²⁵ Бахрушин С. В. Держава Рюриковичей. — ВДИ, 1938, № 2, с. 97—98.

²⁶ Юшков С. В. Очерки по истории феодализма в Киевской Руси. М.; Л., 1939, с. 42.

²⁷ Юшков С. В. К вопросу о политических формах русского феодального государства до XIX века. — ВИ, 1950, № 1, с. 73—80.

²⁸ К изучению истории. М., 1946, с. 21.

²⁹ Базилевич К. В. Опыт периодизации истории СССР дофеодального периода. — ВИ, 1949, № 11, с. 70—71; Зимин А. А. Некоторые вопросы периодизации истории СССР феодального периода. — ВИ, 1950, № 3, с. 71; Миллер И. К вопросу о принципах построения периодизации истории СССР. — ВИ, 1950, № 11, с. 73.

³⁰ Мавродин В. В. Образование древнерусского государства. Л., 1945, с. 114.

³¹ Довженок В. И., Брайчевский М. Ю. О времени сложения феодализма в Древней Руси. — БИ, 1950, № 8, с. 60—77; Третьяков П. Н. Восточнославянские племена. М., 1953, с. 281; Рыбаков Б. А. Первые века русской истории. М., 1964, с. 16.

пушкина, который рассматривает IX столетие как последнюю стадию первобытнообщинных отношений.³²

В последние годы вновь разгорелась дискуссия по вопросам исторической периодизации Древней Руси. В работах Л. В. Черепнина, В. Т. Пашуто и ряда других историков отстаивается точка зрения, согласно которой русский феодализм следует начинать с конца IX в.³³

Л. В. Черепнин полагает, что в период X—XII вв. происходит завершение генезиса феодализма.³⁴ Он делит историю Древней Руси с X в. вплоть до XII в. на два этапа. В X — первой половине XI в. господствует верховная феодальная собственность, а во второй половине XI—XII вв. — вотчинная.³⁵ По мнению А. А. Зимина, как раз в XI в. происходит переход от раннего феодализма к развитому.³⁶

Иную позицию занимает И. Я. Фроянов, полагающий, что феодализм — явление позднее и еще в XII в. эти порядки не успели пустить глубокие корни, а окончательное падение родового строя произошло в конце XI в.³⁷

Таким образом, несмотря на разногласия историков по вопросам периодизации становления феодального строя на Руси, можно отметить, что рассматриваемый нами период IX — первой половины XII вв. в истории северо-востока относится к переходной эпохе. Она характеризуется крушением родо-племенных структур и постепенным формированием феодальных отношений. На начальной стадии этого периода происходит заселение славянами обширных пространств Волго-Окского междуречья. Именно об этом процессе писал К. Маркс, когда он говорил о роли Новгорода в освоении севера: «Его жители сквозь дремучие леса проложили себе путь в Сибирь; неизмеримые пространства между Ладожским озером, Белым морем, Новой Землей и Онегой были ими несколько цивилизованы и обращены в христианство».³⁸

Ростовская земля, как и вся Древняя Русь, в IX—X вв. переживает период становления государственности. Разные аспек-

³² Ляпушкин И. И. Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства. — МИА, 1968, № 152, с. 166—168.

³³ Черепнин Л. В., Пашуто В. Т. О периодизации истории России в эпоху феодализма. — ВИ, 1951, № 2, с. 56; Черепнин Л. В. Русь: Спорные вопросы истории... с. 145; Шаскольский И. П. Образование Древнерусского государства. — В кн.: Советская историография Киевской Руси. Л., 1978, с. 136.

³⁴ Черепнин Л. В. Русь. Спорные вопросы истории... с. 147.

³⁵ Там же, с. 166.

³⁶ Зимин А. А. Феодальная государственность и Русская правда. — Изв. кн. 76, 1965, с. 261.

³⁷ Фроянов И. Я. 1) Киевская Русь: Очерки социально-экономической истории. Л., 1974; 2) Киевская Русь: Очерки социально-политической истории. Л., 1980, с. 54.

³⁸ Архив Маркса и Энгельса, т. VIII, 1946, с. 156.

ты этого процесса рассматривались в работах К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина.³⁹

Рассмотренные нами данные различных категорий источников характеризуют процесс разложения родовых отношений и формирование раннефеодальных. Мы рассматриваем самое начало периода, с которым В. И. Ленин в обобщенной форме связывает понятие крепостничества: «...каждый из этих крупных периодов человеческой истории — рабовладельческий, крепостнический и капиталистический — обнимает десятки и сотни столетий...»⁴⁰ В. И. Ленин также отмечает, что крепостное право в России наиболее долго держалось по сравнению с другими государствами Европы.⁴¹ В другой своей работе В. И. Ленин указывает хронологические рамки периода крепостничества — IX—XIX вв.⁴²

Мы рассматриваем также процесс становления городов в Северо-Восточной Руси. Анализируя переходный период от варварства к цивилизации, Ф. Энгельс писал: «Недаром высятся грозные стены вокруг новых укрепленных городов, в их рвах зияет могила родового строя, а их башни достигают уже цивилизации».⁴³ Возникновение городских центров в Северо-Восточной Руси на рубеже X—XI вв. знаменует собой завершение переходного периода от родового строя к феодализму. Эти города, безусловно, не были единственной категорией поселений Залесской земли в данный период. Свообразным обширным фоном для них служат сельские поселения, известные здесь в большом количестве в наиболее доступных и благоприятных для земледелия микрорайонах. Социально-экономическую природу таких поселений вскрыл и емко охарактеризовал В. И. Ленин. Он писал: «При натуральном хозяйстве общество состояло из массы однородных хозяйственных единиц (патриархальных крестьянских семей, примитивных сельских общин, феодальных поместий), и каждая такая единица производила все виды хозяйственных работ, начиная от добывания разных видов сырья и кончая окончательной подготовкой их к потреблению».⁴⁴

Историю Северо-Восточной Руси мы рассматриваем, как составную часть процесса становления и развития Древнерусского государства в целом. Только на фоне общерусских событий, в прямой взаимосвязи с ними можно понять и объяснить многие

³⁹ Конюшая Р. П. К. Маркс и Ф. Энгельс об историческом развитии России. — В кн.: Очерки истории исторической науки в СССР, т. II, М., 1960, с. 219—258; Мавродин В. В. К. Маркс о Киевской Руси. — Вестн. Ленингр. ун-та, 1968, № 8, с. 59; Мавродин В. В., Фроянов И. Я. Ф. Энгельс об основных этапах разложения родового строя и вопрос о возникновении городов на Руси. — Вестн. Ленингр. ун-та, 1970, № 20, с. 7—15.

⁴⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 71—72.

⁴¹ Там же, с. 70.

⁴² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 25, с. 237.

⁴³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 164.

⁴⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 21—22.

явления, отмеченные для периода раннего средневековья в Волго-Окском междуречье.

И важнейшей темой как для северо-востока, так и для Древней Руси в целом является проблема возникновения и становления городских центров.⁴⁵ Процессы их развития во многом определили формирование сложной материальной и духовной культуры Древней Руси. В свою очередь, города явились порождением серьезных социально-экономических изменений, происходивших в домонгольский период с IX по XIII в.

⁴⁵ Данной теме посвящен один из очерков в нашей книге «Северо-Восточная Русь в эпоху раннего средневековья (историко-археологические очерки)» (Л., 1982). В настоящей монографии эта проблема рассмотрена значительно шире и глубже, использованы и новые источники и методики исследования.

РУСЬ — СТРАНА ГОРОДОВ

Такой Древняя Русь представлялась многим иноземцам, когда-либо побывавшим на ее обширных просторах, посетившим ее многолюдные и богатые города.

Примитивное представление о древнерусских городах было сформулировано Н. Ходаковским еще в первой половине XIX в. В его представлении «Город или град есть просто ограда, венец, круг, черта, объятия».¹ В этом определении речь идет лишь о внешних типологических признаках города, да и то неполных. Ничего не говорится о социально-экономических, политических, культурных характеристиках городских центров.

Проблема возникновения и развития древнерусских городов — одна из важнейших тем как дореволюционной,² так и советской исторической науки. Пути и формы становления древнерусских городских центров сложны и многообразны. В последние десятилетия советские ученые добились значительных успехов в изучении культурных слоев таких городов, как Новгород, Старая Русса, Киев, Псков, Смоленск, Полоцк, Ладога и многих других. Открытия и находки советских археологов прояснили ранее неизвестные или непонятные страницы истории города на Руси, позволили перейти к комплексному анализу памятников и историческому осмыслению полученных данных. Итоги историко-археологических исследований древнерусских городов позволяют утверждать, что они были центрами феодальными.³ Полностью подтверждается заключение акад. Б. А. Рыбакова, что города были средоточием «двух культур

¹ Историческая система Ходаковского: Публикация М. Н. Погодина. В кн.: — Русский исторический сборник. Кн. 3. М., 1838, с. 76.

² В трудах В. Н. Татищева, М. В. Ломоносова, В. О. Ключевского, Н. И. Костомарова, Д. Я. Самоквасова, В. И. Сергеевича, И. Е. Забелина, А. Е. Преснякова и многих других рассмотрены различные аспекты проблемы становления городов на Руси.

³ Булкин В. А., Гадло А. В., Дубов И. В., Лебедев Г. С. Археология. — В кн. Советское источниковедение Киевской Руси. Л., 1979, с. 99—101.

феодализма» — господствующей культуры дворцов и усадеб, возглавленной в значительной мере церковью, и демократической культуры, наиболее прогрессивное крыло которой представлено городскими посадскими людьми». ⁴ Такие общие заключения базируются на длительных поисках и углубленных исследованиях социально-экономической природы явления градообразования на Руси, структуры, типологии городов, их основных признаков. Эти работы не прекращаются по сей день, и поле деятельности для исследователей здесь необозримо.

Вплоть до настоящего времени не потерял своей актуальности фундаментальный труд акад. М. Н. Тихомирова «Древнерусские города», в котором были обобщены письменные сообщения о городах на Руси, а также имеющиеся в тот период в наличии археологические материалы. М. Н. Тихомиров отмечал, что городские центры возникают прежде всего в крестьянских земледельческих районах, где округа способна прокормить население, сконцентрированное в отдельных местах. ⁵ М. Н. Тихомиров активно выступил против торговой теории, когда возникновение города объяснялось участием того или иного пункта в торговле и, причем, главным образом, в транзитной. По его представлению, города — это постоянные населенные пункты, где сконцентрировано ремесло и торговля. ⁶ Опираются такие центры на стабильные внутренние рынки сбыта своей продукции и сельскохозяйственную округу.

Таким образом, М. Н. Тихомиров полагал, что доминирующими в процессе градообразования на Руси явились факторы экономические, а социально-политическая природа этого явления им была изучена явно недостаточно, хотя в общем плане он указывал на то, что развитие феодализма играло важную роль в этом процессе.

Однако, несмотря на это, работы М. Н. Тихомирова явились значительной вехой в изучении истории русского города. К сожалению, исследователь опирался главным образом на данные письменных источников, скептически оценивая возможности археологических материалов. Отчасти он был прав, ведь тогда все широкие археологические работы в городах только разворачивались, а имевшиеся данные еще не были подготовлены для использования их историками. Общее определение древнерусского города было дано и в трудах акад. Б. Д. Грекова. Он считал, что «город есть населенный пункт, в котором сосредоточено промышленное и торговое население, в той или иной мере ото-

⁴ Рыбаков Б. А. О двух культурах русского феодализма. — В кн.: Ленинские идеи в изучении истории первобытного общества, рабовладения и феодализма. М., 1970, с. 33.

⁵ Тихомиров М. Н. Древнерусские города. М., 1956, с. 36—37.

⁶ Тихомиров М. Н. Древнерусские города. — Учен. зап. Моск. ун-та, 1946, вып. 99, с. 8—9.

рванное от земледелия».⁷ Иными словами, для Б. Д. Грекова решающим в процессе возникновения городов на Руси было выделение ремесла в самостоятельную отрасль и развитие торговли. Ранее Б. Д. Греков указывал, что «главнейшие славянские города возникли по большим водным путям».⁸ Это заключение находится в противоречии с выводами М. Н. Тихомирова, и, на наш взгляд, оно более справедливо.

Нельзя сбрасывать со счетов и фактор географический, когда основная масса крупнейших раннегородских центров возникает на важнейших водных артериях, имеющих и торговое значение. На примере ряда древнерусских городов, в том числе и Ростова, М. Н. Тихомиров пытался показать, что торговля для возникновения и развития этого центра имела сугубо второстепенное значение. В рассуждениях М. Н. Тихомирова по этому поводу заложено много противоречий. С одной стороны, он указывает на тот факт, что Ростов, расположенный на берегу оз. Неро, посредством р. Которосли связан с Волгой и разветвленной речной сетью — с Суздалем, Переяславлем, Владимиром.⁹ С другой стороны, М. Н. Тихомиров отмечает, что Ростов возник вдалеке от основного пути края — Волжского и в связи с этим торговля имела для Ростова вторичное значение. Современные исследования, новейшие материалы раскопок позволяют утверждать, что и р. Которосль, и оз. Неро и другие реки в данном микрорайоне, где расположен Ростов, входят в систему Великого волжского пути «из варяг в арабы», по которой осуществлялись как транзитная, так и внутренняя торговля. Поэтому в жизни обитателей Сарского городища — предшественника Ростова, так и самого его торговля играла важную роль, видимо, равную с ремесленным производством.

В определении основных функций городов вообще и на Руси в частности следует опираться на тезис К. Маркса и Ф. Энгельса, согласно которому возникновение города — итог отделения и «промышленного и торгового труда от труда земледельческого...».¹⁰

Процесс возникновения древнерусских городов охарактеризовал акад. Б. А. Рыбаков, отметив, что «рождающиеся города — это не сказочные палаты, возникающие в одну ночь, будучи воздвигнуты неведомой волшебной силой». Он правильно указывает, что «ход исторического развития родо-племенного строя приводит к умножению таких центров и к усложнению их функций».¹¹ Эти центры и являются основой будущих раннефеодальных городов,

⁷ Греков Б. Д. Киевская Русь. М., 1949, с. 94.

⁸ Греков Б. Д. Киевская Русь. М.; Л., 1944, с. 250.

⁹ Барсов Н. П. Очерки русской исторической географии. Варшава, 1885, с. 31; Тихомиров М. Н. Древнерусские города, с. 59.

¹⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 20.

¹¹ Рыбаков Б. А. Город Кия. — Вопросы истории, 1980, № 5, с. 34.

Несмотря на многообразие форм ранних древнерусских городов, в современной исторической науке все же выделены магистральные пути их развития и основные формы. В литературе нашли свое место такие термины, как «племенные города», «протогородские центры», «города-крепости» и ряд других.¹² Далеко не всегда до конца ясен их смысл, бывает и так, что разные авторы вкладывают в них различное содержание.

Итогам и задачам археологического изучения древнерусских городов были посвящены специальные пленумы Института истории материальной культуры АН СССР, состоявшиеся в 1941 и в 1950 гг.¹³

На пленуме в 1950 г. с разными концепциями происхождения древнерусских городов выступили археологи С. А. Тараканова и М. Ю. Брайчевский, Н. Н. Воронин. Первые полагали, что непосредственными предшественниками древнерусских городских центров были славянские «племенные города».¹⁴ Эта точка зрения имеет и сторонников и критиков. В самом деле, племенные центры, видимо, явились базой для возникновения и развития городов. Но их еще нельзя назвать в полном смысле «городами» в связи с тем, что появление таковых характерно уже для классового общества или переходных этапов к нему, а не для периода, когда господствовали родо-племенные отношения.

Согласно «замковой теории» М. Ю. Брайчевского, абсолютное большинство древнерусских городов выросло на основе раннефеодальных крепостей-замков.¹⁵ Безусловно, в условиях постоянных феодальных войн, освоения новых земель и особенно в периоды феодальной раздробленности много городов на Руси возникало таким образом. Н. Н. Воронин совершенно справедливо отмечал, что «начальным ядром многих городов является княжеская крепость, или замок феодала... Таковы... и «новые города» Суздальщины: Переяславль, Юрьев, Дмитров, действительно основываемые „княжеской властью”».¹⁶

¹² Фроянов И. Я., Дубов И. В. Основные этапы социального развития древнерусского города (IX—XII вв.). — В кн.: Древние города: Материалы к Всесоюзной конференции «Культура Средней Азии и Казахстана в эпоху раннего средневековья». Л., 1977, с. 69—71.

¹³ Материалы этих пленумов опубликованы в Кратких сообщениях Института истории материальной культуры АН СССР (см.: КСИИМК, 1945, вып. XI; КСИИМК, 1951, вып. XLI; см. также; Воронин Н. Н. Об итогах археологического изучения древнерусских городов. — Историк-марксист, кн. 6, 1941, с. 149—152.

¹⁴ Тараканова С. А. 1) О происхождении и времени возникновения Пскова. — КСИИМК, 1951, вып. XXXV, с. 18—29; 2) К вопросу о происхождении города в Псковской земле. — КСИИМК, 1951, вып. XLI.

¹⁵ Брайчевский М. Ю. К происхождению древнерусских городов. — КСИИМК, 1951, вып. XLI, с. 12.

¹⁶ Воронин Н. Н. К итогам и задачам археологического изучения древнерусского города. — КСИИМК, 1951, вып. XLI, с. 11—12.

Однако города-крепости лишь одни из многих, и причем не основных, типов ранних древнерусских городских центров, хотя, видимо, для большинства из них характерны мощные деревоземляные, а затем и каменные укрепления. Но одно дело, когда новый пункт возникает искусственным путем и первоначально носит значение в основном военное, и совсем другое, если тот или иной «поселок», или «городок», становится естественным центром большой округи — центром экономическим, политическим, культурным.

Тогда же была предложена и третья концепция образования городов на Руси, подразумевавшая множественность путей этого процесса и соответственно большое количество типов ранних древнерусских городов.

Н. Н. Воронин считал, что древнерусские города могли возникать на основе торгово-ремесленных поселков или в результате слияния нескольких сельских поселений, формироваться вокруг феодальных замков или княжеских крепостей. Эта концепция Н. Н. Воронина в дальнейшем разрабатывалась Е. И. Горюновой,¹⁷ М. Г. Рабиновичем,¹⁸ В. Т. Пашуто¹⁹ и многими другими историками и археологами. По справедливому замечанию А. В. Кузы, «к концу 60-х годов... сформировалась теория многообразия конкретных вариантов возникновения городов на Руси».²⁰

Большое внимание изучению социально-политической природы явления градообразования на Руси уделил в своем фундаментальном труде «Русская земля» А. Н. Насонов, полагавший, что древнерусские города были прежде всего центрами феодальной власти.²¹ С тех пор эти проблемы регулярно обсуждаются на симпозиумах и конференциях, проводимых как в системе АН СССР, так и другими историко-археологическими центрами. Существенным вкладом в изучение древнерусских городов стала цитируемая выше статья Н. Н. Воронина.²² В ней автор обобщил накопленные к тому времени материалы и сформулировал ближайшие задачи, многие из которых актуальны и сейчас. Примечательно, что Н. Н. Воронин не только изучил новые находки, но и практически впервые в отечественной историографии, опираясь на богатейший археологический материал, по-

¹⁷ Горюнова Е. И. К истории городов Северо-Восточной Руси. — КСИИМК, 1955, вып. 59, с. 11—18.

¹⁸ Рабинович М. Г. Из истории городских поселений восточных славян. — В кн.: История, культура, фольклор и этнография славянских народов. М., 1968, с. 130—148.

¹⁹ Пашуто В. Т. О некоторых путях изучения древнерусского города. — В кн.: Города феодальной России. М., 1966, с. 93—98.

²⁰ Куза А. В. О происхождении древнерусских городов (история изучения). — КСИА АН СССР, 1982, вып. 171, с. 11.

²¹ Насонов А. Н. Русская земля и образование территории древнерусского государства. М., 1951, с. 22.

²² Воронин Н. Н. К итогам и задачам... с. 5—29.

пытался дать типологический анализ древнерусских раннегородских центров. В те же годы Е. И. Горюнова справедливо отмечала, что к этой теме советские археологи только подходят.²³ Она составила первую сводку памятников и подвела итоги изучения городов Северо-Восточной Руси, рассмотрев проблемы возникновения Мурома, Ростова Великого, Ярославля, Суздаля. Следующее обобщение материалов по истории древнерусского города, в том числе и городов северо-востока, было проведено в совместной работе Н. Н. Воронина и П. А. Раппопорта.²⁴ Авторами сделаны некоторые заключения общего порядка, касающиеся хронологии и происхождения таких городов Залесской земли, как Ростов, Суздаль, Владимир, Белоозеро.

Работы по типологии и методике исследований древнерусских городов продолжают²⁵ и несомненно приведут к такому положению, когда мы четко сможем определять историческое лицо каждого центра на определенном этапе его развития. В этом плане особо следует отметить труды Л. В. Алексеева, в которых рассматривается история Полоцкой и Смоленской земель. Этот автор считает, что «если экономические причины возникновения городов были едины, то конкретные пути их появления могли быть разными...».²⁶ Он называет и необходимые условия возникновения древнерусского города. Это, по его мнению, «торгово-транзитный путь, обеспечивающий ремесленнику бесперебойный сбыт товаров, и наличие укрепленного пункта, гарантирующего его безопасность. Последним мог быть и замок феодала, и монастырь, и даже племенной центр со святилищем, если таковое укреплено».²⁷

В следующей своей монографии Л. В. Алексеев на примере смоленских городов выделяет три этапа их развития.²⁸

На первом этапе (IX—начало XI вв.) города возникают на базе племенных центров, появляются и «открытые торгово-ремесленные поселения», где было сосредоточено полиэтничное

²³ Горюнова Е. И. К истории городов... с. 11.

²⁴ Воронин Н. Н., Раппопорт П. А. Археологическое изучение древнерусского города. — КСИА АН СССР. М., 1963, вып. 96, с. 3—17.

²⁵ Яцунский В. К. Некоторые вопросы методики изучения истории феодального города в России. — В кн.: Города феодальной России. М., 1966, с. 83—89; Пашуто В. Т. О некоторых путях изучения древнерусского города. — Там же, с. 93—98; Раппопорт П. А. 1) О типологии древнерусских поселений. — КСИА АН СССР, 1967, вып. 110, с. 3—9; 2) Военное зодчество западнорусских земель X—XIV вв. — МИА. Л., 1967, № 140, с. 186; Довженко В. Н. Социальная типология давньоруських городищ. — Археологія, 1975, № 2.

²⁶ Алексеев Л. В. Полоцкая земля: Очерки истории северной Белоруссии в IX—XIII вв. М., 1966, с. 132.

²⁷ Там же.

²⁸ Алексеев Л. В. Смоленская земля в IX—XIII вв.: Очерки истории Смоленщины и Восточной Белоруссии. М., 1980, с. 186—193.

население. В характеристике последних Л. В. Алексеев опирается на работы ленинградских археологов.²⁹

Второй этап, по мнению Л. В. Алексеева, охватывает вторую половину XI — первую половину XII в. Для этого времени характерно возникновение сугубо феодальных городов и постепенное угасание центров, возникших в условиях родо-племенных отношений.³⁰

И наконец, в 40—50-х годах XII в. начинается третий этап, когда в «Смоленской земле возникает много новых городов, что объясняется внутриэкономическими причинами страны, взрыванием внутри прежних центров самостоятельных производительных сил и прежде всего, несомненно, ремесла, что делало горожан особой экономической силой».³¹ Этот этап завершается в период татаро-монгольского нашествия.

Следует отметить, что периодизация Л. В. Алексеева, намеченная им динамика развития городов, их особенности и признаки на различных этапах развития характерны не только для Смоленской земли, но и в целом для Древней Руси.

Северо-восточные города в своем развитии также проходят все эти периоды, это будет показано в следующих главах данной книги.

Значительный интерес представляют работы В. В. Мавродина и И. Я. Фроянова, посвященные проблеме возникновения древнерусских городов и их ранней истории.³² В трудах этих исследователей сформулирована следующая концепция: города возникают на базе племенных центров и в результате разложения родового строя, а уже в дальнейшем, в XI в., они феодализируются. В монографии И. Я. Фроянова данному вопросу посвящен целый раздел, где приведена подробнейшая историография по проблеме возникновения древнерусских городов. Автор пришел к выводу, что «города Руси X в. являли собой самостоятельные общественные союзы...».³³ И. Я. Фроянов — сторонник племенной основы древнейших русских городов. К концу X — началу XI в., когда, по его мнению, завершается распад родо-племенных отношений на Руси, складываются своеобразные «городские волости» с главным городом, пригородами

²⁹ Булкин В. А., Дубов И. В., Лебедев Г. С. Археологические памятники Древней Руси IX—XI вв. Л., 1978, с. 138 и сл.

³⁰ Алексеев Л. В. Смоленская земля... с. 190.

³¹ Там же, с. 190—192.

³² Мавродин В. В., Фроянов И. Я. Ф. Энгельс об основных этапах развития родового строя и вопрос о возникновении городов на Руси. — Вестн. Ленингр. ун-та, 1970, № 20, с. 7—15; Мавродин В. В. 1) Образование древнерусского государства и формирование древнерусской народности. М., 1971, с. 51; 2) Происхождение русского народа. Л., 1978, с. 122; Фроянов И. Я. Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. Л., 1980, с. 216—243.

³³ Фроянов И. Я. Киевская Русь: Очерки социально-политической истории, с. 227.

и сельскими округами. В течение XII в. идет процесс становления древнерусских городов-государств. Для Северо-Восточной Руси, отмечает И. Я. Фроянов, «во второй половине XII в. обозначились монархические тенденции, пробивавшиеся сквозь вечевую демократию...».³⁴ Развитие городов-государств было пресечено татаро-монгольским нашествием. Таковы основные положения концепции И. Я. Фроянова в связи с проблемой города на Руси, они отражают в целом его систему взглядов на Древнюю Русь, ее социально-экономическую и политическую структуру.

Таким образом, в исследованиях И. Я. Фроянова оспаривается широко представленная в исторической литературе точка зрения, согласно которой города на Руси рассматриваются как феодальные центры.³⁵ Полагаем, что образование древнерусских городов следует связывать с процессом распада родовых отношений и формированием раннефеодальной структуры общества. Ф. Энгельс считал вполне закономерным существование городов — средоточий «племен или союзов племен».³⁶

Важно отметить, что при возникновении древнерусских городов прослежено явление сирнойкнзма, характерное для многих регионов мира. Здесь оно выразилось в том, что большинство крупных городов Руси — Киев, Новгород, Чернигов, Суздаль и ряд других — возникли на основе слияния нескольких поселков, имевших, видимо, родовой характер. Необходимо проследить механизм складывания города, и определить его социальный статус.

Спорным вопросом остается социально-экономическая оценка собственно явления возникновения города. Традиционной точкой зрения является позиция, поддерживаемая и большинством современных историков, согласно которой города являются одним из основных признаков возникновения феодализма.³⁷ Однако известно изложенное выше мнение, что города на Руси возникают в результате распада родовых отношений.³⁸ Думается, что обе точки зрения не исключают друг друга и древнерусские города являются одним из конкретных проявлений периода разложения родового строя и сложения феодализма. Возникают они в переходную эпоху. Отсюда и такое многообразие их типов. В этом плане очень интересна и плодотворна гипотеза В. Л. Янина и М. Х. Алешковского о том, что древнерусские города возникают «из административных вечевых

³⁴ Там же, с. 243.

³⁵ Юшков С. В. Очерки по истории феодализма в Киевской Руси. М.; Л., 1939, с. 131—132; Греков Б. Д. Киевская Русь. М., 1953, с. 104; Тихомиров М. Н. Древнерусские города. с. 64.

³⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 163.

³⁷ Рабинович М. Г. Из истории городских поселений, с. 132—133.

³⁸ Мавродин В. В., Фроянов И. Я. Ф. Энгельс об основных этапах... с. 13.

центров сельских округ-погостов, мест концентрирования дани и ее сборщиков.³⁹

Аналогичные взгляды излагают и П. Н. Третьяков и Б. А. Рыбаков.⁴⁰ Первый особое внимание уделяет рассмотрению таких торгово-ремесленных центров, как Клецин, Сарское городище, Тимерево, Михайловское, Петровское в качестве непосредственных предшественников раннефеодальных городов Переяславля-Залесского, Ярославля, Ростова Великого. Общие проблемы древнерусских городов рассмотрены и в работах Г. В. Штыхова, исследованиям которого подверглись Полоцк и другие города Полоцкой земли.⁴¹ Г. В. Штыхов полагает, что города появляются на основе племенных центров в период перехода от родоплеменного строя к феодализму.

По его мнению, «древнерусский город — это сложный и многообразный социальный организм, который являлся средоточием ремесла и торговли, крепостью, административным центром округа или княжества, культурным и религиозным центром».⁴² Данное определение всеобъемлюще, но имеет сугубо общий характер и не позволяет определять конкретно тип городов, их особенности. По заключению Г. В. Штыхова, «возникновение городов — это один из признаков образования государственности».⁴³ Здесь он идет в русле традиционных взглядов историков. В другой своей книге он меняет свои заключения, делает упор на переходный характер эпохи образования городов на Руси.⁴⁴

Проблемы градообразования и типологии древнерусских городов специально изучаются В. В. Карловым, опубликовавшим по данной теме две обширные статьи.⁴⁵ В первой своей работе этот автор выделяет основные типы «догородских» поселений. Это, по его мнению, «замки» феодалов и княжеские крепости; ремесленно-торговые поселки, рядки, торжки, погосты; племенные (скорее, межплеменные) центры».⁴⁶ Далее, он рассматривает основные факторы градообразования на Руси, выделяет главные функции древнерусских городов. В. В. Карлов

³⁹ Янин В. Л., Алешковский М. Х. Происхождение Новгорода: К постановке проблемы. — История СССР, 1971, № 2, с. 61.

⁴⁰ Третьяков П. Н. У истоков древнерусской народности. — МИА. Л., 1970, № 179; Рыбаков Б. А. Смерды. — История СССР, 1972, № 1.

⁴¹ Штыхов Г. В. 1) Древний Полоцк IX—XIII вв. Минск, 1975; 2) Города Полоцкой земли IX—XIII вв. Минск, 1978.

⁴² Штыхов Г. В. Древний Полоцк... с. 6.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Штыхов Г. В. Города Полоцкой земли... с. 17—18.

⁴⁵ Карлов В. В. 1) О факторах экономического и политического развития русского города в эпоху средневековья: К постановке вопроса. — В кн.: Русский город: Историко-методологический сборник. М., 1976, с. 32—69; 2) К вопросу о понятии раннефеодального города и его типов в отечественной историографии. — В кн.: Русский город: Проблемы городского образования. М., 1980, вып. 3, с. 66—83.

⁴⁶ Карлов В. В. О факторах... с. 37.

определяет две магистральные линии развития городских центров на Руси. В его представлении, они выражены, с одной стороны, в борьбе торгово-ремесленных слоев за прежние городские вольности, и с другой — в постоянном стремлении феодальной знати подчинить себе города полностью и сделать их центрами феодализации земель в целом.

На наш взгляд, данное противоречие выявлено верно и представляется, что именно оно являлось движущей силой развития древнерусских городов.

В. В. Карлов полностью присоединяется и развивает заключения по данному вопросу, сформулированные Л. В. Черепниным.⁴⁷ Эти положения разработаны на примере городов Северо-Восточной Руси XII в. Здесь произошло столкновение между ростовскими и суздальскими боярами, с одной стороны, и городскими слоями Владимира. Налицо противоречие между феодальной боярской верхушкой и торгово-ремесленным городским людом, опирающимся на вечевые порядки, в свою очередь, уходящие корнями в период родо-племенных отношений. Таким образом, еще в XII в. в Северо-Восточной Руси продолжалась борьба между сторонниками новых феодальных порядков и родо-племенным началом, выразившаяся в противоречиях между «старыми» и «молодыми» городами.

В итоге В. В. Карлов приходит к выводу, что «город не специфический продукт феодального строя. В нем с самого момента его зарождения есть немало компонентов, выходящих за пределы феодализма и генетически с феодализмом не связанных».⁴⁸

Иначе говоря, многие черты и признаки древнерусских раннефеодальных городов следует искать в родо-племенных центрах. В результате интенсивной феодализации они постепенно были подавлены или вписались в структуру феодальных городов, но уже перестали быть основополагающими и ведущими. Однако этот процесс не был прямым и скоротечным.

Вторая работа В. В. Карлова посвящена разработке вопросов понятия города феодальной Руси и его типов. Здесь дается обширная историография вопроса. Автор выделяет несколько этапов развития города на Руси и показывает наиболее характерные его типы для каждого из них. По его мнению, «древнейшие города возникали именно как центры крупных земляческих союзов, на территории которых из центров распространялась политическая власть местных князей».⁴⁹ Они, таким образом, были опорными пунктами феодализации, местами сбора дани, центрами культовыми. На следующем этапе, в XI — первой трети XIII вв., появляется целая сеть городов и это, по заключе-

⁴⁷ Черепнин Л. В. О характере и форме древнерусского государства X — начала XIII веков. — Исторические записки, кн. 89. М., 1972, с. 392.

⁴⁸ Карлов В. В. О факторах... с. 54.

⁴⁹ Карлов В. В. К вопросу о понятии... с. 76.

нию В. В. Карлова, связано с «организацией феодального властвования внутри земли-княжения».⁵⁰

Данная характеристика, на наш взгляд, серьезно уступает по своей разработанности периодизации, предложенной Л. В. Алексеевым, которая рассмотрена нами выше. В целом работы В. В. Карлова вносят серьезный вклад в изучение процессов градообразования на Руси, суммируют результаты предшествующих исследований, содержат многие плодотворные заключения, намечают перспективы для дальнейшего исследования данной темы.

В последнее время городская проблематика заинтересовала и А. В. Кузу, опубликовавшего ряд статей, в которых рассмотрена как история собственно древнерусских городов, так и их непосредственных предшественников — поселений, исследованных археологами.⁵¹

В первой из названных работ А. В. Куза сравнивает летописные упоминания о городах с данными археологии, показывает динамичность процесса их идентификации. В следующей статье, имеющей подзаголовок «история изучения», данный автор не ограничивается историографией, но и делает собственные выводы по проблеме происхождения древнерусских городов. В частности, он утверждает, что «древнейшие города Руси сформировались прежде всего на основе племенных и межплеменных центров».⁵² Далее, он рассматривает различные типы раннегородских или предгородских образований. Это, по его мнению, открытые торгово-ремесленные поселения (протогорода), племенные центры, сторожевые крепости. В заключение он отмечает, что «эпохе развитого феодализма действительно присущи множественность форм городского устройства и различные пути градообразования, что подтверждают и археологические исследования».⁵³

Данные заключения А. В. Кузы находятся в соответствии с современными представлениями о раннем древнерусском городе.⁵⁴

Социально-историческая типология не только летописных городов, но археологическим путем выявленных и изученных поселений стала предметом исследования А. В. Кузы в недавно вышедшей его статье. Итогом данной работы стало заключение,

⁵⁰ Там же, с. 77—78.

⁵¹ Куза А. В. 1) Русские раннесредневековые города. — В кн.: Тезисы докладов советской делегации на III Международном конгрессе славянской археологии. М., 1975, с. 62—65; 2) О происхождении древнерусских городов (история изучения). — КСИА АН СССР, 1982, вып. 171, с. 9—15; 3) Социально-историческая типология древнерусских городов X—XIII вв. — В кн.: Русский город (исследования и материалы). М., 1983, вып. 6, с. 4—36.

⁵² Куза А. В. О происхождении... с. 13.

⁵³ Там же, с. 15.

⁵⁴ Булкин В. А., Гадло А. В., Дубов И. В., Лебедев Г. С. Археология... с. 99—101.

согласно которому «вторая половина X в. была временем активного градообразования на Руси».⁵⁵ Кроме того, А. В. Куза выявил целый ряд городских черт и функций в ряде укрепленных поселений второй половины X в. Таким образом, существенно расширяется список городских центров Древней Руси, по тем или иным причинам не развившихся в раннефеодальные города и не попавших на страницы летописей.

В целом исследования А. В. Кузы характеризует глубокое знание и полное использование историографического наследия, тщательный анализ источников как письменных, так и археологических, показ развития древнерусского города в динамике, а не как статичного явления. Работы А. В. Кузы закладывают прочный фундамент с учетом новейших достижений отечественной исторической науки для дальнейшего изучения такого сложного явления, каким является процесс градообразования на Руси.

В начале 80-х годов к проблемам древнерусского города обратился также Д. А. Авдусин и его ученики.⁵⁶ Эти работы будут рассмотрены нами ниже в связи с проблемой «переноса» городов на Руси.

Говоря об историческом изучении древнерусского города, и в частности центров Ростовской земли, нельзя не отметить большой вклад, внесенный в решение очерченного круга проблем таких историков и археологов, как А. М. Сахаров, А. Л. Хорошкевич, В. Л. Янин, М. В. Седова и ряда других.⁵⁷

Успехи нашей исторической и археологической науки в деле изучения древнерусских городов отражаются и в следующих фактах. В свое время М. Н. Тихомиров отмечал, что согласно летописным источникам для домонгольского периода на Руси насчитывается около трехсот городов.⁵⁸ А. В. Куза, опираясь на новейшие археологические исследования, довел их количество до четырехсот четырнадцати.⁵⁹ Он также отмечал, что «четырем сотням „летописных“ городов противостоят (? — И. Д.) почти 1500 археологически известных и зафиксированных древ-

⁵⁵ Куза А. В. Социально-историческая типология... с. 34.

⁵⁶ Петрухин В. Я., Пушкина Т. А. К предистории древнерусского города. — История СССР, 1979, № 4, с. 100—112; Авдусин Д. А. Происхождение древнерусских городов (по археологическим данным). — Вопросы истории, 1980, № 12, с. 24—42.

⁵⁷ Сахаров А. М. Города Северо-Восточной Руси XIV—XV веков. М., 1959; Хорошкевич А. Л. Основные итоги изучения городов XI — первой половины XVII вв. — В кн.: Города феодальной России. М., 1966; Янин В. Л., Колчин Б. А. Итоги и перспективы новгородской археологии. — В кн.: Археологическое изучение Новгорода. М., 1978, с. 5—56; Седова М. В. 1) Древнерусские города низовьев реки Клязьмы: Автореф. канд. дис. М., 1972; 2) Ярополч-Залесский. М., 1978; Седова М. В., Беленькая Д. А. Окольный город Суздаля. — В кн.: Древнерусские города. М., 1981, с. 95—115.

⁵⁸ Тихомиров М. Н. Древнерусские города... с. 32—43.

⁵⁹ Куза А. В. Русские раннесредневековые города... с. 64.

нерусских укрепленных поселений IX—XIII вв.». ⁶⁰ По подсчетам А. В. Кузы, на Владимиро-Суздальское княжество приходится 36 городов, что вполне сопоставимо с количеством городских центров в Переяславском (35), Галицком (34) или Смоленском (31) княжествах. Эти подсчеты сделаны для конца XII в. Раскопано или обследовано здесь 26 городских центров. К этому количеству городов следует добавить весьма значительное число городищ и крупных селищ, сведения о которых приводятся в археологических работах, посвященных Северо-Восточной Руси домонгольского времени. ⁶¹ О достаточно разветвленной сети городов в Северо-Восточной Руси, их торгово-ремесленном значении говорит текст торгового договора, заключенного с Волжской Булгарией князем Владимиром в 1006 г., который дошел до нас в пересказе В. Н. Татищева.

Он гласит: «Прислали болгары (Волские) Послов с дары многими, дабы Владимир позволил им в городах по Волге и Оке торговать без опасения, на что им Владимир охотно соизволил, и дал им во все грады печати, дабы они везде и всем волно торговали, и Русские купцы с печатми от наместников в Болгары с торгом ездили без опасения, а болгаром все их товары продавать во градах купцом, и от них купить что потребно, а по селам не ездить, тиуном, вирником, огневтине и смерды не продавать, и от них не купить». ⁶²

Таким образом, в договоре фиксируется факт, что в городах Северо-Восточной Руси уже в начале XI в. существует купеческий слой, находящийся под контролем феодальной администрации. Только представителям этого слоя разрешено заниматься внешней торговлей. С другой стороны, иноземным купцам категорически запрещено устанавливать свои самостоятельные связи и осуществлять торговые сделки с жителями сельских районов Волго-Окского междуречья, обходя при этом городские центры. Исходя из этого можно заключить, что данная трансевропейская торговля и связи с другими регионами концентрировались в городах, в каком-то смысле города и выросли на этих связях. А уже местная внутренняя торговля осуществлялась из городов.

Приведенные данные говорят о достаточно большом количестве предгородских образований и собственно городов на территории Северо-Восточной Руси, и о назревшей необходимости их специального и обобщающего исследования.

⁶⁰ Куза А. В. Социально-историческая типология... с. 5.

⁶¹ Успенская А. В., Фехнер М. В. Указатель и карта «Поселения и курганные могильники Северо-Западной и Северо-Восточной Руси X—XIII вв.». — В кн.: Очерки по истории русской деревни X—XIII вв. — Труды ГИМ, 1956, вып. 32, с. 139—150; Горюнова Е. И. Этническая история... с. 253—264.

⁶² Татищев В. Н. История Российская. Кн. II. М., 1773, с. 88—89.

Одной из основных проблем городской темы Древней Руси является вопрос о том, как происходило образование городов и на какой основе. Выше мы уже привели подробную историографию данного вопроса, а сейчас попробуем оценить эти проблемы на примере Волго-Окского междуречья. Процесс возникновения городов необходимо рассматривать в динамике, учитывая сложности и противоречия социально-экономического и политического развития древнерусского общества.

Всю сложность и многообразие путей развития русских городов можно проследить на примере Волго-Окского междуречья, где представлены практически все основные типы предгородских и раннегородских образований.

В Северо-Восточной Руси, как мы уже отмечали, раннефеодальным городам предшествовали племенные и протогородские центры. Все они прекратили свое существование в конце X—начале XI в. и уступили свое место на исторической арене раннефеодальным городским центрам.

Безусловно, возникновение древнерусских раннефеодальных городов шло сложными и различными путями, хотя этот процесс подчинялся общеисторическим закономерностям. Городские центры Северо-Восточной Руси нельзя исследовать в отрыве от общерусских проблем формирования городов. Они развивались по общим законам, здесь можно увидеть все те же явления, что и в других районах Древней Руси. Особенно близки они по своей хронологии, типологии, облику и характеру к городским центрам Новгородской земли. Это обусловлено прежде всего тем, что на первом этапе в IX—XI вв. Залесская земля заселялась из районов северо-запада, и выходцы из Новгородчины были здесь первыми русскими поселенцами. Безусловно, в развитии городов северо-востока проявились и свои особенности, имеют место и свои неповторимые черты.

Здесь, в Северо-Восточной Руси в полной мере проявился один из путей возникновения древнерусского города — так называемый «перенос» городов. Этой теме нами была посвящена специальная работа,⁶³ но здесь все-таки необходимо остановиться на основных аспектах данной проблемы.

Явление «переноса» городов в Древней Руси уже давно изучается отечественной исторической наукой. Эта проблема рассмотрена в трудах В. В. Мавродина, который, используя данные письменных и археологических источников, вскрывает причины и характер такого исторического феномена, как «перенос» города.⁶⁴ В. В. Мавродин в качестве примеров приводит факты,

⁶³ Дубов И. В. К проблеме «переноса» городов в Древней Руси. — В кн.: Генезис и развитие феодализма в России: Проблемы историографии. Л., 1983, с. 70—82.

⁶⁴ Мавродин В. В. 1) Образование древнерусского государства. Л., 1945, с. 114—115; 2) Образование Древнерусского государства и формирование древнерусской народности. М., 1971, с. 51.

связанные с возникновением Смоленска, Новгорода, Ростова Великого, Белозерска, Ярославля.

В. В. Мавродин отмечал, что «город переносили в том случае, если изменялся этнический состав населения, или когда подвергалась разгрому древняя родо-племенная знать, или тогда, когда перенос диктовался нуждами торговли и военных предприятий князя».⁶⁵

Иными словами говоря, по его мнению, основными причинами таких переносов были невозможность сооружения на старом месте достаточно надежного укрепления; выгодность и удобство местоположения прежде всего по экономическим причинам и, наконец, появление новых городов в противовес старым племенным центрам, что было одним из проявлений процесса феодализации.

В археологической литературе впервые гипотеза «переноса городов» на конкретном примере была разработана А. А. Спицыным. Он сделал это на основании изучения материалов археологических раскопок широко известного Гнездовского могильника, расположенного близ Смоленска. По мнению А. А. Спицына, Гнездово было древним Смоленском, а на новое современное место он был перенесен в XI в.⁶⁶

Так, со времен А. А. Спицына проблема Гнездова — Смоленска находится в центре внимания ученых. Сейчас существенно пополнился фонд сведений о Гнездовском комплексе как количественно, так и качественно. Сейчас это уже не только материалы могильника и скудные данные о городищах, но и результаты новых раскопок поселений, нумизматические находки.

Гипотезу А. А. Спицына о том, что Гнездово было первоначальным Смоленском русских летописей и что «перенос» города произошел уже в XI в. оспаривает в своих многочисленных работах Д. А. Авдусин. Он интерпретировал Гнездовский могильник как кладбище древнего Смоленска, а сам город, по его мнению, «возник там, где он стоит сейчас».⁶⁷ Позднее Д. А. Авдусин стал полагать, что Гнездово и Смоленск существовали параллельно: первое было экономическим центром, а второй — политическим. Невозможность «переноса» Смоленска, по мысли Д. А. Авдусина, обусловлена и значительным расстоянием между ним и Гнездовом — около 12 км.⁶⁸

Гипотеза о том, что Гнездовский могильник — некрополь Смоленска, могла иметь право на существование лишь до того

⁶⁵ Мавродин В. В. Образование Древнерусского государства и формирование древнерусской народности... с. 51.

⁶⁶ Спицын А. А. Гнездовские курганы в раскопках С. И. Сергеева. — ИАК. СПб., 1905, вып. 15, с. 7—8.

⁶⁷ Авдусин Д. А. К вопросу о происхождении Смоленска и его начальной топографии. — В кн.: Смоленск к 1160-летию первого упоминания города в летописи. Смоленск, 1967, с. 79.

⁶⁸ Авдусин Д. А. Происхождение древнерусских городов... с. 38—39.

момента, пока не началось интенсивное полевое изучение Гнездовского поселения под руководством И. И. Ляпушкина.⁶⁹ Сразу же стало ясно, что это и есть тот центр, которому принадлежал широко известный погребальный комплекс. Основываясь на результатах раскопок Гнездовского поселения, И. И. Ляпушкин пришел к обоснованному выводу, согласно которому гипотеза А. А. Спицына о том, что Гнездово было древнейшим Смоленском, имеет все основания, чтобы претендовать на истинность. Это предположение, считал И. И. Ляпушкин, может быть снято лишь при условии обнаружения в самом городе слев ранее XI в., т. е. синхронных погребениям Гнездовского могильника и относящихся к IX—X вв.⁷⁰

В дальнейшем по мере изучения Гнездовского комплекса предположения А. А. Спицына получали все новые и новые обоснования.⁷¹ Сейчас вряд ли возможно сомневаться в том, что Гнездово было первоначальным Смоленском и уступило свое место городу на современном месте. Позже культурные слои в Смоленске известны, начиная с XI в.⁷² Наиболее детально проблема соотношения Гнездова и Смоленска, а также возможности «переноса» здесь города рассмотрена в монографии Л. В. Алексеева, посвященной ранней истории Смоленской земли.⁷³

Новейшие исследования убедительно показывают, что Гнездово и было первоначальным Смоленском. Это был крупный торгово-ремесленный центр на днепровском пути, игравший также роль главного города славянского племени смоленских кривичей. Л. В. Алексеев называет его «гнездовским» Смоленском.⁷⁴ В. Я. Петрухин и Т. А. Пушкина полагают, что центры, подобные Гнездову, ориентировались прежде всего на внешние торговые связи обслуживания изделиями и предметами импорта дружинных верхов.⁷⁵ Полагаем, что при такой искусственной

⁶⁹ Ляпушкин И. И. 1) Новое в изучении Гнездова. — АО 1967 года. М., 1968, с. 43—44; 2) Исследования Гнездовского поселения. — АО 1968 года. М., 1969, с. 66—67.

⁷⁰ Ляпушкин И. И. Гнездово и Смоленск. — В кн.: Проблемы истории феодальной России. Л., 1971, с. 37.

⁷¹ Булкин В. А. Гнездовский могильник и курганные древности Смоленского Поднепровья: Автореф. канд. дис. Л., 1973, с. 20—21; Булкин В. А., Лебедев Г. С. Гнездово и Бирка: К проблеме становления города. — В кн.: Культура средневековой Руси. Л., 1974, с. 14—15. — В этой статье авторы полностью отвергают гипотезу о том, что Гнездово — кладбище Смоленска, но и говорят о необходимости дополнительных доказательств для утверждения точки зрения А. А. Спицына.

⁷² Алексеев Л. В. О древнем Смоленске. — СА, 1977, № 1, с. 84—91.

⁷³ Алексеев Л. В. Смоленская земля в IX—XIII вв. М., 1980, с. 135—154.

⁷⁴ Там же, с. 136; Алексеев Л. В. Смоленская земля в IX—XIII вв.: Очерки истории Смоленщины и Восточной Белоруссии: Автореф. докт. дис. М., 1982, с. 22—24.

⁷⁵ Петрухин В. Я., Пушкина Т. А. К предыстории древнерусского города... с. 110.

оторванности от местной среды они вряд ли могли долго существовать. Не отвергая названных выше функций, следует все же согласиться с заключением, что они играли важную главенствующую роль и в племенных структурах.

По мнению В. Я. Петрухина и Т. А. Пушкиной, Гнездово являлось опорным пунктом киевской великокняжеской власти в земле смоленских кривичей, исконным племенным центром которых был, собственно, город Смоленск. Такие дружинные погосты, как Гнездово, «Рюриково городище», Сарское городище, Шестовицкое поселение, Тимерево, по мнению этих исследователей, играли важную роль в создании раннефеодального Древнерусского государства. Предложено и объяснение их исчезновения в XI в. — это было связано с «консолидацией земель вокруг старых племенных центров и распадом „империи Рюриковичей”». ⁷⁶

На наш взгляд, общее объяснение вопроса о соотношении Гнездова и Смоленска может быть следующим. В XI в. возникает раннефеодальный Смоленск на возвышенных берегах Днепра. Создается он на Соборной горе и становится укрепленным раннефеодальным княжеским опорным центром. Этот город возникает как противовес племенному торгово-ремесленному Гнездовскому комплексу. Постепенно происходит отток жителей из Гнездова, и Смоленск расширяется, крепнет. «Перенос» этот происходил не по волевому усилию какой-либо личности или социальной группы, а явился объективным следствием процесса разрушения старых родовых связей и становления раннефеодального общества.

А. А. Спицына поддерживал В. И. Равдоникас, который не только разделял его точку зрения по отношению к Гнездовому — Смоленску, но и привел другие аналогичные примеры: Белозерск, Старая Рязань, Новгород, Ростов. ⁷⁷

Особенно важные данные сообщает В. И. Равдоникас о возникновении Белозерска. Он делает и общее заключение: «Есть какая-то общая закономерность в этом процессе роста древнерусских городов. Перемещение города на новое место в известный момент его развития наблюдается повсеместно». ⁷⁸

Подобную картину можно наблюдать, изучая историю возникновения древнего Белоозера. Местная легенда сообщает о том, что первоначально город Белоозеро находился на северном берегу оз. Белого и лишь позднее был перенесен к истоку реки Шексны. Начиная с X в. город Белоозеро располагается в устье р. Шексны на правом ее берегу.

⁷⁶ Там же, с. 109.

⁷⁷ Равдоникас В. И. О возникновении феодализма в лесной полосе Восточной Европы в свете археологических данных. — Известия ГАИМК. Л., 1934, вып. 103, с. 118—119.

⁷⁸ Там же, с. 119.

Опираясь на работы Н. П. Барсова, А. А. Шахматова, П. А. Сухова, Л. А. Голубевой, можно реконструировать древнейшую историю Белоозера и увидеть, что его образование и развитие вполне вписывается в процесс, который определяется как «перенос» городов в Древней Руси.⁷⁹ Поселение у с. Городище, открытое П. А. Суховым и исследованное экспедицией под руководством Л. А. Голубевой, было важнейшим торгово-ремесленным раннегородским центром, видимо, предшествовавшим Белоозеру, расположенному у истока Шексны. Возможно, это и было летописное Белоозеро IX в., откуда оно было перенесено на более удобное место к берегу оз. Белого.

Проблема переноса городов рассмотрена Г. В. Штыховым на примере таковых на территории Белоруссии.⁸⁰ Он считает, что города Полоцк, Борисов, Минск, Усвяты возникли в результате этого процесса. Г. В. Штыхов отмечает, что «смещение городов связано с оставлением людьми населенного пункта, вследствие чего жизнь в нем замирала, и возникновением в другом месте нового пункта, к которому переходили функции старого города».⁸¹ Г. В. Штыхов различает полный и частичный перенос города.

Как мы уже отмечали, кроме Гнездова в Древней Руси есть еще примеры «переноса» городов — это происходит повсеместно и особенно характерно для северо-востока. Мы фиксируем данное явление в Белоозере, на смену Тимереву приходит Ярославль, Сарскому городищу — Ростов, Клещину — Переяславль-Залесский. Конечно, в каждом конкретном случае проявляются определенные особенности, но в целом такие «переносы» обусловлены общими закономерностями развития.⁸² Старые племенные центры и протогорода переходной эпохи теряют свое былое значение, они не в состоянии конкурировать с раннефеодальными княжескими крепостями и городами, которые основываются главным образом в начале XI в.⁸³ Во всех известных случаях «переносов» городов, кроме ситуации с Клещиным-Переяславлем, упомянутой в летописи, можно опираться лишь на сведения, полученные в результате археологических исследований, что, конечно, существенно ограничивает возможности исторической реконструкции рассматриваемого явления.

⁷⁹ Барсов Н. П. Очерки русской исторической географии. Варшава, 1888, с. 204; Шахматов А. А. Сказание о призвании варягов. СПб., 1904, с. 53; Сухов П. А. Славянское городище IX—X столетий в южном Белоозерье. — МИА, 1941, № 6, с. 89; Голубева Л. А. Весь и славяне на Белом озере. X—XIII вв. М., 1973, с. 57—198.

⁸⁰ Штыхов Г. В. Города Полоцкой земли... с. 19—20.

⁸¹ Там же, с. 20.

⁸² Булкин В. А., Дубов И. В. Тимерево и Гнездово. — В кн.: Из истории феодальной России. Л., 1978, с. 20.

⁸³ Булкин В. А., Дубов И. В., Лебедев Г. С. Археологические памятники Древней Руси IX—XI столетий. Л., 1978, с. 136.

Пробелы в источниках, сложность их интерпретации, датирования и позволили взять под сомнение в целом идею и факт «переноса» городов в Древней Руси. С такими сомнениями недавно выступил Д. А. Авдусин.⁸⁴ В его представлении «перенос» древнерусских городов должен был означать сооружение новых жилищ, мастерских, хозяйственных построек, укреплений, расчистку и освоение новых пашен и угодий, строительство дорог, феодальное подчинение всей округи. Д. А. Авдусин категорически отрицает возможность «переноса» городов в Древней Руси, объясняя это сугубо экономическими причинами. Он признает только факт «переноса» Переяславля-Залесского, и то только потому, что он зафиксирован в письменных источниках. Д. А. Авдусин, видимо, прав, когда утверждает, что «перенос» Переяславля-Залесского происходил в более позднее время, нежели городов Руси, и потому не может быть главным аргументом в пользу данного явления в целом.

В работах учеников Д. А. Авдусина также отвергается в целом возможность «переноса» городов в Древней Руси, и взамен предлагается гипотеза существования в период раннего средневековья так называемых «пар» городов.⁸⁵ Но доказанность одновременного функционирования городов и параллельных им поселений (лагерей воинов-скандинавов⁸⁶ или пунктов-погостов) пока явно недостаточна. Сомнительно, что на смену погостам — «опорным пунктам великокняжеской власти»⁸⁷ — приходят города, развивающиеся из племенных центров. Этому заключению следует противопоставить вывод, что города сменяют как протогородские, так и племенные центры и вырастают они совершенно на новой основе. Хотя, конечно, абсолютизировать данный путь развития нельзя.

Термин «перенос города» в нашем понимании достаточно условен и за ним скрываются сложные экономические и социальные явления. Не случайно они в основном приходятся на конец X — начало XI в., когда процесс феодализации Руси вступает в новую более активную фазу и борьба с родо-племенными образованиями близится к завершению. Одним из ее проявлений и были «переносы городов». В конце X — начале XI в. обе категории раннегородских образований (протогорода и племенные центры) начинают терять свое значение и постепенно вытесняются с исторической арены подлинными городами — центрами административной и духовной власти, ремесла и торговли, стягивающими сельскохозяйственную округу. Типы

⁸⁴ Авдусин Д. А. Происхождение древнерусских городов... с. 24—42.

⁸⁵ Леонтьев А. Е. Сарское городище в истории Ростовской земли (VIII—XI вв.): Автореф. канд. дис. М., 1975, с. 22; Петрухин В. Я., Пушкина Т. А. К предыстории... с. 100—112.

⁸⁶ Рыбаков Б. А. Киевская Русь. — В кн.: История СССР с древнейших времен, т. I. М., 1965, с. 489.

⁸⁷ Петрухин В. Я., Пушкина Т. А. К предыстории... с. 109.

этих городов, пути их возникновения также различны.

Необходимо остановиться еще на одном моменте, связанном с явлением «переноса» города. Дело в том, что расстояния от старых центров до новых в ряде случаев одинаковые.

По арабским источникам, дневной переход вверх по воде составлял 25 км.⁸⁸ Такие раннегородские центры, как Гнездово, Сарское городище, Тимерево, находятся примерно на одинаковом расстоянии (10—15 км) от пришедших им на смену раннефеодальных городов — Смоленска, Ростова Великого, Ярославля, а Древнейшее Белоозеро (поселение у с. Городище) располагается от своего преемника в устье р. Шексны на расстоянии в пределах дневного перехода.

Видимо, не случайно новые города возникают на таком близком удалении от старых племенных и торгово-ремесленных пунктов, которые сохраняли сложившиеся в течение столетий прочные связи с округой. Определенное время они оставались племенными торжищами, обслуживающими целые районы.

В эпоху раннего средневековья основными путями являлись водные глади крупных рек и озер. В течение светового дня можно было добраться из нового города до хорошо знакомого и привычного торгового места, продать или приобрести необходимые товары и затемно вернуться к своему очагу. Расстояние 10—15 км было путем в один конец. В то же время жители старого центра всегда легко могли приехать в центральный город и в тот же день без особых усилий и риска, боясь быть застигнутыми темнотой и непогодой в пути, возвратиться назад. Это означает, что на первых этапах своей истории раннефеодальный город не мог существовать без связей с племенными центрами, по-прежнему игравшими важную роль в историческом развитии.

«Перенос» городов в Древней Руси хотя и общее явление, но не обязательное для всех ее районов и центров. «Перенос» городов имеет место в тех случаях, когда новый нарождающийся класс феодалов не в состоянии полностью переломить родо-племенную знать, отчаянно цепляющуюся за свою власть, основанную на родовых устоях и порядках. Этот класс пока не имеет возможности целиком подчинить себе все сферы жизни и деятельности старых сформировавшихся центров.

Ведущую роль в племенных и торгово-ремесленных протогородах играло общинное начало. И оно безусловно не могло не вступить в противоборство с новыми раннефеодальными порядками. Феодалный класс формировался не только на основе родо-племенной верхушки, в его состав входили торговцы, ремесленники, дружинные группы. Социальная база его была

⁸⁸ Рыбаков Б. А. Русские земли по карте Идриси 1154 года. — КСИИМК, 1952, вып. XIII, с. 40.

шире, нежели узкий круг вождей и старейшин племен периода родового строя. Такое противоречие не могло не вызвать соответствующего противостояния и острой борьбы за экономическую и политическую власть.

И вот тогда неподалеку от них, как правило, на более удобных местах, непосредственно на главных перекрестках водных путей, возникают новые раннефеодальные города, как бы в противовес старым центрам племен — торжищам, где сосредоточивалось все местное ремесло и торговля, как внутренняя, так и дальняя.

«Перенос» городов нельзя представлять как единовременный быстротечный акт. Замена старых центров новыми полностью происходит примерно на протяжении 25 лет, т. е. в период смены одного поколения другим.

Новые раннефеодальные города поначалу сохраняют тесные связи со старыми центрами и даже некоторую зависимость. Однако постепенно их самостоятельность усиливается, и прежние центры либо вовсе исчезают с исторической арены, либо настолько теряют свое значение, что их судьба не прослеживается ни по письменным источникам, ни по археологическим данным.

В следующих главах мы как раз и рассмотрим все эти процессы на конкретных примерах возникновения и развития четырех городов Северо-Восточной Руси и предшествующих им раннегородских центров.

**«ДНЕСЬ СВЕТЛО КРАСУЕТСЯ ПРЕСЛАВНЫЙ
ГРАД РОСТОВ»**

Люди издавна заселили и освоили берега крупнейшего в Верхнем Поволжье оз. Неро (Ростовского). И это не случайно. Местные природные условия благоприятствовали здесь активному развитию земледелия и скотоводства, воды озера и впадающих в него рек изобиловали рыбой, в лесах водилось много зверя, в том числе и пушного, низменные пойменные берега создавали хорошие условия для огородничества. Именно Ростов, привольно раскинувшийся по берегам озера, стал родиной русского огородничества. На протяжении своей истории оз. Неро переживало разные периоды — оно и мелело, и обводнялось, и вновь уровень воды в нем падал. Однако, как отмечается в специальной литературе, природные условия приозерной котловины в сочетании с историко-географическими особенностями ее заселения благоприятны для жизни здесь людей.¹

Археологическое изучение берегов оз. Неро и ближайших окрестностей говорит о высокой плотности заселения данного района, начиная с глубокой древности. Особенно много здесь обнаружено курганных могильников, городищ, селищ и кладов, относящихся к эпохе средневековья.² Широкой научной общественности как в нашей стране, так и за рубежом, краеведам, музейным работникам хорошо известен такой уникальный памятник раннего железного века — средневековья, как Сарское городище, расположенное неподалеку от озера на р. Сара. Это поселение имеет особое значение для реконструкции истории Верхнего Поволжья в целом и в частности для изучения здесь процессов градообразования, поскольку оно переживает различные стадии своего развития, характерные для всей Древней Руси (рис. 2).

¹ Крайнер Н. П., Студенов Н. С. Реки и озера. — В кн.: Природа и хозяйство Ярославской области. Часть первая. Природа. Ярославль, 1959, с. 237—242.

² Горюнова Е. И. Этническая история Волго-Окского междуречья. — МИА. М., 1962, № 94, карты № 3—4.

Начинает свою жизнь это городище как мерянский племенной центр, затем в период активного славянского освоения края становится протогородом и, в конце концов, превращается в феодальный замок, уступив первую роль в данном районе городу Ростову, впоследствии названному Великим.

Известный советский историк А. Н. Насонов писал о Сарском городище: «Когда „Русская земля“ распространила свою „дань“ над северо-восточную „страною“, там уже существовал славянский „город“, соответствующий старому Смоленску и старой Ладоге. Город этот — Сарское городище близ Ростова, которое археологи отождествляют с древнейшим Ростовом».⁴ А. Н. Насонов был прав, когда сравнивал типологически Сарское городище со Смоленском IX—X вв. (Гнездово) и соответствующими слоями Ладоги. Однако современные археологические исследования не подтверждают его тезис об первоначальной принадлежности этого поселения славянам.

Более ста лет ведутся археологические изыскания в этом районе. Внимание ученых привлекло прежде всего Сарское городище — укрепленное поселение, расположенное на высокой гряде в излучине р. Сары в 15 км к югу от древнерусского Ростова Великого (ныне Ростов-Ярославский). Первое описание городища относится к 20-м годам XIX в.⁴

Археологические раскопки начались здесь во время широких работ в Залесской земле экспедиции А. С. Уварова и П. С. Савельева.⁵ Следующим этапным исследованием стали раскопки под руководством Д. Н. Эдингга.⁶ Кроме этих археологов, на Сарском городище копали ростовский краевед А. А. Титов, известный русский художник и археолог Н. К. Рерих, археологи Д. А. Крайнов и Д. А. Ушаков.

Начиная с 1970 г. на городище с незначительными перерывами ведет работы А. Е. Леонтьев, который занимается прежде всего изучением уцелевшей части посада, а также разведками и раскопками селищ и курганных могильников в ближайших окрестностях.⁷

Результаты предыдущих исследований и собственных раскопок обобщены А. Е. Леонтьевым в ряде статей и кандидатской

³ Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М., 1951, с. 174—176.

⁴ Бояркин Н. Городище на реке Сарре. — Вестник Европы, 1820, № 113, с. 311.

⁵ Уваров А. С. Меряне и их быт по курганным раскопкам. — Труды I археологического съезда. М., 1869, с. 32.

⁶ Эдингг Д. Н. Сарское городище. Ростов-Ярославский, 1928.

⁷ Леонтьев А. Е. 1) Работы на Сарском городище. — АО 1972 года. М., 1973, с. 73; 2) Раскопки Сарского городища и разведки в Ярославской области. — АО 1973 года. М., 1974, с. 63; Леонтьев А. Е., Исланова И. В. Работы Волго-Окской экспедиции. — АО 1978 года. М., 1979, с. 70—71.

диссертации.⁸ Этим автором выполнено ценное исследование, благодаря которому по-новому стали рассматриваться многие важные аспекты развития Сарского городища и его роли в истории Ростовской земли. Однако далеко не все проблемы решены, многие спорные вопросы так и остались открытыми. А между тем Сарское городище является ключевым памятником, без понимания которого невозможно дальнейшее изучение истории Волго-Окского междуречья IX—X вв. В исторической науке давно сложилось представление, согласно которому Сарское городище и есть древний город Ростов, упоминаемый в летописи, т. е. это укрепленное поселение как бы предшествовало современному Ростову, расположенному непосредственно на берегу оз. Неро.⁹ Нет необходимости доказывать, насколько важно изучение собственно Сарского городища для решения данного вопроса. К сожалению, мы вынуждены констатировать, что наши возможности в этом плане крайне ограничены, так как еще в XIX в. на городище был создан карьер по добыче щебня, он же и привел памятник к окончательной гибели в 20—30-х годах нашего столетия.

Городище расположено на узкой вытянутой гряде и с трех сторон окружено петляющей р. Сарой. Еще в 1820 г. Н. Бояркин отмечал, что на городище 4 вала.¹⁰ Ко времени работ А. С. Уварова и П. С. Савельева сохранилось только три (I, II, III—по нумерации Эдингга). На плане, опубликованном А. С. Уваровым, северо-восточная часть городища, и в том числе вал «А», показана пунктиром, т. е. к этому времени они были уже уничтожены.¹¹ Этот план в точности воспроизведен в работе П. Н. Третьякова.¹² Е. И. Горюнова позднее отметила, что П. Н. Третьяковым была допущена ошибка и план был неправильно ориентирован — «вершина излучины р. Сары, а следовательно, и мыс обращены на северо-запад».¹³ Однако никакой ошибки П. Н. Третьяков не допускал — во всех публикациях план городища ориентирован правильно. Несохранившаяся часть городища с валом «А» находится в его северо-восточной части.¹⁴

⁸ Леонтьев А. Е. 1) «Город Александра Поповича» в окрестностях Ростова Великого. — Вестн. Моск. ун-та, 1974, № 3, с. 85—96; 2) О времени возникновения Сарского городища. — Вестн. Моск. ун-та, 1974, № 5, с. 68—74; 3) Сарское городище в истории Ростовской земли (VIII—XI вв.): Автореф. канд. дис. М., 1975; 4) Скандинавские вещи в коллекции Сарского городища. — Скандинавский сборник. Таллин, 1981, вып. XXVI, с. 141—150.

⁹ Спицын А. А. Владимирские курганы. — ИАК, СПб, 1905, вып. 15, с. 94; Насонов А. Н. «Русская земля»... с. 181.

¹⁰ Бояркин Н. Городище... с. 311.

¹¹ Уваров А. С. Меряне... с. 232.

¹² Третьяков П. Н. К истории племен Верхнего Поволжья в I тыс. н. э. — МИА, 1941, № 5, с. 91 (рис. 49).

¹³ Горюнова Е. И. Эгническая история Волго-Окского междуречья. — МИА, М., 1961, № 94, с. 95.

¹⁴ Эдинг Д. Н. Сарское городище... (прилож.); Леонтьев А. Е. «Город Александра Поповича»... (рис. 1).

А вершина излучины р. Сары подступает к городищу с юго-запада. П. Н. Третьяков и Е. И. Горюнова считали, что северная часть памятника является древнейшей и представляет собой типичное мысовое городище дьякова типа, расположенное на «стрелке» гряды. Мы пока не будем анализировать вещественный материал, отметим только, что «стрелкой» в данном случае является южная оконечность гряды, где расположена поздняя часть городища. Северная часть поселения совершенно не изучена, во-первых, у нас практически нет никаких данных о существовании вала «А», на площадке между валами «А» и I раскопок не производилось, или, по крайней мере, сообщения о них отсутствуют. Однако вполне допустимо, что вал «А» защищал поселение с севера с напольной стороны, а вал I отсекал раннюю часть памятника от основного массива гряды. Тогда мы имеем не мысовое городище, а обычный памятник дьяковской культуры, со всех сторон имеющий искусственные или естественные укрепления — 2 вала («А» и I) и обрывы мыса с двух оставшихся сторон. П. А. Раппопорт и следом за ним А. Е. Леонтьев полагают, что древнейшей является средняя часть городища, заключенная между I и II валами.¹⁵ А. Е. Леонтьев отмечает тот факт, что средняя площадка городища была самой удобной и возвышалась над северной и южной частями.¹⁶

Это положение легко оспаривается. Во-первых, если проанализировать размеры валов, приводимые Д. Н. Эдингом, то видно, что все сохранившиеся 3 вала насыпаны почти на горизонтальной плоскости.¹⁷ По крайней мере, незначительное повышение идет в сторону вершины излучины р. Сары, т. е. к юго-западу. Площадка городища у подножия вала I возвышается над уровнем почвы вне поселения на 2 м 10 см; у вала II — на 2 м 30 см, а у вала III — на 3 м. Близкие высоты над уровнем заливных лугов имеют пологий юго-западный склон (около 10 м) и крутой северо-восточный (более 10 м).¹⁸ Во-вторых, не совсем ясно, что имел в виду Д. Н. Эдинг, когда пользовался термином «болонье». Так он называет и центральную часть городища, ограниченную I и II валами.¹⁹ П. А. Раппопорт указывал, что эта ошибка Д. Н. Эдинга основана на том, что он считает основной северо-восточную площадку поселения.²⁰ Однако Д. Н. Эдинг и ее называет «болоньем».²¹

Путаница с термином Д. Н. Эдинга привела к тому, что в позднейших исследованиях появилась еще одна трактовка, —

¹⁵ Раппопорт П. А. Очерки по истории военного зодчества Северо-Восточной и Северо-Западной Руси X—XV вв. ... с. 25; Леонтьев А. Е. Сарское городище... с. 14.

¹⁶ Леонтьев А. Е. Сарское городище... с. 15.

¹⁷ Эдинг Д. Н. Сарское городище... с. 9—10.

¹⁸ Там же, с. 7.

¹⁹ Там же.

²⁰ Раппопорт П. А. Очерки... с. 24 (прим. 39).

²¹ Эдинг Д. Н. Сарское городище... с. 9.

по мнению А. Е. Леонтьева, Д. Н. Эдинг обе боковые площадки называл «болоньем» и вообще считал городищем лишь центральную часть памятника.²² Это заключение, как видим, находится в противоречии с замечанием П. А. Раппопорта. Д. Н. Эдинг называл «болоньем» не только центральную и северо-восточную площадки городища, но и прилегающую к нему площадь, находящуюся за пределами валов, — так, описывая второй вал, он указывал, что его гребень «возвышается над площадью города на 1,60 м, а над болоньем — на 3,90 м.»²³ Собственно термин «болонье» («блонье») имеет несколько значений, приемлемых для описания археологических памятников.²⁴ Это и низменная луговая равнина у реки или озера в том случае, когда речь идет о местности, примыкающей к гряде, на которой находится Сарское городище. Это и выгон, покотина, в качестве которых также могли использоваться заливные луга близ городища. Ближайшие округи города, предместье, слободы, околицы — в таком значении можно говорить о разных частях городища в зависимости от понимания его структуры и топографии. Скорее всего, Д. Н. Эдинг использовал термин «болонье» для обозначения местности, находящейся за валом или вообще за пределами городища. Нечеткость Д. Н. Эдинга в пользовании этим термином и повлекла за собой недостаточно обоснованное заключение, сделанное уже другими исследователями.

Таким образом, у нас нет оснований утверждать, что центральная площадка городища выше по уровню, чем северная или южная.

Важнейшим аргументом в пользу того, что центральная площадка городища была древнейшей, по мнению П. А. Раппопорта и А. Е. Леонтьева, является факт одновременного сооружения валов I и II, насыпанных на материке. Однако еще Д. Н. Эдинг указывал на некоторые конструктивные различия этих валов. Он достаточно определенно высказался, что вал I старше вала II, а на месте последнего первоначально был тын, который позднее заменили валом.²⁵ Различия в структуре валов I и II отмечала и Е. И. Горюнова.²⁶ Д. Н. Эдинг полагал, что III вал, как и уничтоженный вал «А» были сооружены позднее двух первых.²⁷ Возникновение валов I и II А. Е. Леонтьев относит к рубежу VIII—IX вв., а III и IV — к периоду IX—X вв.²⁸

²² Леонтьев А. Е. О времени возникновения... с. 69.

²³ Эдинг Д. Н. Сарское городище... с. 9.

²⁴ Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1955, т. I, с. 99.

²⁵ Эдинг Д. Н. Сарское городище... с. 24.

²⁶ Горюнова Е. И. Этническая история... с. 24.

²⁷ Эдинг Д. Н. Сарское городище... с. 24.

²⁸ Леонтьев А. Е. Сарское городище... с. 19—20. — Автор дает другую нумерацию валов.

Таким образом, по мнению обоих исследователей, рост городища происходил от центральной площадки в обе стороны по гряде. Аналогично возникали и полосы укреплений — сначала одна линия валов и рвов, затем — вторая. Правда, Д. Н. Эдинг указывал на некоторую разновременность валов I и II. В этом плане особый интерес вызывает замечание Д. А. Ушакова, приводимое А. Е. Леонтьевым, который отметил, что укрепления склона южной площадки городища — деревянные конструкции — городки, II и III валы составляют единую оборонительную систему.²⁹ Надо также заметить, что ни один автор не говорит о каких-либо различиях между валами II и III. Отсюда возникает мысль об их относительной одновременности. Вал III изучен гораздо лучше, нежели два других, — он насыпан на культурном слое, рядом с ним зафиксирована срубная конструкция. Аналогичные сооружения зафиксированы и у подошвы вала II.

Все три исследованные оборонительные сооружения имеют одну строительную традицию, восходящую к памятникам дьяковской культуры. Во всех случаях в разрезах валов зафиксированы следы или остатки сгоревших деревянных конструкций.

В качестве аналогии Д. Н. Эдинг, ссылаясь на А. А. Слицина, приводил пример городища Березняки, где в основе валов были также деревянные конструкции.³⁰ После исследований и публикации материалов П. Н. Третьякова этот пример еще больше подтвердился — во второй четверти I тысячелетия н. э. в устье р. Сонохты были возведены оборонительные укрепления, состоящие из двух плетней, пространство между которыми было засыпано землей. После того как плетни сгорели, земля осела и накрыла подушкой деревянные конструкции.³¹ Аналогичные укрепления есть и на других дьяковских городищах Волго-Окского междуречья.³² Рассмотрим внимательно, как было укреплено городище Березняки со стороны перемычки, соединявшей место поселка с плато высокого берега, где и находились прежде всего укрепления с плетневой основой. По аналогии такие защитные сооружения могли быть и на Сарском городище, возможно, это и был вал «А». Данная мысль не нова и высказывалась еще П. Н. Третьяковым и Е. И. Горюновой. Позднее она оспаривалась П. А. Раппопортом и А. Е. Леонтьевым. «Смотрим укрепления Березняковского городища далее, — такая же земляная стена, основой для которой служили два параллельных плетня, была построена на протяжении 15—20 м с южной стороны площадки».³³ На Сарском городище в его

²⁹ Леонтьев А. Е. «Город Александра Поповича»... с. 89.

³⁰ Эдинг Д. Н. Сарское городище ... с. 22.

³¹ Третьяков П. Н. К истории племен ... с. 52.

³² Смирнов К. А. Дьяковская культура: Материальная культура городищ междуречья Оки и Волги. — В кн.: Дьяковская культура. М., 1974, с. 16—17.

³³ Третьяков П. Н. К истории племен... с. 52.

первоначальный период существования такой защитой вполне мог быть вал I. Березняки имеют также и боковые укрепления, состоящие из бревенчатой ограды. Сарское городище таких не имеет, хотя, как мы уже отмечали, северо-восточная часть городища исследованиям не подвергалась. Валы II и III, учитывая их конструктивную близость и то, что они являются компонентами единой оборонительной системы, видимо, сооружались почти одновременно и связаны с древнерусским периодом в истории городища.

Как известно, П. Н. Третьяков и Е. И. Горюнова датировали возникновение Сарского городища VI—VII вв. Позднее эта датировка была пересмотрена, и ранние находки на городище стали относиться лишь к VIII в.³⁴

Одним из основных доказательств в пользу более поздней даты были большие размеры первоначального поселения, т. е. центральной площадки Сарского городища, площадь которой определил Д. Н. Эдинг — 8320 кв. м.³⁵ По мнению А. Е. Леонтьева, это противоречит отнесению поселка на Саре к VI—VII вв. Он справедливо замечает, что в это время средняя площадь городищ в данном регионе не превышала 0,5 га.³⁶ Заметим, что она была даже еще меньше. Например, площадь городища Березняки, дожившего до V вв., равняется всего 2300 кв. м.³⁷ Однако если все-таки полагать, что древнейшей была северо-восточная площадка Сарского городища, то ее размеры (3000 кв. м) соответствуют обычным и не выделяются из серии синхронных однотипных памятников. П. Н. Третьяков думал, что в это время были заселены и северная и центральная площадки. Их общая площадь превышает 1,4 га. Это и вызвало его размышления по поводу необычно большой площади первоначального Сарского поселка, что позволило ему отнести поселение «к дальнейшим, еще неизвестным нам этапам развития».³⁸

Раскопки на Сарском городище дали богатейшую коллекцию вещей, по которым можно в целом представить в развитии материнскую и духовную культуру его обитателей. К сожалению, большая часть находок депаспортизована, точное происхождение многих трудно или практически невозможно установить. С такими трудностями сталкивается каждый, кто занимается исследованием данного памятника. Монографическое исследование Д. Н. Эдинга в этом плане не помогает, а только запутывает. Благодаря большим усилиям А. Е. Леонтьеву удалось в своей диссертации классифицировать вещественный материал Сарского городища, установить «адреса» многих нахо-

³⁴ Леонтьев А. Е. О времени возникновения... с. 73.

³⁵ Эдинг Д. Н. Сарское городище... с. 9.

³⁶ Леонтьев А. Е. Сарское городище... с. 15.

³⁷ Третьяков П. Н. К истории племен..., с. 52.

³⁸ Там же, с. 92.

док. Однако эта работа до сих пор не опубликована, а статьи данного автора носят в основном обобщающий характер.

Хронологически находки распределяются следующим образом: северо-восточная часть городища не раскапывалась, известным оттуда вещам А. Е. Леонтьев дал суммарную дату — IX—X вв. Ранний материал, характеризующий начальные этапы существования поселения на р. Саре, сосредоточен на площадке между I и II валами. Это служит одним из основных аргументов в пользу того, что центральная часть городища является древнейшей. Однако здесь же представлен весь основной материал поселения IX—XI вв. Единичные находки VII—IX вв. на центральной площадке и отсутствие данных о материалах северо-восточной части не дают оснований для утверждений о наиболее ранней дате для пространства городища, заключенного между I и II валами. Детальное обоснование датировки ряда вещей VII—VIII в. дано в цитируемых выше работах П. Н. Третьякова и Е. И. Горюновой. Указание А. Е. Леонтьева на них, широкое бытование в некоторых случаях до X и даже до XI в., только подтверждает, что жизнь на городище не прерывалась и поселение постепенно перерастало из мерянского племенного поселка в древнерусский торгово-ремесленный центр. В южной части городища сосредоточены материалы более позднего времени, которые справедливо датируются XII—XIV вв. Вплоть до появления славян в Волго-Окском междуречье в IX в., Сарское городище являлось племенным центром меря. А. Е. Леонтьеву удалось дать всеобъемлющую экономическую и социальную характеристику Сарскому городищу той поры.³⁹ Среди функций Сарского поселения как племенного центра он называет прежде всего оборонительную. С этим заключением безусловно следует согласиться, ибо Сарское городище входит в число немногих поселений в данном регионе, имеющих столь мощные укрепления. Кроме того, А. Е. Леонтьев полагает, что археологические данные подтверждают и наличие других племенных функций на Сарском городище — проведение здесь народного собрания (веча), местонахождение племенных святынь и место обитания вождя, племенных старейшин, дружины и т. д. К¹ сожалению, эти важные стороны социальной и политической жизни Сарского городища, как, впрочем, и большинства других подобных центров, в данное время в достаточной степени мы осветить не в состоянии. Однако, с другой стороны, А. Е. Леонтьев отрицает такую важнейшую функцию Сарского городища — племенного центра, как средоточие ремесла и обеспечение его продуктами племенной округи. Эта неотъемлемая черта племенных центров характерна не только для северо-востока, но гораздо шире.

Приведем только два примера, ярко подтверждающих дан-

³⁹ Леонтьев А. Е. Сарское городище..., с. 15—19.

ный тезис. Это памятники северо-запада — городище Камно и древний Изборск. На городище Камно обнаружен целый квартал однотипных производственных сооружений, где найдено большое количество ремесленных орудий, заготовок, отходов — 87 литейных форм и заготовок, 49 льячек и свыше 200 тиглей и их обломков. По мнению К. М. Плоткина, ювелирное дело было важнейшей отраслью хозяйства обитателей Камно. Он обоснованно полагает, что «местные литейщики обслуживали, вероятно, не только жителей самого города, но и население округи».⁴⁰ Справедливо, на наш взгляд, и заключение о том, что ювелирное дело достигло здесь ремесленного уровня, хотя и оставалось еще одним из домашних промыслов.

В. В. Седов, производивший в последние годы раскопки в Изборске, полагает, что в VIII—IX вв. он был кривичским племенным центром. Особо исследователь отмечает наличие в культурном слое остатков бронзолитейного ремесла — формочек, льячек, шлаков.⁴¹ Оба эти памятника в VIII—IX вв. имели мощные укрепления: Камно — вал и ров, Изборск — дугообразный вал с напольной стороны. Таким образом, интерпретация Сарского городища как племенного центра, являющегося средоточием металлообработки, вполне реалистична. Это, однако, не означает, что уже произошло полное отделение ремесла от сельского хозяйства.

В IX в. в связи с началом славянского заселения Волго-Окского междуречья происходят существенные изменения и в исторической судьбе Сарского городища. С этого времени начинается новый этап в жизни городища, и его население становится многоэтничным. На основании материалов IX в. можно говорить о том, что на Сарском городище процветают различные ремесла — кузнечное, бронзолитейное. Одновременно население занимается охотой, рыболовством, ткачеством, обработкой дерева, кости, камня. Важную роль в жизни обитателей городища безусловно играет сельское хозяйство и прежде всего скотоводство. В это же время на поселении появляются вещи иноземного происхождения, что говорит о том, что Сарское городище включается в качестве важного опорного пункта в орбиту европейской торговли. Хронологически это совпадает с подъемом активности на Великом волжском пути.

В X в. Сарское городище из мерянского поселения, только слегка затронутого процессами древнерусского воздействия, становится крупным торгово-ремесленным центром Ростовской земли, играющем большую роль в трансъевропейских связях. Ремесло и торговля — вот основные занятия жителей Сарского городка. снабжение же сельскохозяйственными продуктами вы-

⁴⁰ Плоткин К. М. Псков и его округа во второй половине I тыс. н. э.: Автореф. канд. дис. Л., 1980, с. 9—10.

⁴¹ Седов В. В. Некоторые итоги раскопок в Изборске. — В кн.: Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья. Л., 1982, с. 155.

пало на долю округи, которая, в свою очередь, получала ремесленные изделия и предметы торговли. Это хорошо видно по находкам из курганов, известным в больших количествах в близлежащей местности. Население Сарского городища уже с IX в., а особенно в X в. было многоэтническим — в пользу данного тезиса говорят находки вещей древнерусского облика, где переплетены черты финно-угорские и славянские. Древнерусский характер всего комплекса городища не позволяет утверждать, что население его было одноэтничным. Костяк населения Сарского городища в IX—X вв. несомненно составляли славяне, вошедшие вместе с местным мерянским этносом в состав единого племенного княжения, являвшегося в первую очередь образованием социальным, характерным для переходной эпохи от родового строя к раннему феодализму.

В X в. (время расцвета Сарского городища) здесь аккумуляровались все стороны разрушения старого и становления нового социального организма. В этот переходный период рост Сарского городища объясняется не столько гибелью племенных княжений, а главным образом он отражает совершенно особый этап в формировании древнерусского общества, когда патриархально-родовые отношения еще уживаются с раннефеодальными и этот синтез, а также весь характер времени дают толчок к последнему подъему в жизни таких центров, которые позже теряют свое значение и сменяются новыми городами — княжеско-феодальными опорными пунктами. К сожалению, этот процесс крайне трудно детализировать и конкретизировать на примере Сарского городища. Материал не позволяет говорить о наличии здесь веча и княжеской резиденции и тем более о существовании особой группы воинов-профессионалов.⁴²

Однако генеральная линия развития Сарского городища из «эмбриона города» в IX в., как его называл П. Н. Третьяков⁴³ в раннегородской древнерусский центр уже в X в.⁴⁴ сейчас более или менее ясна и требует лишь дальнейшего углубленного изучения. Таким образом, Сарское городище, как и Белоозеро, вначале является финно-угорским племенным центром, а затем становится торгово-ремесленным протогородом. Такая реалистическая оценка развития Сарского городка из небольшого мерянского поселения в торгово-ремесленный центр со смешанным населением дана в исследовании Е. И. Горюновой.

Особо следует остановиться на материалах, характеризующих Сарское городище как торговый центр. Здесь представлены вещи как северозападного происхождения (Скандинавия),

⁴² Единичные находки меча западноевропейской работы, кольчуги, навершия шлема (?) не позволяют согласиться с А. Е. Леонтьевым, который на этом основании выявляет на городище социальную группу воинов-профессионалов (см.: Леонтьев А. Е. Сарское городище в истории... с. 10).

⁴³ Третьяков П. Н. К истории племен... с. 95.

⁴⁴ Леонтьев А. Е. Сарское городище в истории... с. 24.

так и восточного (2 клада куфических монет, попавших в землю в IX в.).⁴⁵ В том же столетии был спрятан Угодичский клад. Он состоял из 140 целых и 8 обломков дирхемов, кроме того, в его состав входили 2 серебряных браслета. Найдено сокровище в 1913 г.⁴⁶

Кроме того, в кургане могильника у с. Весь, неподалеку от Ростова, в холщовом мешочке найден клад из 21 дирхема. Датируется он 900—989 гг.⁴⁷ В. П. Даркевич к разряду кладов относит находки дирхемов у с. Шелебово в этом же регионе. Однако монеты здесь происходят из раскопок погребений.⁴⁸ Вообще в Ярославском Поволжье и Суздальском ополье в курганах IX—XI вв. находки дирхемов явление самое обычное.

Богатейшим является монетно-вещевой клад, найденный у с. Новоселки близ Белогостицкого монастыря под Ростовом.⁴⁹ В состав клада входило несколько сотен дирхемов. К сожалению, сохранился лишь 1 экземпляр. Всего в кладах было 106 вещей, — серебряные гривны, пряжки, лунницы, подвески, височные кольца, бляшки, наконечники пояса и многие другие. Интересен тот факт, что наряду с древнерусскими украшениями здесь встречены вещи восточного происхождения с арабскими надписями. Клад относится к периоду XI — начало XII вв.

По хронологическому членению, можно утверждать, что восточные контакты имели более ранний характер (VIII—IX вв.), о чем свидетельствуют находки монет. Связи со скандинавскими областями, четко зафиксированные в материале, восходят к IX в. и достигают своего апогея в X в.

Сарское городище приходит в упадок из-за усиления Ростова Великого, который выдвигается на первый план в связи с утверждением в этих землях княжеской феодальной администрации. Находки в Ростове вещей, синхронных Сарскому городищу, отнюдь не опровергают высказанного положения. Более того, какое-то время могли сосуществовать и Сарское городище, и Ростов Великий. Здесь, видимо, как и во многих других случаях, произошло явление переноса города, связанное с наступлением новой эпохи в жизни всего края. Однако, несмотря на потерю своего значения как центра целого микро-

⁴⁵ Первоначально речь шла лишь об одном клада, а не о двух. В этот клад входило 7 целых и 51 обломок монет. Датируется он 820 г. (см.: Марков А. К. Топография кладов восточных монет. СПб., 1910, с. 54; Эдинг Д. Н. Сарское городище... с. 13; Янин В. Л. Денежно-весовые системы... с. 75).

⁴⁶ Фасмер Р. Р. Два клада куфических монет. — Труды нумизматической комиссии, т. VI. Л., 1927, с. 19—57; Янин В. Л. Денежно-весовые системы... с. 75.

⁴⁷ Марков А. К. Топография кладов восточных монет. СПб., 1910, с. 54, № 310; Уваров А. С. Моряне и их быт... с. 669.

⁴⁸ Марков А. К. Топография... с. 53, № 309.

⁴⁹ Там же, № 306; Корзухина Г. Ф. Русские клады. М.; Л., 1954, с. 27, 103—104.

района, Сарское городище продолжает быть обитаемым вплоть до XIV в., о чем свидетельствуют материалы археологических исследований. Несомненно, что древнерусский Ростов был важнейшим центром ремесла и торговли, опорным пунктом освоения древнерусским населением всего Залесского края. Как мы уже отмечали, связан Ростов, а первоначально Сарское городище, с Волжским путем, и неправ М. Н. Тихомиров, утверждавший, что город находится в стороне от этой трансъевропейской водной артерии.

Существование Сарского городища в XII—XIV вв. зафиксировано письменными источниками. В это время оно стало подлинным феодальным замком, пригородом процветающего древнерусского Ростова. А. Н. Насонов, строго следуя за письменным источником, связывает сообщение Новгородской 1-й летописи под 1216 г. с рассматриваемым нами памятником.⁵⁰ Какое-то городище на р. Саре попадает в летопись в связи с событиями феодальной войны начала XIII в. между Новгородом и Суздалем. Это место является пунктом сбора союзнических войск перед походом на Переяславль-Залесский. Новгородские князья Мстислав и Владимир встречаются на городище с ростовским князем Константином. Ростовские полки примкнули к большому войску, в составе которого уже были новгородские, псковские и смоленские отряды. Липицкая битва, происшедшая в 1216 г. под Юрьевым Польским, принесла победу этой могучей коалиции над суздальскими полками Юрия Всеволодовича и его союзников братьев Ярослава и Святослава. Безусловно, это была борьба не между князьями, она имела более глубокие корни, уходящие в древнейшие времена. Это было одно из столкновений между ростовским боярством и новой знатью, сформированной из среднего слоя горожан Владимира и Суздаля. Липицкой битве предшествовала значительная напряженность в отношениях между Ростовом и Суздалем, однако до вооруженных столкновений не доходило, но каждый раз в результате переговоров дело решалось в пользу суздальцев. Это обстоятельство очень важно для решения вопроса о том, какое городище упоминается в летописи под 1216 г., где сообщается, что «и быша на городищи на реце Сарре, у святей Марине, в великую субботу, месяца апреля в 9; приде князь Константин с ростовци, хрест целоваше».⁵¹ А. Е. Леонтьев оспаривает общепринятое заключение А. Н. Насонова и других историков и идентифицирует сообщение летописи не с Сарским городищем, а с так называемой «горой Св. Марии», расположенной в 35 км от Сарского городища вверх по течению реки.⁵² Делая такой вывод, он ссылается на наблюдения Д. Н. Эдингга,

⁵⁰ Насонов А. Н. «Русская земля»... с. 175.

⁵¹ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950, с. 55.

⁵² Леонтьев А. Е. «Город Александра Поповича»... с. 93—95.

который хотя и привязывал монастырь св. Марии-Магдалины к одноименной горе, но отмечал, что его заключение «остаётся в области гипотез».⁵³ Рассмотрим теперь оба памятника. На Сарском городище в XII—XIII вв. существовало укрепленное поселение, рядом находилось синхронное ему кладбище, здесь же была и своя церковь. На «горе св. Марии» известен только материал раннего железного века. Заключение о том, что здесь когда-то был монастырь, базируется лишь на местном предании и сведениях о находках, собранных в 20-х годах нашего столетия в результате опроса местных жителей. Вероятно, прав Д. Н. Эдинг, отметивший маловероятность расположения двух одноименных монастырей на расстоянии 20 верст один от другого.⁵⁴ Археологические данные склоняют нас решить вопрос в пользу Сарского городища. Об этом говорит и А. Е. Леонтьев: «Казалось бы, что археологический материал свидетельствует о том, что искомый монастырь помещался, скорее, на месте Сарского городища, нежели на «горе св. Марии».⁵⁵ Однако, по его мнению, анализ письменных источников не позволяет делать такого вывода. Полагаем, что все же место встречи союзных войск произошло на Сарском городище. К этому заключению приводят нас, как источники археологические, так и данные, почерпнутые из летописей, где говорится, что «князь Константин с ростовци хрест целоваше». Видимо, на городище шли какие-то переговоры, и удобнее всего их было проводить на хорошо укрепленном Сарском городище и неподалеку от Ростова, учитывая также неоднократные поражения Ростова в борьбе с Суздалем и большую опасность, исходившую от Суздаля. Все вышеизложенное подтверждает мысль о том, что Сарское городище издавна было центром местной округи и сохраняло это значение и в начале XIII в. в период феодальной раздробленности и усобиц.

Крайне заманчиво связывать Сарское городище с Алешей Поповичем — летописным героем русской истории, вошедшим и в русский народный эпос.

«Из славного Ростова, красна города
Как два ясные сокола вылетывали,
Выезжали два могучие богатыря,
Что по имени Алешенька Попович млад...»⁵⁶

«Жизнеописание ростовского храбра Александра Поповича» приводится в «Тверской летописи».⁵⁷ Александр Попович играл

⁵³ Эдинг Д. Н. Сарское городище... с. 11—12.

⁵⁴ Там же, с. 12.

⁵⁵ Леонтьев А. Е. «Город Александра Поповича»... с. 93.

⁵⁶ Алеша Попович и Тугарин. — В кн.: Три богатыря: Былины. М., 1967, с. 116.

⁵⁷ Лихачев Д. С. Летописные известия об Александре Поповиче. — Труды ОДРЛ, т. VII. М.: Л., 1949, с. 34; ПСРЛ, т. XV. М., 1965, с. 336—337; Добрыня Никитич и Алеша Попович. М., 1974, с. 336—338.

важную роль в политической жизни Северо-Восточной Руси начала XIII в.⁵⁸

«Ведомо ж да будет, яко Александр храбрый глаголемый Попович от ростовских житель и слуга у него именем Тороп, прочих же храбрых того же града 70».⁵⁹ Алеша Попович принимал активное участие в междоусобной княжеской расправе на стороне правившего в Ростове Константина Всеволодовича. Упомянут Александр Попович при описании важнейшего военного сражения начала XIII в. в Ростовской земле — Липицкой битвы. «В лето 6725 (1217) бысть бой князю Юрию Всеволодичю с князем Костянтином с Ростовским на реце на Где, и поможет Бог князю Костянтину Всеволодичю, брату старейшему, и правда его же пришла. А были с ним два храбра: Добрыня Золотый Пояс да Александр Попович с своим слугою с Торопом».⁶⁰

После смерти Константина Всеволодовича Ростов попал в подчинение его брату владимирскому князю Юрию Всеволодовичу, и Александр Попович, опасаясь мести с его стороны, ушел в Киев. «Той же Александр совет сотвори с прежреченными своими храбрыми, бояся служити князю Юрию — аще мщение сотворит, еже на боях ему сопротивни быша; аще разведемся по разным княжениям, то сами меж себя побасмся и неволю, понеже меж князья несогласие. И тако задумавше, отъехаша служити в Киев...»⁶¹

Эта встреча ростовских дружинников произошла в городе Алеше Поповича «что обрыт под Гремячим колодезем на реце Где. иже и ныне той соп стоит пуст».⁶² А. Е. Леонтидзе, на наш взгляд, вполне обоснованно связывает данное место с Сарским городищем, находящимся на нижнем течении р. Сары, которое называется Гдой.⁶³ Здесь же есть и родник, вода из которого с шумом падает к реке — Гремячий (?).

Былины и летописи сообщают нам о дальнейшей деятельности Александра Поповича. Особенно велики его заслуги в борьбе против постоянных набегов на Русь кочевников.

«Жил-был досюль поп в Ростове-городе. У него был сын Алексей... А тогда нападали на нашу землю татары. Он и похвалялся на татаров. Одног татарина за ноги схватил, да этим человеком двести тысяч татар перебил... А потом воевали много тут. Смелый Алешенька Попович много воевал».⁶⁴ Заканчивает свой жизненный путь Александр Попович на ратном поле

⁵⁸ Рыбаков Б. А. Древняя Русь: Сказания, былины, летописи. М., 1963, с. 106—108.

⁵⁹ Добрыня Никитич и Алеша Попович... с. 336.

⁶⁰ ПСРЛ, т. XXVI. М.; Л., 1962, с. 234.

⁶¹ Добрыня Никитич... с. 337.

⁶² Лихачев Д. С. Летописные известия... с. 34—35.

⁶³ Лесятьев А. Е. «Город Александра Поповича»... с. 95.

⁶⁴ Добрыня Никитич и Алеша Попович, с. 208.

в сражении со страшными врагами Руси татарами на р. Калке.

«В лето 6733 (1225)... убиша же на том бою: и Александра Поповича, и слугу его Торопа, и Добрыню Рязанича Златаго пояса, и семьдесят великих и храбрых богатырей, все побиеши быша...»⁶⁵ Таковы летописные и фольклорные материалы, которые с большей или меньшей долей вероятности можно связывать с рассматриваемым нами предшественником Ростова Сарским городищем. Укрепленное поселение здесь существовало вплоть до конца XIV в., при нем функционировал и могильник, видимо, имелась своя церковь. В XII в. здесь появились новые укрепления. Как отмечает А. Е. Леонтьев вслед за П. А. Раппопортом, «малая площадь, тонкий культурный слой, надежные укрепления, небольшое количество находок, среди которых отсутствуют ремесленные орудия и остатки производства, позволяют считать это поселение феодальным замком».⁶⁶ Допускаем и мы, что Сарское городище в данное время могло быть загородной резиденцией одного из бояр ростовских, того же Александра Поповича.

Думается, что все же основное место его жительства было в Ростове. В таком случае понятно отсутствие на Сарском в это время ремесленных мастерских, ибо они являются необходимым элементом боярской вотчины, в том числе и «феодалного замка». Наличие в начале XIII в. рядом с Ростовом подобного центра усиливает наш интерес к изучению социально-политической истории этого города и в целом Ростовской земли. Выяснение соотношения Сарского городища и Ростова и является важнейшим вопросом. В трудах П. Н. Третьякова и Е. И. Горюновой предлагается в общем близкое решение его, хотя Е. И. Горюнова и приписывает П. Н. Третьякову положение, выдвинутое еще А. А. Спицыным о тождестве летописного Ростова и Сарского городища.⁶⁷ П. Н. Третьяков полагал, что город (Сарское городище) был перенесен на оз. Неро, на место современного Ростова.⁶⁸ В работах Е. И. Горюновой представлена точка зрения, согласно которой «начало русского Ростова было положено не в IX в., а несколько позднее».⁶⁹ Опираясь на раскопки в Ростове Н. Н. Воронина в 1954—1956 гг., Е. И. Горюнова реконструирует здесь мерянский поселок VIII—X вв.⁷⁰ По мнению Н. Н. Воронина, Сарское городище и Ростов были

⁶⁵ ПСРЛ, т. X. М., 1965, с. 92.

⁶⁶ Раппопорт Г. А. О типологии древнерусских поселений. — КСИА. М., 1967, вып. 110, с. 7; Леонтьев А. Е. «Город Александра Поповича...» с. 93.

⁶⁷ Горюнова Е. И. Этническая история... с. 201.

⁶⁸ Третьяков П. Н. К истории племен... с. 93.

⁶⁹ Горюнова Е. И. Этническая история... с. 201.

⁷⁰ Там же, с. 109.

независимыми центрами, и явление «переноса города» здесь не фиксируется.⁷¹

Н. Н. Воронин и П. А. Раппопорт пришли к выводу, что раскопки 1954—1956 гг. сняли гипотезу о первоначальном нахождении Ростова на Сарском городище и «переносе» города на его место в конце XI в.⁷²

Однако даже если бы в Ростове и были обнаружены достоверные слои IX—X вв. это не сняло бы определение Сарского городища как центра большой округи, предшествующего Ростову городу.

В исследованиях А. Е. Леонтьева сформулирована точка зрения, основанная на изучении в основном Сарского городища и тех же скудных данных о Ростове, которыми пользовались его предшественники. Он полагает, что «Сарское городище — оплот мери», а «Ростов — опорный пункт древнерусской княжеской власти».⁷³ По мнению авторов цитируемой выше статьи В. Я. Петрухина и Т. А. Пушкиной, он не прав, и, напротив, Сарское городище было древнерусским пунктом-погостом, а Ростов согласно летописям был племенным центром мери.⁷⁴ Такие различные и вольные толкования возможны только из-за крайне ограниченного фонда археологических материалов. Однако на уровне сегодняшних знаний ближе к истине заключение А. Е. Леонтьева, ибо оно базируется на данных раскопок. А сообщение летописи можно истолковать по-разному, тем более, что мы с окончательной уверенностью не можем сказать, что пмеют в виду летописи под названием Ростов. А может, на раннем этапе это все-таки Сарское городище?

Итак, Ростов, Ростов Великий, Ростов Ярославский... Этот древнейший русский город широко известен своими архитектурными памятниками XVII в., когда он переживал период своего расцвета. В нашем современном представлении одно упоминание Ростова ассоциируется с великолепными постройками так называемого кремля — ансамбля бывшего митрополичьего дома, который пришел в запустение в конце XVIII в. — после образования Ярославской губернии и перевода епархии в Ярославль. В конце прошлого столетия, а затем уже в наши дни Ростовский кремль подвергся коренному восстановлению и реставрации, которым сопутствовали архитектурно-археологические исследования. В 80-х годах XIX в. раскопки здесь проводились под непосредственным руководством ростовского историка

⁷¹ Воронин Н. Н. Зодчество Северо-Восточной Руси, т. 1. М., 1961, с. 22.

⁷² Воронин Н. Н., Раппопорт П. А. Археологическое изучение... с. 1.

⁷³ Леонтьев А. Е. Сарское городище в истории... с. 22.

⁷⁴ Петрухин В. Я., Пушкина Т. А. К предыстории древнерусского города, с. 108.

п краеведа А. А. Титова, который был инициатором и вдохновителем возрождения архитектурных памятников города.⁷⁵

Известный советский археолог, крупнейший исследователь архитектуры Северо-Восточной Руси Н. Н. Воронин возглавил новые раскопки в Ростове, которые были проведены в 1955—1956 гг.⁷⁶ Результаты были опубликованы в специальной статье, посвященной итогам археологического изучения архитектурных объектов древнего Ростова.⁷⁷ Новые крайне ограниченные по масштабам полевые исследования культурного слоя Ростова состоялись в 1968 г.⁷⁸ На этом перечень раскопок в Ростове Великом и заканчивается.

К их итогам мы вернемся ниже, а сейчас рассмотрим различные толкования названия города и его летописную историю, которая древнее и богаче, нежели у других центров Северо-Восточной Руси.

Согласно некоторым местным преданиям город основан неким Россом. И вот Россов стан постепенно превратился в Ростов.⁷⁹ В других работах говорится, что город был основан легендарным царевичем Роста или Раста.⁸⁰ Существует и мнение, что название Ростова происходит от слова «русский».⁸¹ Однако еще в дореволюционной литературе была представлена позиция, что все эти легенды и версии недостоверны.⁸² В современных краеведческих и историко-искусствоведческих трудах поддерживается старая традиция, согласно которой в IX в. город на берегу оз. Неро, или Каово, был основан человеком по имени Рост-Ростислав.⁸³ В. П. Нерознак полагает, что по форме

⁷⁵ Титов А. А. 1) Раскопки в Ростовском Успенском соборе. — Ярославские епархиальные ведомости, 1884, № 45, с. 357—358; 2) Кремль Ростова Великого. М., 1912, с. 98; Добровольская Э. Д. Новые материалы по истории Ростовского кремля. — В кн.: Материалы по изучению и реставрации памятников архитектуры Ярославской области. Вып. 1. Древний Ростов; Ярославль, 1958, с. 26.

⁷⁶ Воронин Н. Н. Отчет Ростовского отряда Среднерусской экспедиции за 1955 и 1956 гг. — Архив ИА СССР, ф. 1, д. 1109, 1534.

⁷⁷ Воронин Н. Н. Археологические исследования архитектурных памятников Ростова. — В кн.: Материалы по изучению и реставрации памятников архитектуры Ярославской области... с. 4—25.

⁷⁸ Матвеева В. И. Ростов Великий. — АО 1968 года. М., 1969, с. 79—80.

⁷⁹ Литвинов И. По городам Залесья. М., 1974, с. 86.

⁸⁰ Васильев С. А. По древним русским городам: Путеводитель. М., 1958, с. 160.

⁸¹ Серебренников С. Памятники древних обитателей Ярославской губернии до Рюрика. — ЯГВ, 1859, № 6—11.

⁸² Шамурич Ю. Ростов Великий. М., 1913, с. 7.

⁸³ Корсаков Д. Меря и Ростовское княжество. Казань, 1872, с. 61; Титов А. А. Ростов Великий в его церковно-археологических памятниках. М., 1911, с. 1; Барашков В. Ф. Знакомые с детства названия. М., 1982, с. 46; Успенский Л. Имя дома твоего. Л., 1974, с. 562; Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. III. М., 1966, с. 506; Нико-

топоним происходит от основы *rost*, *rast*, что имеет древнерусские аналоги — «расти», «рести», «возрастать», «подниматься», «набухать». Он также указывает в связи с этим на существование белорусского географического термина «растоу», который означает название урочища или острова посреди болота, заросшего высоким лесом.⁸⁴ Возможно, новое освещение вопроса о происхождении названия Ростова может дать решение проблемы местоположения загадочной страны Арсы, одной из трех основных областей Руси, известной арабским географам и путешественникам.

Наиболее интересными и емкими по объему информации являются сообщения Ахмеда ибн-Фадлана⁸⁵ и Абу Хамида ал-Гарнати.⁸⁶ Первый совершил путешествие в Волжскую Булгарию в X в. и подробно описал свои впечатления не только об этой стране, но и использовал разнообразные сведения о ее соседях. Наиболее значительным и интересным общепризнан сюжет «Похороны знатного руса», который длительное время является объектом пристального внимания и дискуссий в отечественной научной литературе.

Спустя два столетия после путешествия Ибн-Фадлана в Восточной Европе побывал Абу Хамид ал-Гарнати, который подробно описал не только Волжскую Булгарию, где он получил основную информацию, но и соседние земли и народы — Вису, Ару, Йура, славян.

Оба сочинения имеют большое значение для исследования истории Волго-Окского междуречья эпохи раннего средневековья. Однако, наиболее ценен круг источников, где подробно рассказывается о трех центрах или трех областях Древней Руси. На этом цикле материалов мы специально и остановимся.

Проблема местонахождения загадочной Артании — Арсании — Арсы⁸⁷ — одного из трех объединений русов, предшествовавших Древнерусскому государству, о которых сообщают мно-

нов В. А. Краткий топонимический словарь. М., 1966, с. 358; Роспонд С. Структура и стратиграфия древнерусских топонимов. — В кн.: Восточно-славянская ономастика. М., 1972, с. 42.

⁸⁴ Нерозник В. П. Названия древнерусских городов. М., 1983, с. 149—151.

⁸⁵ Путешествие ибн-Фадлана на Волгу/Под ред. акад. И. Ю. Крачковского. М.; Л., 1939; Ковалевский А. П. Книга Ахмеда ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921—922 гг. Харьков, 1956.

⁸⁶ Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131—1153 гг.). М., 1971 (публикация О. Г. Большакова, А. Л. Монгайта).

⁸⁷ В ранних переводах это название приводилось в форме «Арта-Артания» (см.: Гаркави А. Я. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских — с половины VI в. до конца X в. СПб., 1870, с. 276). В новейших работах принято читать «Арса-Арсания» (см.: Новосельцев А. П. Восточные источники о восточных славянах и Руси VI—IX вв. — В кн.: Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965, с. 418. — На наш взгляд, правомерно употребление и формы «Артания», так как она уже используется в научных исследованиях.

гие арабские авторы, волнует ученых уже длительное время. Первые датированные свидетельства относятся к X в., а традиция восходит к IX в., о котором и идет речь в записках арабов.

По их представлениям, во второй половине IX в. на территории Древней Руси существовали три крупные области русов. «Русы состоят из трех племен, из коих одно ближайшее к Булгару, а царь его живет в городе под названием Куяба, который больше Булгара. Другое племя наиболее отдаленное из них называется Славия. Еще племя называется Артания, а царь его живет в Арте. Люди отправляются торговать в Куябу, что же касается Арты, то мы не припоминаем, чтобы кто-нибудь из иностранцев странствовал там, ибо они убивают всякого иноземца, вступившего на их землю. Они отправляются вниз по воде и ведут торг, но ничего не рассказывают про свои дела и товары и не допускают никого провожать их (присоединиться к ним) и вступать в их страну. Из Арты вывозят черных соболей и свинец».⁸⁸ Это широко известное и наиболее полное сообщение арабского писателя ал-Истахри, относящееся к середине X в., а также многочисленные последующие описания и упоминания восточных авторов о Куяве, Славе и Арсе и явились основой для исследования отечественной и зарубежной исторической наукой проблемы трех «разрядов русов».⁸⁹ В свою очередь, сообщение ал-Истахри восходит к утраченному труду другого арабского автора ал-Балхи, написавшего свое сочинение в начале 20-х годов X в.

Подробнейший анализ исследований, посвященных проблеме Арсы, приводится в специальных работах А. М. Карасика и А. Л. Монгайта.⁹⁰ Вплоть до настоящего времени, несмотря на многочисленные попытки, так и не удалось решить основных вопросов «проблемы Арсы» и в целом «трех разрядов русов». Прежде всего неясно, каким образом увязываются сообщения арабских авторов с хорошо известными по летописям и другим источникам данными о «Верхней Руси» с центром в Новгороде и «Нижней», главным городом которой был Киев. Их объединение князем Олегом в 882 г. и положило начало созданию Древнерусского государства. Правда, А. П. Новосельцев, видимо, справедливо считает, что возможно «отождествить эти три объединения с русскими княжествами, упомянутыми в „Повести временных лет“ (Киев Аскольда и Дира, Новгород и Белоозеро-Ростов)».⁹¹

⁸⁸ Гаркави А. Я. Сказания мусульманских писателей... с. 276—277.

⁸⁹ В литературе распространилось понятие «трех центров русов» по арабским источникам, но А. П. Новосельцев справедливо указывает, что ни о каких «центрах» или «племенах» в оригинале всех вариантов речи не идет (см.: Новосельцев А. П. Восточные источники... с. 414).

⁹⁰ Карасик А. М. К вопросу о третьем центре Древней Руси. — Исторические записки, т. 35, 1950, с. 304—305; Монгайт А. Л. К вопросу о трех центрах Древней Руси. — КСИИМК, 1947, вып. XVI, с. 103—112.

⁹¹ Новосельцев А. П. Восточные источники... с. 419.

Важнейшим вопросом, по-прежнему требующим своего разрешения, остается определение местонахождения области Арсы, ее центра и характеристики. Споры идут также и вокруг вопроса о русах арабских источников, к одному из трех разрядов которых относят восточные писатели и географы ал-арсания. До сих пор окончательно неясно, с каким славянским, финно-угорским или иным племенем можно связывать сообщения арабов и вообще имеют ли они в виду какую-либо этническую группу.⁹²

Во многих обобщающих работах, в том числе и в учебниках по истории СССР, вопрос о трех видах русов считается решенным: Куявия (Куяба) это Киев; Славия (Салав) — Новгород и Артания (Арса) — Тмутаракань. В недавно вышедшей работе «Происхождение русского народа» ее автор В. В. Мавродин пишет: «Восточные писатели X в. знают три центра Руси: Куябу, Славию и Артанию, или Артсанию. Куяба — это Киев. В Славии усматривают область словен, а в Артсании многие историки склонны видеть Ердзянь — Рязань, русский город, возникший в земле мордвы — ерзи».⁹³

Известны в литературе и сомнения, когда высказывалась мысль — не вымышленная ли страна Артания.⁹⁴ На это был дан ясный и правильный ответ, что «сообщения арабских географов — не выдумка, они были связаны с реальной действительностью».⁹⁵

Для решения проблемы трех областей Древней Руси, в том числе и Арсы, привлекались самые различные виды источников: письменные, лингвистические, археологические, нумизматические, этнографические. К сожалению, далеко не всегда выдерживался важный методический принцип синхронности материалов и наравне использовались разновременные факты и сообщения. Так, например, происходило с восточными источниками. Давно уже установлено востоковедением, что каждый арабский писатель или географ начинал свой труд со сбора уже известных данных, автоматического переписывания более ранних сообщений и добавления своих сведений и наблюдений. Поэтому данные об Арсе и двух других разрядах русов, известные в IX—X вв., в более поздних описаниях обрастали подчас новыми, не имевшими ничего общего с действительностью толкованиями, а также различными фантастическими фактами, о которых не имели никакого понятия современники Куявии, Славии, Артании.

⁹² А. П. Новосельцев полагает, что русов следует искать среди славянского населения северных областей Восточной Европы (см.: Новосельцев А. П. Восточные источники... с. 408).

⁹³ Мавродин В. В. Происхождение русского народа. Л., 1978, с. 126.— По мнению В. В. Мавродина, речь идет о политических объединениях славян, сложившихся в IX в. до образования Древнерусского государства.

⁹⁴ Карасик А. М. К вопросу о третьем центре... с. 304.

⁹⁵ Монгайт А. Л. Рязанская земля. М.; Л., 1961, с. 114.

У нас нет никаких данных о существовании Славии, Куявии, Арсании в XI—XII вв. и в более позднее время в том виде, как их представляли себе арабы. Исходя из этого, надо крайне осторожно относиться к арабским источникам, сообщающим о трех разрядах русов и относящимся к XI—XII вв. Главное наше внимание должно быть сосредоточено на материалах IX—X вв.

Длительная практика помогла решить вопросы отождествления Куявии, Славии и Арсании с реальными русскими центрами, и их интерпретация показала, что и лингвистические данные оказываются здесь бессильными. Увлечение созвучиями названий привело к такому, например, выводу, что Арсания арабских источников это древнерусская Рязань. Никакого археологического материала IX—X вв., подтверждающего такой вывод, в наличии не было, и все строилось исключительно на созвучии Артанья — Арсания — Эрдзяния — Рязань. Впоследствии от этого мнения его же автору пришлось отказаться, и полтора десятка лет спустя им был сделан вывод, что «для этого времени никаких археологических доказательств того, что Рязань была крупным центром славянства, не найдено, и такое предположение (Арсания=Рязань.— И. Д.) теперь кажется маловероятным».⁹⁶ Существуют и решительные возражения против отождествления Куявии (Куябы) с древнерусским Киевом, сделанного только на основании сходства названий.⁹⁷ С большой осторожностью следует отнестись и к мнению о том, что древнерусский Ростов Великий это и есть Арса арабских источников, базирующемся исключительно на созвучии Арса — Ростов.⁹⁸ К сожалению, использование лингвистических данных при решении рассматриваемых вопросов на современном уровне развития науки затруднено прежде всего потому, что все эти названия трудно или даже невозможно датировать, а также объяснить их смысловое содержание. Однако в данном случае лингвистические и историко-археологические исследования допускают возможность такой интерпретации происхождения названия города Ростова.

Археологические данные, а также их корреляция с письменными источниками дают возможность утверждать, что Артанья — Арса вполне могла располагаться в районах Северо-Восточной Руси, центром которой первоначально был Ростов или его предшественник Сарское городище. Сообщения о Ростове,

⁹⁶ Монгайт А. Л. Рязанская земля, с. 98.

⁹⁷ Корзухина Г. Ф. Русские клады. М., 1954, с. 34; Монгайт А. Л. Рязанская земля, с. 101; Корзухина Г. Ф. Путь Абу Хамида ал-Гарнати из Булгара в Венгрию. — В кн.: Проблемы археологии, вып. II. Л., 1978, с. 190. — Вряд ли следует принимать во внимание мнение В. Б. Вилинбахова, размещающего русов Куявии и Славии в землях прибалтийских славян.

⁹⁸ Мачинский Д. А. О времени и обстоятельствах первого появления славян на северо-западе Восточной Европы по данным письменных источников. — В кн.: Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья. Л., 1982, с. 22.

оз. Неро и в целом о данном районе появляются на первых же страницах русских летописей.

Именно здесь на берегах озера и в ближайшей его округе размещалась одна из основных финно-угорских племенных групп — меря. Об этом определенно сообщается в этнографическом введении к «Повести временных лет»: «...а на Ростовском озере меря...»⁹⁹ Ранее мы подробно рассмотрели историю непосредственного предшественника Ростова Великого — Сарского городища и разобрали вопрос их соотношения. Поэтому здесь мы остановимся на ранней истории собственно Ростова, являвшегося в XI—XII вв. центром обширной области.

Летописные сообщения, рассказывающие о древнейшем периоде русской истории, упоминают Ростов среди первых русских городов IX в. В рассказе о призвании варягов Ростов фигурирует дважды: «И прия власть Рюрик, и раздая мужем своим грады, овому Полтеск, овому Ростов...»¹⁰⁰ Второй раз Ростов упоминается, когда говорится о его коренном населении — мере. Под 907 г. летопись вновь сообщает о Ростове: «...и потом даяти уклады на руския гради: первое на Киев, та же на Чернигов, на Переяславль, на Полтеск, на Ростов, на Любечь и на прочаа городы...»¹⁰¹ Ростов здесь упоминается среди крупнейших центров Киевской Руси. Это означает, что в данное время он был тесно связан с Киевом, и, видимо, находился от него в определенной зависимости. А. Н. Сахаров считает, что в названных городах, а значит и Ростове, «сидели русские князья — вассалы и данники киевского князя».¹⁰²

В 988 г. князь Владимир распределяет уделы среди своих двенадцати сыновей. Ростов достается Ярославу. После смерти Вышеслава, княжившего в Новгороде, в Ростове оказывается брат Ярослава Борис.¹⁰³

Таковы сообщения о первом периоде истории древнерусского города Ростова. Как мы указывали выше, видимо, первоначально Ростов — это было Сарское городище, и только в конце X — начале XI в. город перемещается на новое место — на берег озера, где он находится и по сей день.

Возникновение Ростова — это одна из сложнейших проблем истории Северо-Восточной Руси. Местный краевед А. А. Титов полагал, что город был основан новгородскими славянами и был известен уже со второй половины IX в.¹⁰⁴ А. А. Титов имел в виду уже упомянутое сообщение летописи, но он не располагал данными раскопок, которые сейчас существенно попол-

⁹⁹ ПСРЛ, т. I, стб. 10—11.

¹⁰⁰ ПСРЛ, т. II, стб. 8, 14.

¹⁰¹ Там же, стб. 22.

¹⁰² Сахаров А. Н. Дипломатия Древней Руси. М., 1980, с. 108.

¹⁰³ ПСРЛ, т. II, стб. 105.

¹⁰⁴ Титов А. А. Ростов Великий в его церковно-археологических памятниках. М., 1911, с. 1—2.

нили наши представления о древнейшем прошлом этого города. Этот исследователь отмечал также, что «Ростов получил свое начало значительно ранее призвания варягов».¹⁰⁵

Точка зрения, что Ростов основан во второй половине — конце IX столетия новгородскими словянами, широко представлена в исторической литературе.¹⁰⁶ Известный ярославский краевед П. А. Критский писал, что «время постройки здесь города точно определить невозможно: когда явился в Новгород первый князь Рюрик (862 г.), то Ростов уже был известен как город славянский».¹⁰⁷ В ряде работ Ростов называется «старейшим городом земли»¹⁰⁸ и «главным городом области».¹⁰⁹ По мнению В. О. Ключевского, «Ростов был выдвинут к востоку как восточный форпост русской торговли в Каспийском направлении».¹¹⁰ М. Н. Тихомиров относил его к категории «больших» городов, и, по его мнению, Ростов — синоним богатого города с сильной боярской прослойкой.¹¹¹

Попытки определить социально-экономическую и политическую природу города Ростова неоднократно предпринимались и до М. Н. Тихомирова, волнуют эти проблемы историков и сейчас. В дореволюционной буржуазной историографии противостояли друг другу две тенденции. Согласно одной «князь и христианство — вот два фактора в развитии истории города Ростова и Ростовской области».¹¹² Другая — идеализирует вечевую боярскую власть в Ростове.¹¹³ В некоторых работах его политическое устройство сравнивают с новгородским.¹¹⁴ Ком-

¹⁰⁵ Титов А. А. Святые и древности Ростова Великого. М., 1911, с. 3.

¹⁰⁶ ЯГВ, 1853, № 47—52; Титов А. А. 1) Ростов Великий (путеводитель). М., 1883, с. 8; 2) Ростов Великий (историческое обозрение). М., 1884, с. 8—9; 3) Ростов Великий и его святые. М., 1901, с. 5; Шпилевский С. М. Старые и новые города и борьба между ними в Ростово-Суздальской земле. 1892, с. 20—22; Талицкий В. Ростов Великий и его окрестности. Ростов Ярославский, 1904, с. 5; Иванов Д. А. Спутник по Ростову Великому Ярославской губернии. Ростов Ярославский, 1912, с. 9; Краткий путеводитель по Ростову. Ярославль, 1913, с. 5; Соболянин В. А. Ростов в прошлом и настоящем. Ростов Ярославский, 1929, с. 6—7; Малоземова О. Н., Смирнов Д. А. Ростов: В помощь пропагандисту и агитатору. Ярославль, 1939, с. 4—5; Безсонов С. В. Ростов Великий. М., 1945, с. 1; Ярославская область: Административно-территориальное деление. Ярославль, 1976, с. 7.

¹⁰⁷ Критский П. А. Наш край. Ярославль, 1907, с. 124.

¹⁰⁸ Серебренников С. Памятники древних обитателей. — ЯГВ, 1859, № 6—11.

¹⁰⁹ Головщиков К. Д. Ярославская губерния. Историко-этнографический очерк. Ярославль, 1888, с. 28—29.

¹¹⁰ Ключевский В. О. Курс русской истории. Ч. I. М., 1937, с. 123.

¹¹¹ Тихомиров М. Н. Древнерусские города. М., 1956, с. 140, 396.

¹¹² Иванов Д. А. Спутник по Ростову Великому... с. 8.

¹¹³ Титов А. А. Ростов Великий... с. 9; Шамурин Ю. Ростов Великий... с. 7.

¹¹⁴ Модрич И. Н. Ростов: Заметки и воспоминания туриста-иностранца. Ярославль, 1893, с. 2.

пияция подобных представлений иногда встречается и в современной краеведческой литературе. Так, М. Рапов пишет, что «княжий город был и вечевым городом: и здесь, и в Новгороде Великом звон вечевого колокола созывал граждан на вече, которое собиралось на месте Успенского собора».¹¹⁵

К сожалению, все эти заключения построены на основе отрывочных сообщений летописей и отдаленных аналогий, а посему не могут быть приняты как абсолютно достоверные. Но это не означает, что поиск в данном направлении не имеет никаких перспектив.

Не менее важен вопрос и об этническом составе населения Ростова на различных этапах его деятельности. Летописные и археологические материалы говорят об изначальном заселении данного региона финно-угорским племенем меря, которое затем влилось в состав древнерусской народности, костяк которой составляли славяне. Поэтому в истории Ростова прослеживаются два основных этапа: первый, когда здесь было мерянское население, и второй, связанный с заселением славянами и формированием городского центра. Эти этапы в литературе датируются по-разному. Однако большинство сходится к мысли, что славянское освоение края и формирование Ростова как древнерусского города произошло в X в.¹¹⁶

Новейшие материалы показывают, что уже в IX столетии в Ростовской земле широко развернулось славянское расселение и далеко зашел процесс формирования древнерусской народности.¹¹⁷ В некоторых исследованиях говорится о находке в пределах Ростова остатков мерянского поселения VIII в.,¹¹⁸ что не подтверждено конкретными материалами. И уж совсем без оснований утверждается, что славяне начинают расселяться здесь начиная с того же столетия.¹¹⁹

Е. И. Горюнова указывает на следующие следы мери на территории Ростова — бронзовые идолички, топонимы типа названий болота Пига или речки Пижермы.¹²⁰

Ряд исследований посвящен истории ростовской епископии, учрежденной в 70-х годах XI в. В них анализируется дея-

¹¹⁵ Рапов М. Каменные сказы. Ярославль, 1965, с. 72—73.

¹¹⁶ Эдинг Д. Б. Ростов Великий. Углич — памятники художественной старины. М., 1913, с. 16; Баниге В. С., Брюсова В. Г., Гнедовский Б. В., Шапов Н. Б. Ростов Ярославский. Ярославль, 1957, с. 5—9; Ковалев И. Ростов Ярославский. Ярославль, 1957, с. 3; Воронин Н. Н. Зодчество Северо-Восточной Руси XII—XV вв. Т. 1. М., 1961, с. 22; Горюнова Е. И. Этническая история... с. 201.

¹¹⁷ Подробно эти вопросы рассмотрены в монографии, посвященной истории данного региона в домонгольское время (см.: Дубов И. В. Северо-Восточная Русь в эпоху раннего средневековья. Л., 1982, с. 33—45).

¹¹⁸ Горюнова Е. И. Этническая история... с. 109; Тюнина М. Н. Ростов Ярославский. Ярославль, 1979, с. 12.

¹¹⁹ Литвинов И. По городам Залесья... с. 86.

¹²⁰ Горюнова Е. И. Этническая история... с. 109.

тельность первых епископов Ростова — Леонтия и Авраамия.¹²¹

Летописные источники сообщают о распространении здесь христианства еще в конце X в. «В лето 6499 (991 г.) иде Михаил митрополит по Русской земле и до Ростова, с четырма епископы Фотиа Патриарха, и с Добрынею... И учаща митрополит всех... веровати в единого бога» (Никоновская летопись). Согласно легендам тогда же была сооружена в Ростове и первая церковь «от древес дубовых». Однако языческие пережитки были очень сильны в городе. Здесь существовал Чудской конец, где стоял каменный идол Велеса — скотьего бога.¹²² По преданию, этот идол был сокрушен архимандритом Авраамием, который основал здесь монастырь, названный его именем.¹²³ «Чюдский конец единаче покланяшеся идолу каменну, омрачени бо суть сердца их бесовским деянием». Местные жители упорно сопротивлялись насаждению в городе христианства, а вместе с ним и феодальных порядков. Во время восстания 1071 г. здесь был убит один из первых ростовских епископов Леонтий.

В XI—XII вв. Ростов бурно развивается, и летопись называет его «славным и многонародным городом», доминирующим над Владимиром. Видимо, не случайно в Ипатьевской летописи под 1176 г. говорится: «Пожжём Володимер, на и паки инога посадника в нем посади, то суть наши холопи, каменницы». Некоторые письменные источники отмечают факт возвышения Ростова в середине XII в., и с этого времени он называется Великим.¹²⁴

По мнению Е. И. Горюновой, «В XI—XII вв. русский Ростов распространяется к северу от побережья Неро. Его границы очерчивают сооруженный в ту пору ров и, вероятно, вал, огромное полукольцо которого упирается концами в берег Неро» (рис. 3).¹²⁵

К началу XIII в. Ростов значительно вырос. В это время здесь уже было 3 монастыря,¹²⁶ и письменные источники зафиксировали, что во время пожара 1211 г. в городе сгорело 15 церквей. Эти церкви, как полагает Н. Н. Воронин, были деревянные.¹²⁷ В литературе о Ростове XIII в. говорится как об обширном городе, окруженном рвом, наполненным водой, и деревянным тыном, застроенным сплошь деревянными домами.

¹²¹ Ключевский В. О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871, с. 35—36; Титов А. А. Житие св. Леонтия, списка ростовского. М., 1893, с. 11.

¹²² Голубинский Е. История русской церкви. Т. 1. М., 1904, с. 763—775.

¹²³ Баниге Б. С. Кремль Ростова Великого. М., 1976, с. 5.

¹²⁴ ПСРЛ, т. II, стб. 451.

¹²⁵ Горюнова Е. И. Этническая история... с. 201.

¹²⁶ Голубинский Е. История русской церкви... с. 746—763.

¹²⁷ Воронин Н. Н. Зодчество... т. 1, с. 353.

В центре находилось два каменных храма — Борисоглебская церковь на «княжом дворе» и Успенский белокаменный собор на главной городской площади.¹²⁸ Именно об этом Ростове можно уже сказать:

«О град прекрасно-белый,
И многобшанный Ростов».¹²⁹

Южнее собора находился епископский двор, к которому примыкали два монастыря: с запада Иоанновский, а с юга Григорьевский (Григорьевский затвор). Город был укреплен, как полагают некоторые авторы, валами и стенами с деревянными башнями. Посад, находившийся за пределами центра, был сформирован по кончанской системе.¹³⁰ Протяженность древнего Ростова от берега озера до линии рва на север составляла 1250 м. Это говорит, как считают, о том, что территория города была плотно заселена.¹³¹ Такая картина Ростова XI—XIII вв. построена в основном на письменных источниках, легендах и топографических наблюдениях. А что же говорят данные археологии? Необходимо сразу отметить, что Ростов в археологическом отношении изучен явно недостаточно.

В 1955—1956 гг. здесь были произведены уже упоминавшиеся выше раскопки архитектурно-археологической экспедицией под руководством Н. Н. Воронина.¹³² Эти раскопки носили ограниченный характер, и их итоги можно изложить следующим образом.

Исследованиям подверглась прибрежная часть Ростова к югу от Кремля между церковью Григория Богослова и долиной р. Пижермы, также был прорезан вал XVII в. Особый интерес представляют материалы, полученные в результате раскопок у церкви Григория Богослова, сооруженной в 1670 г. Здесь был прорезан поздний кладбищенский слой, а под ним найдены культурные остатки X—XII вв. Далее, как пишет Н. Н. Воронин: «Шел мощный слой древнейшего мерянского поселения VIII—X вв., представленный здесь толщей навоза обширного скотного загона с остатками срубных хозяйственных построек».¹³³ К сожалению, в публикации итогов раскопок не дается анализа или хотя бы перечисления обнаруженных находок. А если судить по полевым отчетам, то ясно, что представлены они были единичными экземплярами.¹³⁴ Попытку суммировать имеющиеся

¹²⁸ Баниге В. С. Кремль... с. 7.

¹²⁹ Хранилов И. Ростовский уезд и город Ростов Ярославской губернии. М., 1859, с. 7.

¹³⁰ ЯГВ, 1853, № 47—52; Иванов В. Ростов. Углич. М., 1975, с. 17.

¹³¹ Тюнина М. Н. Ростов Ярославский... с. 20.

¹³² Воронин Н. Н. Археологические исследования архитектурных памятников Ростова... с. 4—25.

¹³³ Там же, с. 23.

¹³⁴ Воронин Н. Н. Отчет Ростовского отряда... № 1109, 1534.

ся данные предприняла Е. И. Горюнова.¹³⁵ Она отметила находки лепной керамики — мискообразных горшков и баночных сосудов с орнаментом в виде отпечатков зубчатого штампа и насечек, костяного составного орнаментированного гребня, глиняной льячки, копоушки, глиняных пряслиц и других вещей. Эти материалы не дают оснований для реконструкции здесь мерянского поселка VIII—X вв., как это делает Е. И. Горюнова, и в лучшем случае могут относиться к IX—X вв. Хотя в коллекциях Ростовского музея имеется целый ряд случайных находок (бронзовые идольчики, костяные и железные изделия), на основании которых можно предполагать наличие на месте древнерусского Ростова предшествовавших ему финно-угорских поселков или поселка.¹³⁶ Е. И. Горюнова считает, что «мерянское поселение в устье Пижермы шло полосой вдоль берега озера, не заходя далеко к северу от него».¹³⁷ Такое заключение вполне соответствует нашим общим представлениям о топографии и размерам финно-угорских поселений северо-востока в пору, предшествующую славянскому заселению. Выше слоя этого поселения, связываемого с мерей, обнаружены находки древнерусского времени и облика. Это прежде всего гончарная керамика с линейным орнаментом. Найдены также лепной горшок со смолой, шпангоуты от ладьи.

В 1968 г. исследования проводились в пределах Ростовского кремля, и общая площадь шурфов достигла 120 м². Было установлено, что мощность культурного слоя равняется здесь 4,5 м. Конечно, такие работы, носящие бессистемный характер, имеющие крайне ограниченные масштабы, не могут дать достаточного материала для реконструкции истории города. Удалось установить только общую схему стратиграфии и выявить слой домонгольского времени, содержащий остатки деревянных сооружений, керамику, кости животных, деревянные поделки. Ясно только, что этот слой старше XII вв., а уточнить его дату возможным пока не представляется. Археологические материалы не дают оснований для утверждений о прямой преемственности между мерянским поселением и древнерусским городом на месте современного Ростова, как это имело место на Сарском городище. Можно предполагать, что начало древнерусского Ростова относится к концу X — началу XI в. А в XI—XII вв. он становится крупнейшим древнерусским раннефеодальным городом, занимающим одно из ведущих мест в списке важнейших городских центров Руси.

Археологические исследования Ростова пока минимальны. В литературе справедливо отмечено, что «если бы поработали здесь археологи так, как они это делают в Новгороде, мы на-

¹³⁵ Горюнова Е. И. Этническая история... с. 109.

¹³⁶ Фонды Ростовского музея; Горюнова Е. И. К истории городов... с. 17.

¹³⁷ Горюнова Е. И. Этническая история... с. 109.

верное имели бы бесценные сведения о древнем Ростове Великом». ¹³⁸

И тогда пред нами предстанет не только как город из сказки — белокаменный Ростов Великий XVI—XVII вв., но и подземный город с еще шестивековой историей. ¹³⁹

Ростов разделил славную судьбу других залесских городов — он стал одной из опор Москвы в ее великой борьбе за единение и сплочение Руси.

¹³⁸ Ильин М. А. Путь на Ростов Великий. М., 1975, с. 82.

¹³⁹ Визжилин Н. Город чудесный, город красивый. — Советская культура, 1983, 27 окт.

«ЗДЕСЬ СОЗДАСЯ СЛАВНЫЙ ГРАД ЯРОСЛАВЛЬ»

В глубокую древность уходит история города Ярославля, воспетого в народных песнях и преданиях.

«Ах ты, батюшка, Ярославль-город,
Ты хорош, пригож, на горе стоишь,
На горе стоишь, во всей красоте,
Промеж двух рек, промеж быстрых,
Промеж Волги реки, промеж Которосли.
С луговой было со сторонушки,
Протекала тут Волга матушка,
С нагорной-де сторонушки
Протекала тут речка Которосля».¹

Берущая свое начало из оз. Ростовского (Неро) р. Векса, сливаясь с р. Устье, образует Которосль, которая, в свою очередь, впадает в Волгу. Здесь на высоком береговом мысу — «стрелке» и началась история города Ярославля.

Ярославское Поволжье насыщено водными путями. Все городские центры этого района так или иначе связаны с ними. Известный ярославский историк конца XIX в. К. Д. Головщиков писал: «Ярославскую губернию должно признать единственной во всей России, располагающею громадными путями водных сообщений. Рек в губернии и речек, имеющих прозвища, до 240».² Водная система Векса-Которосль являлась составной частью Великого волжского пути и связывала Волгу с оз. Ростовским, Нерлю Клязьменской, Клязьмой и Окой. Этот путь издавна использовался и был важным участком водной трансъевропейской артерии «из варяг в арабы», связывающей Русь VIII—XI вв. со Скандинавией, Волжской Булгарией, Хазарией, арабским Востоком,³ что подтверждается находками кладов куфи-

¹ Будовиц И. Ярославль. М., 1931, с. 3.

² Головщиков К. Д. Ярославская губерния: Историко-этнографический очерк. Ярославль, 1888, с. 6.

³ Ходаковский З. Пути сообщения в Древней Руси. — Русский исторический сборник, 1873, т. 1, с. 21—22; Барсов Н. П. Очерки русской исторической географии. Варшава, 1873, с. 24; Кузнецов С. К. Русская историческая география. М., 1910, вып. 1, с. 50; Середонин С. М. Исто-

ческих монет⁴ и многочисленных иноземных вещей на поселениях и в погребениях.⁵

Участок Волги от места впадения в нее Которосли вплоть до Оки, т. е. практически Костромское Поволжье в IX—X вв., не входил в систему Волжского пути, а был дорогой внутренней. Лишь в XI—XII вв. Волга здесь стала играть важную роль в заселении этого края славянами. Отсутствие кладов кувшинского серебра в данном районе, а также находок импортных изделий на поселениях и могильниках полностью подтверждает это заключение, уже давно прочно вошедшее в работы, где рассматриваются проблемы, связанные с историей Великого волжского пути.⁶ В своей работе, посвященной данной проблематике, В. П. Даркевич пишет: «По Клязьме и Нерли, через оз. Неро, мелкие речки и Которосль попадали в район Ярославля — путь, отмеченный цепочкой монетных кладов».⁷ Значение системы Волга — Которосль — Векса — оз. Неро как важной воднотранспортной артерии сохранялось длительное вре-

рическая география. Пг., 1916, с. 237—238; Спицын А. А. 1) Торговые пути Киевской Руси. СПб., 1911, с. 2, 16, 18; 2) Русская историческая география. Пг., 1917, с. 24—25; Смирнов П. П. Волжский шлях и стародавней Руси. Київ, 1928, с. 223; Готье Ю. В. Заметки о ранней колонизации Ростово-Суздальского края. — ТСА РАНИОН, т. 4. М., 1929, с. 140—142; Третьяков П. Н. Древнейшее прошлое Верхнего Поволжья. Ярославль, 1939, с. 53, 67; Мавродин В. В. 1) Образование Древнерусского государства. Л., 1945, с. 134—137; 2) Образование Древнерусского государства и формирование древнерусской народности. Л., 1971, с. 39—41; Рыбаков Б. А. Торговля и торговые пути. — В кн.: История культуры Древней Руси, т. 1. М.; Л., 1948, с. 335—337; Романов Б. А. Деньги и денежное обращение. — Там же, с. 381; Шаскольский И. П. Маршрут торгового пути из Невы в Балтийское море в IX—XIII вв. — В кн.: Географический сборник, т. 3. М.; Л., 1954, с. 158—159; Вилинбахов В. Б. Балтийско-Волжский путь. — СА, 1963, № 3, с. 126—135; Лещенко В. Ю. Восточные клады на Урале в VIII—XIII вв.: Автореф. канд. дис. Л., 1971, с. 19—21; Штатман И. Л. Волжский путь поступления византийских миллиарисиев в Восточную Европу и Прибалтику в X в. — В кн.: История и культура славянских стран. Л., 1972, с. 32—36; Историческая география СССР. М., 1973, с. 50—51.

⁴ Марков А. К. Топография кладов восточных монет. СПб., 1910, с. 54—55; Любимиров П. Г. Торговые связи Руси с Востоком в VIII—XI вв. — Учен. зап. Саратовск. ун-та им. Н. Г. Чернышевского, 1923, т. 1, кн. 3, с. 14, 33; Янин В. Л. Денежно-весовые системы русского средневековья: Домонгольский период. М., 1956, с. 105—105; Спасский И. Г. Русская монетная система. М., 1976, с. 40; Потин В. М. Монеты в погребениях Древней Руси и их значение для археологии и этнографии. — Труды ГЭ, 1971, вып. 12, с. 55—57; Даркевич В. П. Художественный металл Востока VIII—XIII вв. М., 1976, с. 155—157; табл. 52—53; Носов Е. Н. Нумизматические данные о северной части Балтийско-Волжского пути конца VIII—X вв. — В кн.: Вспомогательные исторические дисциплины, 1976, вып. 8, с. 95—110.

⁵ Горюнова Е. И. Этническая история Волго-Окского междуречья. — МИА, М., 1961, № 94, с. 192—193, 196—198; Фехнер М. В. Внешнеэкономические связи по материалам Ярославских могильников. — В кн.: Ярославское Поволжье X—XI вв. М., 1963, с. 75—85; Голубева Л. А. Весь и славяне на Белом озере. М., 1973, с. 179—189.

⁶ Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М., 1951, с. 173.

⁷ Даркевич В. П. Художественный металл... с. 155.

мя. По этому поводу И. Барщевский писал, что «Которость, или Которостль, — небольшая река, образующаяся из рек Вексы и Устья, истока Ростовского оз. Неро. В древности Которость была главным путем с Волги в Ростов и еще в недавнее время, до открытия железной дороги, по ней весной ходили баржи с товарами из Ярославля в Ростов».⁸

Таким образом, место впадения Которосли в Волгу было ключевым, и поэтому именно здесь возникает укрепленный городской центр Ярославль. Прежде чем переходить к вопросу о возникновении города и проблемам его ранней истории, следует дать топографическое описание этого района. Правый берег Волги, где в нее впадает Которосль, нагорный, и высокие крутые берега являлись великолепной естественной защитой города со стороны великой русской реки. Вдоль высокого обрыва протекает и Которосль, что также создавало хорошие возможности для надежной обороны. С напольной стороны «стрелка» в древности отсекалась от коренного берега одним из рукавов Которосли, который назывался р. Медведицей. Впоследствии здесь образовался глубокий овраг Медведицкий, затем перекрыт широкой перемычкой, рассекшей его на две части: к Волге — Волчьим оврагом, а к Которосли — Медвежьим. Таким образом, в древности «стрелка» являлась островом, окруженным со всех сторон водой, и образованным рукавами Которосли и Волгой.

На противоположной стороне Медвежьего оврага, на мысу, образованном им и Которослью, Н. Н. Воронин выявил остатки культурного слоя с текстильной керамикой, выше которого шли напластования XII—XIII вв.⁹ Исследователь отнес остатки обнаруженного здесь городища к памятникам дьяковской культуры и сопоставил его с такими поселениями, как Городок, Калязинское, Скнятинское II, которые были датированы сначала серединой I тыс. до н. э., а затем — первой четвертью I тыс. до н. э.¹⁰ В настоящее время рассматриваемая группа памятников датируется VIII—IV вв. до н. э. и относится к первому этапу дьяковской культуры.¹¹ В XVII столетии на этом месте была сооружена церковь Спаса на Городу, возможно, отразившая в своем названии тот факт, что построена она на территории древнего городища. Правда, здесь возможно и другое объяснение названия этого храма, основанное на том, что она находилась в пределах Земляного города, который начал формироваться уже в конце XI — начале XII вв.

⁸ Барщевский И. Исторический очерк города Ярославля. — Труды Яр. губ. учен. архивн. комиссии, 1900, вып. 4, с. 5.

⁹ Воронин Н. Н. Раскопки в Ярославле. — В кн.: Древнерусские города. — МИА, 1949, № 11, с. 189—191.

¹⁰ Третьяков П. Н. 1) Древнейшие городища Верхнего Поволжья. — СА, 1947, IX, с. 74—75; 2) Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.; Л., 1966, с. 146—147.

¹¹ Розенфельдт И. Г. Керамика дьяковской культуры. — В кн.: Дьяковская культура. М., 1974, с. 189—190.

В летописную древнерусскую историю Ярославль входит под 1071 г. В летописи приводится большой и подробный рассказ о трагических событиях в Северо-Восточной Руси, связанных с восстанием смердов и его разгромом. Начальным пунктом движения восставших во главе с волхвами был город Ярославль: «Бывши бо единою скудости в Ростовьстей области, встаста два волхва от Ярославля, глаголюша: „Яко весеве, кто обилье держить“. И поидоста по Волзе...».¹² Из этого текста ясно, что в 70-х годах XI в. Ярославль уже существовал как город и, видимо, значительный, так как он был центром одного из важнейших событий того времени в Ростовской земле — восстания смердов. Эти события стали предметом специального изучения. Им посвящено значительное количество исторических и археологических сочинений.¹³ Изучение летописного текста позволяет характеризовать социальную и этническую структуру не только всего общества Северо-Восточной Руси XI., но и ее городских центров, в том числе и Ярославля, который носил раннефеодальный характер. Жило в нем славяно-мерянское население, активно борющееся за сохранение старых языческих верований против христианизации края.

Существует несколько преданий о возникновении города Ярославля. Наиболее известно из них «Сказание о построении града Ярославля». Оно известно нам по рукописи ярославского архиепископа Самуила Миславского и вошло составной частью в его записку «Церкви г. Ярославля в 1781 г.». Опубликован впервые текст «Сказания» священником Власьевского прихода города Ярославля А. Лебедевым в 1877 г.¹⁴ После этого «Сказание» неоднократно подвергалось исследованиям. И. А. Тихомиров сделал вывод, что «в основе сказания лежит древняя запись, но, видимо, подновлявшаяся».¹⁵ Н. Н. Воронин опубликовал текст «Сказания» и тщательно проанализировал его, пы-

¹² Повесть временных лет, ч. 1, с. 117—119.

¹³ Воронин Н. Н. 1) Восстание смердов в XI в. — Исторический журнал, 1940, № 2, с. 54—61; 2) Медвежий культ в Верхнем Поволжье в XI в. — МИА. Л., 1941, № 6 с. 176; 3) Медвежий культ в Верхнем Поволжье в XI в. — В кн.: Краеведческие записки. Ярославль, 1960, вып. IV, с. 39—40, 75—80; Мартынов М. Н. Восстание смердов на Волге и Шексне во второй половине XI в. — Учен. зап. Вологод. пед. ин-та, т. IV, Вологда, 1948, с. 3—36; Мавродин В. В. Очерки по истории феодальной Руси. Л., 1949, с. 149—163; Тихомиров М. Н. Крестьянские и городские восстания на Руси XI—XIII вв. М., 1955, с. 72—77, 114—124; Горюнова Е. И. Этническая история Волго-Окского междуречья. — МИА, 1961, № 94, с. 144—148; Третьяков П. Н. У истоков древнерусской народности. — МИА, 1970, № 179, с. 120—121, 139—142; Фроянов И. Я. Киевская Русь. Очерки социально-экономической истории. Л., 1974, с. 119—120; Шапов Я. Н. Характер крестьянских движений на Руси XI в. — В кн.: Исследования по истории и историографии феодализма. М., 1982, с. 137—146.

¹⁴ Лебедев А. Храмы Власьевского прихода г. Ярославля. Ярославль, 1877.

¹⁵ Тихомиров И. А. О некоторых ярославских гербах. — Труды II Областного археологического съезда во Владимире. Владимир, 1909, с. 35—36.

таясь выявить реальную историческую подоснову рассказа о возникновении города Ярославля.¹⁶ Исследователь разделил текст на две части. Первой самостоятельной частью, по его мнению, является сюжет «Предание о Ярославле — Медвежьем угле и строительстве церкви Илии», который «несомненно представляет собой народную легенду».¹⁷ «Сказание» так рассказывает о возникновении города Ярославля:¹⁸ «Во области же сей не на мнозе пути от града Ростова, яко на 60 поприщ, при брезе рек Волги и Которосли лежаще некое место, на нем же последи создася славный град Ярославль... И се бысть селище, рекомое Медвежий угол, в нем же насельницы человецы, поганыя веры — языцы зли суще... Идол ему же кланяетася сии, бысть Волос, сиречь скотий бог».

Далее в «Сказании» говорится о том, что идол Волоса стоял среди Волосовой логовины, где находилось святилище, горел жертвенный огонь, совершались жертвоприношения. У жителей особым почетом и уважением пользовался волхв, который и отправлял все эти обряды. «Но в некоем лете прилучися Благоверному князю Ярославу плыти на ладиях с сильною и великою ратью по реце Волге, у правого берега оной, идеже стоя то селище, зовомое Медвежий угол».

В ответ на жалобы купцов, что жители поселка нападают на караваны их ладей, Ярослав приказал своей дружине устрашить обитателей Медвежьего угла и привести их к полному повиновению, что и было незамедлительно сделано. «И люди сии клятвою у Волоса обеща Князю жити в согласии и оброцы ему даяти, но точию не хотяху креститися. И тако Благоверный князь отыде в престольный град свой Ростов». Однако Ярослав согласно «Сказанию» все же решил крестить жителей Медвежьего угла, и он вернулся сюда, но уже с многочисленными служителями христианской церкви. «Но егда входи в сие селище, людии сего испустити от клети некоего люта зверя и псов, да растешут князя и сущих с ним. Но Господь сохранил Благовернаго князя; сей секирою своего победи зверя...» После этого обитатели Медвежьего угла полностью покорились. «И тамо на острове, его же учреди реки Волга и Которосль и проточие водное» была сооружена церковь Пророка Ильи. Затем «князь повеле народу рубити дрeвеса и чистити место, идеже умысли и град создати... Град сей Благоверный князь Ярослав назвал во свое имя Ярославлем».

Далее следует очень важная часть «Сказания» которая может многое прояснить по топографии древнего Ярославля. Выше мы уже видели, что Ярослав строит храм и град (крепость) на «стрелке». «Но егда же и построися град Ярославль, насель-

¹⁶ Воронин Н. Н. Медвежий культ... Краеведческие записки, с. 90—93.

¹⁷ Там же, с. 37.

¹⁸ Его текст, связанный с формированием города Ярославля, мы приводим в приложении.

ницы Медвежяго угла не приобщашеся граду, живяше особо и кланяшеся Волосу». Таким образом, «Сказание» определенно сообщает, что град (крепость) в Ярославле был построен на «стрелке» и не на месте поселения Медвежий угол, которое располагалось где-то поблизости, а, возможно, там, где находилось дьяковское Медведицкое городище.

Таково основное содержание первой части «Сказания о построении града Ярославля», вторая часть повествует о благополучном крещении язычников и торжестве христианской веры. Эта часть несомненно носит более поздний характер и в основе не несет народных преданий.

Другой вариант рассказа о возникновении города Ярославля приведен в так называемом «Географическом описании», составленном также в XVIII в. Оно опубликовано в «Ярославских губернских ведомостях» И. Аксаковым в 1850 г.¹⁹ «Город Ярославль стоит на высоком месте при р. Волге, вниз по течению оной на правой стороне которой, как старожилы сего города в летописце описывают, начало восприял от князя Ярослава, сына св. равноапостольного князя Владимира от создания мира 6532 (от р. х. 1024) года. Когда сей князь Ярослав ехал из Новгорода сухим путем, а потом рекою Волгою осмотреть, после убиения брата своего Бориса, Ростовское княжение и, оставясь на берегу Волги, где теперь город стоит, приказал построить на оном город, по имени своему Ярославль». Там же сообщается, что город был окружен ровом и земляным валом с одиннадцатью деревянными башнями.

И наконец, третий вариант представлен в «Топографическом описании Ярославского наместничества», где сообщается, что «Город Ярославль начало свое восприял при великом князе Ярославе Владимировиче...».²⁰

Ниже текст совпадает с приведенным ранее отрывком из «Географического описания», а далее здесь говорится о топографии древнейшей части Ярославля — Рубленого города и более позднего Земляного города.

«При начале оного на первый случай была срублена деревянная крепость, коя и отделяется от других частей города, с восточной стороны Волгою, с полуденной Которостью, а с западной и северной рекою Медведицею, коя ныне не иное, что как только сухой ров, однако же приметно, что в нем была вода...» Ниже приводится рассказ об убийстве князем Ярославом медведя и дается описание Земляного города.

Видимо, все три рассказа восходят к единому источнику. Вопрос только в его датировке и степени достоверности. Одна-

¹⁹ Аксаков И. Ярославль в последнее время воеводства между 1768 и 1777 гг.: Современная записка. — ЯГВ, 1850, № 13—14.

²⁰ Топографическое описание Ярославского наместничества. Ярославль, 1794, с. 12; Дитмар А. Б. Над старинными рукописями. Ярославль, 1972, с. 19—20.

ко из них мы черпаем важный материал по древней истории Ярославля, частично подкрепляемый археологическими данными, которые не только не противоречат этим сообщениям, но даже в некоторой степени их подтверждают.

Все три сообщения о возникновении города Ярославля содержат ряд общих положений, но есть в них и различия. На этом следует особо остановиться. Везде говорится, что город Ярославль был основан при впадении Которосли в Волгу князем Ярославом Владимировичем (Мудрым), когда тот княжил в Ростове. В «Сказании» подробно рассказывается о селище Медвежий Угол и его обитателях и сообщается, что покорились они только тогда, когда Ярослав убил «зверя лютого», выпущенного на него жителями этого поселения. В других источниках этот зверь назван медведем и говорится о том, что «князь Ярослав Владимирович во время нашествия его в Ростов, напал на проливе сем на медведя, коего с помощью свиты своей убил, пролив же назвав Медведицею...».

Все эти легенды объяснимы в связи с широким распространением в то время в Северо-Восточной Руси культа медведя. Понятно, почему в «Сказании» просто называется «зверь лютый», а не медведь. Это находится в зависимости от его священного характера и табуации имени «медведь».²¹

Коренным вопросом возникновения Ярославля, как издавна утвердилось в исторической и краеведческой литературе, является дата «основания» города князем Ярославом Владимировичем. Однако большинство авторов не видят никакого различия между длительным процессом градообразования и созданием здесь опорного княжеского феодального пункта — крепости. К сожалению, этот существенный недостаток не изжит и поныне.

Прежде всего исследователи исходят из априорного положения, что город определенно связан с именем и деятельностью князя Ярослава Владимировича Мудрого, который занимал Ростовское княжение с 988 по 1010 г. (по другим данным — по 1016 г.).

Дата 1010 г. обосновывается, по данным В. Н. Татищева: «6518 (1010) Преставися в Новеграде Вышеслав сын Владимиров, и дал Владимир Новгород Ярославу, а Борису Ростов, Ярославлю отчину, Глебу брату его Муром, отчину Борисову...».²² Однако был и другой Ярослав, также имевший прямое отношение к истории этого района в XI в. Под 1088 г. в Лаврентьевской летописи сообщается о взятии волжскими и камскими болгарами города Мурома.²³ В. Н. Татищев дополняет это сообщение: «В те времена были на Волге и Оке разбой и многих болгар пограбили и побили. Болгары же присылали

²¹ Воронин Н. Н. Медвежий культ... — Краеведческие записки, с. 44—45.

²² Татищев В. Н. История Российская, кн. 2. М., 1773, с. 89.

²³ ПСРЛ, т. 1, с. 89.

ко князю Олегу и брату его Ярославу просить на разбойников, но, не получа управы, пришед с войски Муром взяли и пограбили, а села пожгли».²⁴ Известно также об участии Ярослава Святославича в борьбе за обладание Ростовской землей его брата Олега с Владимиром Всеволодовичем Мономахом в 1096 г. По мнению Н. Н. Воронина, в «Сказании» и других сообщениях о возникновении Ярославля переплетаются воспоминания о двух политических деятелях эпохи средневековья — Ярославе Владимировиче (Мудром) и Ярославе Святославиче. Год рождения Ярослава Святославича неизвестен, а умер он в 1129 г. К активной политической деятельности он приходит еще при жизни своего отца — черниговского князя Святослава Ярославича, который скончался в 1076 г. Родился Святослав в 1027 г., а в 1073 г. он стал Великим киевским князем. В событиях 1071 г. в Суздальской земле, в связи с которыми впервые упомянут в летописях город Ярославль, принимает участие воевода Святослава Ян Вышатич. Ян считает восставших смердами своими и смердами князя своего. Он со своей дружиной подавляет восстание и приводит в повиновение непокорных. Таким образом, северо-восток в то время был сферой сбора дани князя Святослава.

Вполне вероятно, что его сыновья уже в 70-х годах XI в. действовали самостоятельно. Известно, что Олег Святославич в 1076 г. на какое-то время теряет власть в Ростово-Суздальской земле. Все это не позволяет отказываться от мысли, что основание княжеской крепости при слиянии Которосли и Волги могло быть связано как с Ярославом Владимировичем, так и Ярославом Святославичем. Понятно, что составителям преданий и их последователям — ярославским краеведам очень хотелось возникновение своего родного города связать с именем Ярослава Мудрого — крупнейшего политического деятеля Древней Руси, искуснейшего дипломата, книжника, законодателя. И никто не говорил о другом Ярославе, хотя и основавшем династии муромских и рязанских князей, но неоднократно прогоняемом из своих уделов, терпевшем поражения не только от своих соперников — русских князей, но и от мордвы. Такой князь неудачник не мог вызывать интереса у местного краеведения.

Думается, что сейчас нет прочных оснований для того, чтобы уверенно приписать одному из Ярославов строительство города-крепости Ярославля. Тем более, что и тот и другой проводили активную политику закабаления смердов Северо-Восточной Руси, вели борьбу с волжским разбоем, собирали дань с жителей северо-востока.

Прежде чем переходить к анализу различных датировок этого события, необходимо остановиться на этимологии названия города.

²⁴ Татищев В. Н. История Российская, с. 139—140.

Не вызывает сомнений, что форма Ярослав(ль) означает Ярославов — ярославий город.²⁵ Образовано оно от древнерусского имени Ярослав, которое состоит из двух частей. Первая — «ярый» (весенний), Яровой. Отсюда и имя славянского языческого бога Ярило. И вторая — «слав» (слава). Здесь происходит довольно частое явление перехода антропонима «Ярослав» в топоним «Ярославль».²⁶

В литературе представлено несколько точек зрения по проблеме возникновения города Ярославля.

Этот вопрос издавна привлекал внимание историков, археологов и краеведов-любителей. Достаточно полно и детально многочисленные точки зрения по этому вопросу изложены в статье ярославского историка М. Г. Мейеровича, где также приведена обширная библиография.²⁷ Следует отметить, что в работах ярославских краеведов, посвященных вопросу о возникновении города, можно встретить много примеров повторов, заимствований, некритического использования источников. Дискуссии историков разворачивались вокруг даты основания города, но при этом ни один из них не давал четкого определения собственно понятия «город». В подавляющем большинстве работ археологические материалы вовсе не использовались, вследствие плохой изученности городских слоев, и авторы опирались в основном на письменные источники или сомнительные предания. Большинство исследователей исходят из положения, что Ярославль связан с именем князя Ярослава Владимировича, который и основал город. Значит, полагает абсолютное большинство авторов, он мог сделать это только тогда, когда был князем Ростовским.²⁸ В новейших работах историков эта позиция по-прежнему представлена²⁹ и находит поддержку у некоторых археологов.³⁰ Эта традиция восходит еще к трудам В. Н. Татищева, который отмечал, что «Ярославль здесь впервые упомянут, чаятельно, что Ярослав Великий, будучи владетель Ростова, кой построил».³¹ Во многих исследованиях указывается

²⁵ Успенский Л. Имя дома твоего. Л., 1974, с. 562; Барашков В. Ф. Знакомые с детства названия. М., 1982, с. 34.

²⁶ Этимологический словарь славянских языков. М., 1980, вып. 8, с. 176—177; Нерознак В. П. Названия древнерусских городов. М., 1983, с. 191—192.

²⁷ Мейерович М. Г. К вопросу о времени основания города Ярославля. — Краеведческие записки. Ярославль, 1960, вып. 4, с. 416.

²⁸ Тихомиров М. Н. Древнерусские города. М., 1956, с. 416.

²⁹ Кучкин В. А. Ростово-Суздальская земля в X—первой трети XIII вв. — История СССР, 1969, № 2, с. 64—65.

³⁰ Петрухин В. Я., Пушкина Т. А. К предыстории... с. 108.

³¹ Татищев В. Н. История Российской, с. 482, прим. 431; Карамзин Н. М. История государства Российского, т. II, с. 54; Соловьев С. М. История России, т. I, стб. 212; Серебрянников С. Замечательные места и исторические события в Ярославской губернии. — ЯГВ, 1835, № 22; Ярославль после 1777 г. — ЯГВ, 1853, № 5; Пуришев И. Б., Толпыгин В. В. Ярославль. М., 1971, с. 5.

и время этого события — первая четверть или начало XI в.³²

Большая группа краеведов-исследователей относит время возникновения Ярославля к периоду ростовского княжения Ярослава — 988—1010 гг. или, точнее, к концу этого периода (1010 г.).³³

Данная точка зрения детально обоснована в работе М. Г. Мейеровича и базируется на доводах, заключающихся в том, что в период с 988 по 1010 г. Ярослав был удельным князем Ростовским. Естественно, что князь активно занимался укреплением феодальной власти, распространением христианства. Поэтому, считают данные авторы, именно в то время и сооружается княжеская крепость Ярославль, призванная также обеспечивать безопасность стольного города Ростова. Кроме того, считается, что Ярослав именно в данный период своей жизни мог уделять больше внимания Ростово-Суздальской земле, чем тогда, когда он был в Новгороде или стал Великим князем киевским. Перечисленные обстоятельства можно воспринимать как благоприятствующие такому важному событию, как возникновение нового городского центра, но вовсе не обязательные, играющие решающее значение.

Близка к данной позиции и точка зрения М. Н. Тихомирова, считавшего, что Ярославль возник в период до 1015 г.³⁴

Вторая дата основания Ярославля, получившая широкое

³² Шпилевский С. М. Старые и новые города и борьба между ними в Ростово-Суздальской земле. Ярославль, 1892, с. 22—23; Беллерт С. Н. Город Ярославль: Краткий очерк с планом города. Ярославль, 1906, с. 3; Планы и краткие очерки городов Ярославской губернии. Ярославль, 1909, с. 3; Краткий путеводитель по г. Ярославлю. Ярославль, 1913, с. 5; По древним русским городам: Путеводитель. М., 1958, с. 175; Воронин Н. Н. Зодчество Северо-Восточной Руси XII—XV вв. т. 1. М., 1961, с. 24; Рапов М. Каменные сказы. Ярославль, 1965, с. 9; Андреев П. Г. Ярославский край с древнейших времен до конца XVIII в. — В кн.: Очерки истории Ярославского края. Ярославль, 1974, с. 6.

³³ Львов П. Ярослав I на берегах Волги: Повествование о построении города Ярославля, взятое из истории. М., 1920, с. 19—20; Рогозинников И. 1) О времени основания города Ярославля. — Памятная книжка Ярославской губернии за 1862 г., отд. II, с. 3—5; 2) О времени основания города Ярославля. — ЯГВ, 1862, № 1; Ленивцев М. Описание построения города Ярославля. — Отечественные записки, 1827, № 84—85; Экземплярский А. Ярославские владетельные князья. Ярославль, 1887, с. 1—2; Головщиков К. Ярославская губерния. Историко-этнографический очерк. Ярославль, 1888, с. 35; Мейерович М. Г. 1) Когда был основан Ярославль. Ярославль, 1959, с. 52; 2) К вопросу о времени... с. 24; 3) Так начинался Ярославль. — Вопросы истории, 1978, № 3, с. 208—213; Суслов А. И., Чураков С. С. Ярославль. М., 1960, с. 7; Козлов П. И. Ярославль: Путеводитель. Ярославль, 1960, с. 7; Казакевич Т. Е., Козлов П. И., Лапкина Л. Д. Ярославль: Путеводитель. Ярославль, 1971, с. 8; Козлов П. И. Ярославль: Путеводитель. Ярославль, 1974, с. 2—3; Ярославская область. Административно-территориальное деление. Ярославль, 1976, с. 7; Тарасова Н. Я. Ярославль. — Советская историческая энциклопедия. М., 1976, с. 986; Козлов П., Суслов А., Чураков С. Ярославль: Путеводитель. Ярославль, 1980, с. 6.

³⁴ Тихомиров М. Н. Древнерусские города. М., 1956, с. 416.

распространение в литературе, более конкретна — 1024 г., и связывается она с событиями, о которых сообщает летопись — восстанием в Суздальской земле. Под 1024 г. летопись сообщает: «В се же лето всташа волсви в Суждали, избиваху старую чадь по дьяволу наущению и бесованью, глаголюще, яко си держать гобино. Бе мятежь велик и голод по всей той стране; идоша по Волзе вси людье в болгари, и привезоша жито, и тако ожиша. Слышав же Ярослав волхвы, приде Суздалию; изымавъ волхвы, расточи, а другыя покази...».³⁵

В 1024 г. волнения были вызваны сильным неурожаем в Суздальской земле, которые были подавлены князем Ярославом, прибывшим сюда из Новгорода. Голода и мора удалось избежать благодаря хлебу, привезенному из Волжской Булгарии. Обращение к Волжской Булгарии было не случайно — между Северо-Восточной Русью и Булгаром существовали давние и прочные связи. Об этом говорят различные виды источников. Во-первых, это археологические данные, свидетельствующие о том, что Булгар был крупным производителем хлеба. А. П. Смирнов полагает, что «основой хозяйства являлось плужное земледелие, переход к которому совершился еще до X в.».³⁶ Он также отмечает, что «о значении земледелия нам говорят как находки частей плуга — сошников и резаков, так и зерен злаков — пшеницы, ржи, ячменя, проса, гороха и большое количество зерновых ям».³⁷ Во-вторых, Ахмед Ибн-Фадлан, описывая Булгар, сообщает, что «их пища (это) просо и мясо лошади, но и пшеница и ячмень (у них) в большом количестве...».³⁸ И, в-третьих, В. Н. Татищев сообщает о торговом договоре 1006 г., заключенном с болгарами князем Владимиром. Он отмечает, что «болгары возили жито по Волге и Оке во все грады русские и продавали и тем великую помощь сделали».³⁹

Общая историческая ситуация и собственно сообщение летописи не позволяет утверждать, что волнения 1024 г. носят сугубо антифеодальный характер, хотя бы потому, что в первой половине XI в. происходит еще формирование феодальной структуры и достаточно крепки родовые устои.

Однако социальная направленность событий 1024 г. несомненна. В летописи говорится, что все люди направились за хлебом в Булгар. Тем самым произошло прямое нарушение договора 1006 г., согласно которому князь Владимир разрешил

³⁵ Повесть временных лет, ч. 1, с. 99—100.

³⁶ Смирнов А. П. Волжские булгары. — Труды ГИМ, 1951, вып. XIX, с. 30.

³⁷ Там же.

³⁸ Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу/Под ред. акад. И. Ю. Крачковского. М.; Л., 1939, с. 72.

³⁹ Татищев В. Н. История Российская (с самых древнейших времен), кн. 3. М., 1774, с. 454—455.

«болгаром все их товары продавать во градах купцам и от них купить, что потребно, а по селам не ездить, тиуном, вирником, огневтине и смерди не продавать и от них не купить».⁴⁰

События 1024 г., охватившие всю Суздальскую землю, явились серьезным потрясением для феодальной верхушки, и последняя, безусловно, вслед за подавлением восстания вынуждена была заняться срочным укреплением своей власти. В такой обстановке, как считают ряд исследователей, и возникает новый феодальный опорный центр — Ярославль. Н. Н. Воронин так пишет об этом: «В 1024 г. Поволжье получило новый феодальный центр — город Ярославль, основанный князем Ярославом и ставший здесь опорным пунктом княжеской власти».⁴¹ Правда, известна и точка зрения, согласно которой пребывание Ярослава в 1024 г. в Суздальской земле было связано не с подавлением восстания, а с обычным сбором дани.⁴² А если это так, то аргументация основания города в 1024 г., становится шаткой.

О. М. Раповым была предпринята попытка передатировать это восстание. Он относит его не к 1024, а к 1032 г., опираясь на дендрохронологические данные.⁴³ Однако, на наш взгляд, правильно указывает Я. Н. Шапов, что восстание было связано с голодом лишь в Суздальской земле и поэтому общерусские данные затяжного угнетения древесных колец в 1029—1032 гг. не могут быть основанием для оспаривания и изменения летописной датировки.⁴⁴

1024 год как дата основания Ярославля впервые был назван в литературе в середине прошлого века.⁴⁵ С тех пор эта дата не исчезает со страниц как научной, так и краеведческой литературы.⁴⁶

⁴⁰ Татищев В. Н. История Российская... кн. 2, с. 88—89.

⁴¹ Воронин Н. Н. Восстания смердов в XI в. с. 55.

⁴² Фроянов И. Я. Волхвы и народные волнения в Суздальской земле 1024 г. — В кн.: Духовная культура славянских народов. Л., 1983, с. 31—32.

⁴³ Рапов О. М. О датировке народных восстаний на Руси XI в. в «Повести временных лет». — История СССР, 1979, № 2, с. 139—140.

⁴⁴ Шапов Я. Н. Характер крестьянских движений... с. 141—142.

⁴⁵ Аксаков И. Ярославль в последнее время воеводства между 1768—1777 гг.

⁴⁶ Лествицын В. Церковь Петра и Павла, что на Волге в Ярославле. Ярославль, 1878, с. 11; Верховой Н. Ярославль: Историческая монография о времени основания города. Рыбинск, 1903, с. 30—33; Тихомиров И. А. Ярославское Поволжье: Краткий путеводитель. Ярославль, 1909, с. 43; Спутник-указатель по городам Поволжья. СПб., 1914, с. 1; Лосев П. Ярославль: В помощь пропагандисту и агитатору. Ярославль, 1939, с. 3; Дружинин П., Морозова М., Рейпольский С. Ярославль: Краткий очерк о прошлом и настоящем города. Ярославль, 1950, с. 7; Андреев П., Генкин Л., Дружинин П., Козлов П. Ярославль: Очерки истории города. Ярославль, 1954, с. 9; Козлов П. И. Ярославль: Путеводитель. Ярославль, 1956, с. 5; Горюнова Е. И. 1) К истории городов Северо-Восточной Руси. — КСИИМК, 1955, вып. 59, с. 20; 2) Этническая история Волго-Окского междуречья. — МИА. М., 1961, № 94, с. 202.

И наконец, третья наиболее распространенная точка зрения о времени возникновения Ярославля заключается в том, что город был основан в период 1026—1036 гг.⁴⁷ Доводы ее сторонников основаны на том, что в 1026 г. закончилась княжеская усобица и, как писал один из ярославских краеведов И. Троицкий, Ярославль возник, «когда русская земля наслаждалась тишиною и спокойствием; когда великий Ярослав в цвете лет (около 40 лет), посвященный христианин, сильный самодержец всей Руси мог свободно устраивать внутреннее благосостояние своего государства; мог как заботливый хозяин обозревать свои владения, строить города и крепости...».⁴⁸ Эти слова отражают традиционную историческую позицию дореволюционных историков о деятельности князей на Руси. И можно было бы не принимать их во внимание, если бы в них не имелось рационального зерна. Оно состоит в том, что лишь в 1026 г. Ярославу удалось преодолеть в ожесточенной борьбе своего самого опасного и сильного противника брата Мстислава, князя тмутараканского, ставшего с 1026 г. и князем черниговским. В 1036 г. Мстислав умер. Эти две даты и взяты рядом историков за возможный период, когда Ярослав мог прибыть на Волгу и основать здесь крепость, названную его именем.⁴⁹

Следует согласиться с М. Г. Мейеровичем, отмечавшим искусственность этих датировок и отсутствие в них реальных исторических обоснований.⁵⁰

Некоторые исследователи высказывались более осторожно и приводили две-три возможные даты основания города-крепости.⁵¹

Кроме даты возникновения Ярославля, в целом ряде работ приводятся и объяснения его создания на месте впадения р. Которосли в Волгу. Например, Н. Г. Устрялов считал, что Ярославль — это опорный пункт обороны Руси от хищных соседей «на пределах черемисских»,⁵² т. е. в зоне славяно-мерянских контактов. Таким образом, Ярославлю придавались функции центра славянского освоения Верхнего Поволжья, заселенного финно-угорскими (мерянскими) племенами.

⁴⁷ В этот период укладывается и датировка В. Л. Янина — 1034 год. (см.: Янин В. Л. Новгородские посадники. М., 1962, с. 49).

⁴⁸ Троицкий И. История губернского города Ярославля. Ярославль, 1853, с. 7.

⁴⁹ Историческое исследование о начале и основании города Ярославля. — ЯГВ, 1842, № 10; Никольский Ф. Я. Путеводитель по Ярославской губернии. Ярославль, 1859, № 130; Корсаков Д. А. Меря и Ростовское княжество. Казань, 1872, с. 69; Семенов П. Географическо-статистический словарь Российской империи, т. V. СПб., 1885, с. 972. Титов А. А. Ярославль: Путеводитель. Ярославль, 1883, с. 5—6.

⁵⁰ Мейерович М. Г. К вопросу о времени... с. 8.

⁵¹ Ярославль в его прошлом и настоящем: Исторический очерк — путеводитель. Ярославль, 1913, с. 8—11.

⁵² Устрялов Н. Г. Русская история, ч. 1. СПб., 1849, с. 67.

Наибольшую популярность в литературе получила точка зрения, что Ярославль возникает как крепость, защищавшая водный путь к центру края — Ростову.⁵³

Древнейший Ярославль называют также небольшим сторожевым пунктом — волжским прикрытием Ростова. И таковым он являлся вплоть до рубежа XII—XIII вв.⁵⁴ Э. Добровольская отмечает, что «в XI—XII вв. Ярославль оставался небольшим сторожевым пунктом на беспокойной окраине Ростово-Суздальского княжества, волжским форпостом своего „старшего брата“ Ростова Великого».⁵⁵ Наряду с традицией, что Ярославль первоначально находился «в зависимости от Ростова»,⁵⁶ известен и другой подход, его называют «столицей Волжской Руси», которая была взята в 1024 г. Ярославом,⁵⁷ или «первым русским городом-крепостью на Волге».⁵⁸

На наш взгляд, представляется, что сам факт возникновения Ярославля следует определять, как «укрепление городом (кремлем) старинного поселения, именуемого „Медвежьим углом“».⁵⁹ В пользу этого говорят и письменные источники, и логика исторического развития Северо-Восточной Руси. Возникновение крепости при впадении Которосли в Волгу связано с феодализацией и христианизацией края.⁶⁰ Это событие правильно определил М. Рапов: «Важно то, что Ярославль, заложенный в начале XI в., был построен не по княжеской прихоти...»⁶¹

Некоторые авторы пытались представить, каким был этот город в первое время своего существования. Считали, что он был обнесен высоким земляным валом с деревянными башнями и окружен обводненным рвом.⁶² Однако все эти рассуждения пока документально обоснованы крайне слабо.

В источниках и исследованиях имеют место попытки представить историческую топографию города. Все сходятся на мнении, что древнейшей частью Ярославля был Рубленый город на стрелке.⁶³ Затем возникает Земляной город. Это происходит уже

⁵³ Шамурин Ю. Ярославль. Романово-Борисоглебск. Углич. М., 1912, с. 9—10.

⁵⁴ Гнедовский Б. В. Ярославль. М., 1969, с. 6.

⁵⁵ Добровольская Э. Ярославль. М., 1968, с. 11.

⁵⁶ Серебренников С. Замечательные места и исторические события в Ярославской губернии. — ЯГВ, 1835, № 22.

⁵⁷ Лествицын В. И. О волжском городе Руси. — ЯГВ, 1887, № 75—77.

⁵⁸ Козлов П. И. Ярославль: Путеводитель. Ярославль, 1974, с. 4; Арапов Е. Ярославль: Путеводитель. М., 1976, с. 8.

⁵⁹ Дружинин П., Морозова М., Рейпольский С. Ярославль... с. 8.

⁶⁰ Андреев П., Генкин Л., Дружинин П. и др. Ярославль... с. 9.

⁶¹ Рапов М. Каменные сказы. Ярославль, 1965, с. 9.

⁶² О древностях в Ярославской губернии. — ЯГВ, 1832, № 1; Аксаков И. Ярославль... — ЯГВ, 1850, № 13.

⁶³ Ярославль после 1777 г. — ЯГВ, 1853, № 5.

в XIII в.⁶⁴ В XV в. жизнь выходит за пределы Рубленого и Земляного городов и появляются обширные слободы⁶⁵ (рис. 8).

150 лет отечественная историческая наука и краеведение изучают проблему возникновения города Ярославля, решают вопросы его первоначальной истории. Сделано, безусловно, много. Эти достижения уже оценивались в литературе положительно.⁶⁶

Однако наиболее полная картина исторического развития Ярославля в первые века его существования может быть построена лишь на основе археологических исследований. Эпизодические раскопки в Ярославле, крайне ограниченные по своим масштабам, проводятся уже свыше 40 лет. Их объектами стали древнейшая часть города — стрелка и архитектурные сооружения Спасского монастыря.

Археологические работы в древнейшей части Ярославля — на стрелке, при впадении р. Которосли в Волгу, начались в 1938 г. небольшими по объему раскопками П. Н. Третьякова и М. К. Каргера, которые заложили траншею у апсид Успенского собора XVII в. и один шурф на самой оконечности мыса.⁶⁷ Год спустя М. К. Каргер исследовал фундаменты Спасского собора.

Широкие разведочные работы практически на всей территории стрелки были проведены в 1940 г. экспедицией под руководством Н. Н. Воронина.⁶⁸

В 1975 г. на юго-западной оконечности стрелки у церкви Николаи Рублений город экспедицией Ленинградского университета была выполнена шурфовка места предполагаемого первоначального вала древнейших укреплений Ярославля. Археологические наблюдения в этой части Ярославля продолжались и в следующем году.⁶⁹ В 1982—1983 гг. в Ярославле работал отряд архитектурно-археологической экспедиции ЛОИА АН СССР и Государственного Эрмитажа при участии Ярославского историко-архитектурного музея-заповедника.⁷⁰ Этот отряд зани-

⁶⁴ Краткий путеводитель по г. Ярославлю. Ярославль, 1913, с. 5; Козлов П. И. Ярославль... 1960, с. 7.

⁶⁵ Серебрянников С. 1) Хронологический очерк исторических событий в городе Ярославле, от основания оно до вступления Ярославского княжества в состав государства Российского. — ЯГВ, 1843, № 5; 2) О местоположении, древнем укреплении и распространении города Ярославля. — ЯГВ, 1844, № 24—25.

⁶⁶ Огурцов Н. Г. Опыт местной библиографии: Ярославский край. Ярославль, 1924, с. 63—72.

⁶⁷ Коллекция находок из раскопок П. Н. Третьякова и М. К. Каргера хранится в Ярославском историко-архитектурном музее-заповеднике.

⁶⁸ Воронин Н. Н. Раскопки в Ярославле... с. 177—192.

⁶⁹ Дубов И. В., Винокурова М. Г., Седых В. Н. Ярославская экспедиция. — АО 1976 года. М., 1977, с. 51; Дубов И. В., Иоаннисян О. М. К топографии древнего Ярославля (итоги и задачи изучения). — КСИА АН СССР, 1980, вып. 160, с. 19—24.

⁷⁰ Иоаннисян О. М. 1) Исследования Спасского собора в Ярославле. — АО 1982 года. М., 1983, с. 56—57; 2) Раскопки в Ярославле и в Угличе. — АО 1983 года. М., 1984, с. 57—58.

мался поисками остатков первоначального Спасского собора; сооруженного, как известно, в XIII в., которые увенчались успехом.

Названными работами и ограничиваются археологические исследования древнего Ярославля. Необходимо особо остановиться на раскопках Н. Н. Воронина и Ярославской экспедиции Ленинградского университета.

В 1940 г. экспедиция под руководством крупнейшего советского археолога, выдающегося знатока и исследователя истории Северо-Восточной Руси Николая Николаевича Воронина провела исследования культурных слоев древнего Ярославля. Всего на стрелке было заложено четырнадцать шурфов, общая площадь которых составила 56 кв. м, а также раскоп площадью в 100 кв. м.

Только в двух шурфах (XI—XII) удалось зафиксировать слой древнейшего Ярославля — здесь на южной оконечности стрелки обнаружена керамика гончарная и лепная, относящаяся к X—XI вв. В расположенном неподалеку шурфе XIII найден фрагмент шиферного пряслица. Кроме того, в шурфах выявлены материалы XII—XIII вв. и более поздние. Особенно много остатков XVII столетия, когда в Ярославле шло интенсивное строительство, включая церковное. С этим связано и значительное количество в шурфах различных строительных остатков и мусора. Особого внимания заслуживают находки в шурфе II, который находился на краю Медведицкого оврага у церкви XVII в. Николы Рубленый город. Здесь, практически под дерном, Н. Н. Воронин обнаружил плотную красную глину, которую он счел за следы вала, на котором и стояли укрепления — стены и башни Рубленого города.

Важнейшие данные были получены при работах на основном раскопе. Здесь удалось построить стратиграфическую колонку. Верхние слои ее представляют собой строительные остатки, и прежде всего щебень, относящиеся к XVII—XIX вв. Ниже находился деревянный настил, который Н. Н. Воронин связал с постройкой в 1646 г. Успенского собора, под ним четко фиксировался черный культурный слой XVI—XVII вв. Далее шел слой чистого песка, который, по мнению Н. Н. Воронина, перекрывал значительную часть стрелки и был искусственной насыпью, возникшей после большого пожара Ярославля в 1501 г.⁷¹ Однако есть и другое объяснение возникновению этой подушки из песка — это как результат сильного волжского наводнения.⁷² Но эта версия пока гипотетична. Среди находок в слое XVI—XVII вв. Н. Н. Воронин отмечает два светца, овальное кресало, глиняные рыболовецкие грузила, многочисленные костяные изделия и полуфабрикаты, железную подкову, сапожные под-

⁷¹ Воронин Н. Н. Раскопки в Ярославле... с. 182.

⁷² Данная гипотеза выдвинута О. М. Иоаннисяном, обнаружившим аналогичный слой песка при раскопках в Спасском монастыре.

ковки, удила, стеклянные бусы и др. (рис. 9). По его мнению, эти вещи могут относиться и к более раннему времени, нежели XVI в.

Под засыпью песка шел древнейший слой города, который был датирован исследователем IX—XV вв.⁷³ Этот слой был разделен на три горизонта: нижний (IX—начало XIII вв.), средний (XIII—XIV вв.) и верхний (XIV—XV вв.). В основу такого деления была положена типология керамического материала. Для нас наибольший интерес представляет нижний горизонт этого слоя, относящийся по хронологии Н. Н. Воронина к IX—началу XIII столетий. Наиболее массовым материалом здесь является лепная и гончарная керамика. К первой категории относятся баночные горшки со слабо выделенным венчиком. Орнаментация—насечки или вдавления по срезу венчика, по плечу горшки иногда украшаются штампом или, что очень редко, волной. Кстати, здесь обнаружен костяной штампик для нанесения орнамента. Гончарная посуда представлена горшками курганного типа, с линейно-волнистой орнаментацией или орнаментом, выполненным штампом. Интересны также индивидуальные находки. Среди них изделия из кости—проколки, подвеска, фрагмент гребня, полуфабрикаты; шиферное пряслице с метками в виде крестиков; железные предметы—шило, ключ-лопаточка, пряжка, ножи, заклепка, гвозди, подковки, долото, рыболовные крючки; стеклянные браслеты, серебряный перстень, шиферная буса и ряд других. Керамика и вещевой инвентарь позволяют твердо датировать данный слой X—XIII вв.

Лепная керамика аналогична материалам Ярославских курганных могильников (Тимеревского, Михайловского, Петровского) и Тимеревского поселения. Исследования показали, что этот керамический материал датируется в основном X в. и в отдельных случаях доживает до XI в.⁷⁴ Вещевые находки также не дают оснований датировать ранние слои Ярославля IX—X вв. Наиболее вероятная дата их—вторая половина X—начало XI в.

Шурфовка крайней оконечности стрелки определила, что в этой части культурный слой отсутствует вообще. Большая серия зондажей была проведена Н. Н. Ворониным к северу от Успенского собора (шурфы IV—VIII). В них обнаружен только поздний материал (XV—XVIII вв.). Многочастная стеклянная бусина, найденная в шурфе VI, не может служить основательным доказательством наличия древнейшего слоя в этой части стрелки.

⁷³ Воронин Н. Н. Раскопки в Ярославле... с. 185—186. — Е. И. Горюнова предполагает возможным нижнюю дату удревнить до VIII в. (см.: Горюнова Е. И. Этническая история... с. 91).

⁷⁴ Мальм В. А. Культовая и бытовая посуда из Ярославских могильников. — В кн.: Ярославское Поволжье X—XI вв. М., 1963, с. 49—50; Дубов И. В. Проблемы становления раннефеодального общества на территории Ярославского Поволжья: Автореф. канд. дис. Л., 1974, с. 9—10.

Керамика XI в. найдена и при работах 1975 г. Итоги раскопок не позволяют предположить, что первоначальное население (X—XI вв.) на месте Ярославля занимало всю территорию стрелки (около 3 га). Хотя в принципе это могло иметь место. Площади древнерусских городов этого периода в среднем составляют примерно 2,5—7 га.⁷⁵ В то же время обычная площадь сельских поселений на Верхней Волге не превышает 2 га.⁷⁶

Сейчас очень сложно окончательно очертить достоверную первоначальную территорию Ярославля. Поселение X—XI вв. занимало, видимо, небольшой участок в южной и центральной частях стрелки и тянулось вдоль берега Которосли по направлению к Медвежьему оврагу. Северная половина мыса была скорее всего свободна: трудно поверить, чтобы более позднее строительство полностью уничтожило здесь следы раннего слоя. Кроме того, судя по уровню материка в шурфах IV—VIII, возможно, что в северной части стрелки рельеф резко понижался, и потому крутой склон волжского берега в то время не был заселен и застроен. Однако, к сожалению, это мы можем лишь предполагать. В настоящее время мы не в состоянии дать сколько-нибудь приемлемую и основанную на материалах реконструкцию планировки и характера застройки древнейшего Ярославля. Н. Н. Ворониным во время раскопок была обнаружена всего лишь одна постройка, которую он отнес к слою IX—XIII вв.⁷⁷ Она представляла собой полуземляночное сооружение неправильной четырехугольной формы. Отсутствие печи или очага дали основание автору раскопок считать, что это либо подполье наземного жилища, либо просто постройка нежилого характера. Неясна и датировка постройки — найденные там фрагменты керамики датируются очень широко. Весь комплекс находок из раскопок Н. Н. Воронина говорит о том, что Медвежий угол был обычным древнерусским поселением с незначительными финно-угорскими (видимо, мерянскими) компонентами.

Место, на котором в XI в. возникает город Ярославль, имело прекрасную естественную защиту — высокие откосы Волги и Которосли и Медвежий овраг с напольной стороны. Если на ранних этапах жители городка Медвежий угол были удовлетворены такими преградами от врага, то в XI в. появилась необходимость создания более мощной и надежной оборонительной системы.

Благодаря археологическим исследованиям удалось в общих

⁷⁵ Раппопорт П. А. Военное зодчество западнорусских земель X—XIV вв. — МИА. М., 1967, № 140, с. 187, прим. 9. — По мнению этого автора, большими по площади (40 га и более) были только крупные центры целых земель, чего, конечно, никак нельзя сказать о Ярославле XI в.

⁷⁶ Успенская А. В., Фехнер М. В. Поселения Древней Руси. — Труды ГИМ, 1956, вып. 32, с. 16.

⁷⁷ Воронин Н. Н. Раскопки в Ярославле... с. 185, рис. 7.

чертах восстановить историю создания укреплений древнего Ярославля. Н. Н. Воронин на краю Медвежьего оврага у церкви Никола Рубленый город обнаружил остатки вала XI в., а в 1975 г. там же были найдены деревянные конструкции, имевшие прямое отношение к этому укреплению.⁷⁸

Одним из ключевых вопросов изучения истории Ярославля является определение облика, структуры, топографического размещения и хронологии городских укреплений. Деревянные стены Рубленого города погибли во время пожара 1658 г.,⁷⁹ однако валы его, возможно, некоторое время продолжали существовать. Во всяком случае, как уже упоминалось, построенная в 1695 г. в юго-западной части стрелки церковь получила название Никола Рубленый город. Известные нам планы Ярославля, относящиеся к XVIII—XIX вв., уже никаких следов укреплений Рубленого города не фиксируют.⁸⁰

Шурф 1975 г. у церкви Никола Рубленый город находился в 25 м к востоку от зондажа Н. Н. Воронина, на предполагаемой линии укреплений, идущих по краю Медвежьего оврага. Как и в 1940 г., при работах зафиксирована красная глина, но только на уровне 1,05 м. Оказалось, что она не образует сплошной прослойки, а частично уничтожена в результате строительных работ XVII—XVIII вв. Ниже красной глины до уровня 3 м идет перемешанный культурный слой. Скорее всего, это строительная яма, выкопанная в период сооружения церкви Никола Рубленый город. В ее заполнение попали вещи от X—XI (керамика курганного типа, шиферное пряслице) до XVII—XVIII вв.

Особенно много строительных остатков XVII в. — большемерный кирпич, изразцы, изразцовая румпа, фрагменты поливного керамического лемеха и т. д.

На уровне 2,9—3,0 м обнаружена конструкция из полуогнивших полуобгоревших бревен диаметром 10—15 см, утопленных в материковую глину. Бревна ориентированы с северо-запада на юго-восток, т. е. поперек направления предполагаемого вала Рубленого города.

⁷⁸ Воронин Н. Н. Раскопки в Ярославле... с. 182; Дубов И. В., Иоаннисян О. М. К топографии древнего Ярославля... с. 19—24.

⁷⁹ Добровольская Э. Ярославль... с. 101.

⁸⁰ Тверской Л. М. Русское градостроительство до конца XVII в. Л.; М., 1953, с. 121 (план Ярославля до перепланировки 1778 г.); Полное собрание законов Российской империи (собр. I-е). Книга чертежей и рисунков (планы городов). СПб., 1893, л. 406; Центральный государственный военно-исторический архив, ф. Военно-учетного архива, № 21 528; ч. 2, л. 10; Ярославский историко-архитектурный музей-заповедник. — План Губернскому городу Ярославлю/Составитель Иван Эме, 1809 г. (№ 89); План благоустройства Стрелки в 30-е годы XIX в. (б/н); Планы города Ярославля /Издание И. А. Вахрамеева. М., 1883 (№ 81—83); План города Ярославля /Составитель Г. Леонов (№ 84); Планы города Ярославля (№ 86—88); План города Ярославля XVIII в./Составил К. Смирнов в 1913 г. (№ 79—80); см. также: Планы и краткие очерки городов Ярославской губернии. Ярославль, 1909.

Н. Н. Воронин, видимо, действительно обнаружил след вала, однако дальнейшие раскопки в этом месте были приостановлены. Вскрытая теперь яма XVII в., по всей вероятности, прорезала древний вал и оголила его деревянные конструкции. К сожалению, сохранность дерева очень плохая, и это не позволяет надеяться на проведение дендрохронологических исследований. Учитывая крайнюю ограниченность раскопок, можно лишь предполагать, что обнаруженная конструкция принадлежит к валу Рубленого города, сооруженному в XI в.

Таковы имеющиеся в нашем распоряжении археологические данные по ранней истории города Ярославля. Однако не следует думать, что до его возникновения данный район был слабо заселен и здесь не было центров, предшествующих этому волжскому раннефеодальному городу. Такие были и в ближайших окрестностях. Речь идет о протогородских центрах Тимеревском, Михайловском и Петровском, расположенных в пределах 10—12 км от Стрелки Ярославля. В их состав входят поселения, могильники, монетные клады. Кстати, эти некрополи одно время считались кладбищами города Ярославля, что, как сейчас доказано, не соответствует действительности. Н. Н. Воронин отмечал, что «Ярославское городище принадлежит тому же русскому населению, которое оставило эти верхневолжские некрополи».⁸¹ Аналогична позиция и Е. И. Горюновой, постоянно сравнивающей находки в Ярославле с материалами из раскопок этих памятников.⁸² Однако мы считаем, что просто сравнениями здесь дело не должно исчерпываться — взаимосвязи между названными центрами более глубинные и более сложные. Для того чтобы их раскрыть следует дать исчерпывающую характеристику этих протогородов.

Публикуя результаты своих раскопок в Ярославле 1940 г., Н. Н. Воронин писал, что «вопрос о древнейшем дофеодальном поселении на месте Ярославля и рождении феодального города оставался далеко не ясным; не ясной была и связь этого первоначального Ярославля с лежащими по соседству с ним, но в отдалении Михайловским и Тимеревским курганными могильниками IX—X вв.».⁸³ Исследователь полагал, что проблему происхождения города помогут решить раскопки в древнейшей его части — на Стрелке — мысу в устье р. Которосли. Однако только сейчас, получив новые материалы из городских раскопок и исследовав протогородские центры типа Михайловского, Тимеревского и Петровского в окрестностях Ярославля, можно проводить историческую реконструкцию раннего периода его существования.

Начнем с самого северного из этих трех пунктов — Михай-

⁸¹ Воронин Н. Н. Раскопки в Ярославле... с. 191.

⁸² Горюнова Е. И. Этническая история... с. 91.

⁸³ Воронин Н. Н. Раскопки в Ярославле... с. 177.

ловского, расположенного в 10 км к северу от города Ярославля на левом берегу р. Волги. Первоначально достоянием науки стал Михайловский курганный некрополь. Раскопки курганов здесь проводили такие известные археологи, как И. А. Тихомиров, В. А. Городцов, Т. Арне, Д. Н. Эдинг, Я. В. Станкевич. Начиная с 1896 г. в течение трех полевых сезонов в Михайловском работал ярославский историк-археолог и краевед И. А. Тихомиров. За эти годы им было раскопано на могильнике «в роще» в общей сложности 74 насыпи⁸⁴ и на могильнике «в лесу» — 27⁸⁵ — всего 101 курган. В современной археологической литературе фигурирует почти всегда только 1 курганный могильник у села Михайловского Ярославского уезда Ярославской губернии.⁸⁶ Однако еще в 1913 г. И. А. Тихомиров недвусмысленно указывал на наличие в этом месте двух некрополей, датируя второй Михайловский могильник XI в.⁸⁷ Сообщение об этом памятнике промелькнуло также в исследовании Я. В. Станкевич: «Поздние курганы Михайловского могильника по своему обряду и по инвентарю связываются с небольшим курганным могильником, расположенным в 2,5 км к югу от с. Михайловского за линией железной дороги в месте слияния Сухого ручья с его притоком. В настоящее время этот памятник полностью разрушен».⁸⁸ Как показала проверка архивных данных, в самом деле у с. Михайловского существовало два некрополя. Михайловский II состоял из 41 насыпи, из которых в 1897—1898 гг. было раскопано 27. Все они содержали погребения по обряду трупоположения. Частично отчет И. А. Тихомирова о раскопках в с. Михайловском был опубликован.⁸⁹

Наряду с профессиональными исследованиями И. А. Тихомирова на Михайловском могильнике проводились и самостоятельные раскопки. Так, в 1899 г. в древлехранилище Ярославской губернской ученой архивной комиссии поступили новые предметы старины. Среди них были меч и боевой нож. Вещи были переданы в ученую архивную комиссию помещиком из

⁸⁴ Тихомиров И. А. 1) Отчет о раскопках в селе Михайловском. — Архив ЛОИА, ф. 1, д. 52, 1897 г., л. 9—23, 33; д. 187, 1898 г., л. 3—34; 2) Отчет о раскопках Михайловских курганов в 1897 и 1898 гг. — ГИМ, архив, ф. 99, ед. хр. 42.

⁸⁵ Тихомиров И. А. Отчет о раскопках в селе Михайловском. — Архив ЛОИА, ф. 1, д. 52, л. 29—32; д. 187, л. 1—2.

⁸⁶ Недошикина Н. Г. Михайловский могильник. — В кн.: Ярославское Поволжье X—XI вв. М., 1963, с. 24—31.

⁸⁷ Тихомиров И. А. Ярославское зодчество. — В кн.: Ярославль в его прошлом и настоящем: Исторический очерк-путеводитель. Ярославль, 1913, с. 50—51.

⁸⁸ Станкевич Я. В. К вопросу... с. 84.

⁸⁹ Тихомиров И. А. Отчет о раскопках в Ярославской губ. и уезде под с. Михайловское. — Извлечение из Ярославских губернских ведомостей. 1898.

сельца Михайловского Ярославского уезда Ярославской губернии А. А. Марковичем и местным священником Н. А. Виноградовым с пометой как «найденные при сносе кургана для разравнивания местности».⁹⁰

Всего было передано 24 находки, а сохранилось в фондах Ярославского историко-архитектурного музея-заповедника лишь 2. Другие находки, возможно, также происходящие из данного погребения, вероятно, были утрачены во время выставки в Демидовском юридическом лицее.⁹¹ Впервые меч и скрамасакс из Михайловского могильника были опубликованы Я. В. Станкевич, которая датировала меч второй половиной X в.⁹² Относится он к типу V, все датированные экземпляры которого можно отнести к X столетию.⁹³ Скрамасакс является довольно редкой находкой в Северо-Восточной Руси; по аналогиям установлено, что такие боевые ножи находились в употреблении в X в. и встречаются в богатых погребениях и, как правило, вместе с мечами.⁹⁴ Не является исключением из правила и находка в Михайловском. Очевидно, что и здесь следует вести речь о нерядовом дружинном захоронении. При расчистке клинка меча на нем обнаружено выложенное дамаскированной инкрустацией двустороннее клеймо плохой сохранности. На одной стороне клинка можно уверенно реконструировать надпись «ULFBERTH», а на другой — орнаментальное переплетение.⁹⁵

В 1902—1903 гг. в Михайловском работает В. А. Городцов, где под его руководством силами воспитанников ярославского кадетского корпуса раскапываются 6 курганов, содержащих погребения по обряду трупосожжения.⁹⁶ Аналогичные раскопки кадетского корпуса проводятся и в 1909—1910 гг., сведений о которых не сохранилось.

В 1913 г. в Россию приезжает известный шведский археолог Т. Арне, который в целях получения материала для обоснования норманской теории, проводит незначительные раскопки в Михайловском под Ярославлем, где исследует 18 курганов.⁹⁷ В 1921 г. также небольшие раскопки (4 кургана) в Михайлов-

⁹⁰ Труды Ярославской губернской ученой архивной комиссии, вып. 1, кн. 3, 1900, с. 302; Ярославский историко-архитектурный музей-заповедник: Опись поступлений за 1899 г.

⁹¹ Труды Ярославской губернской... с. 302.

⁹² Станкевич Я. В. К вопросу... с. 77, табл. VI, 1—2.

⁹³ Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие.— САИ, вып. EI-36, т. 1. М.; Л., 1966, с. 32, 80, каталог находок № 58.

⁹⁴ Там же.

⁹⁵ Кирпичников А. Н., Дубов И. В. Новые расчистки мечей, найденных в Ярославском Поволжье.— В кн.: Северная Русь и ее соседи. Л., 1982, с. 148.

⁹⁶ Городцов В. А. 1) Археологическая учебная экскурсия воспитанников Ярославского кадетского корпуса.— ИАК. СПб., 1903, вып. 6, с. 85—87; 2) Северный край, 1903, 22 мая, № 132.

⁹⁷ Арне Т. J. Ett svenskt grawjält i guvernementet Jaroslav Ryskland. Fornvännen, 1918, s. 31—47.

ском осуществляет известный исследователь Сарского городища Д. Н. Эдинг.⁹⁸

Новый этап изучения Михайловского могильника начался в 1938 г., когда здесь осуществляла раскопки в течение двух лет ленинградский археолог Я. В. Станкевич. В результате этих работ в Михайловском было вскрыто 24 кургана.⁹⁹ Особенностью раскопок Я. В. Станкевич было применение новой методики исследования курганных некрополей. Все предыдущие исследователи копали колодцами или траншеями, а Я. В. Станкевич — на снос. Применение этой методики сразу дало свои плоды — курганы, раскопанные этим археологом, прочно вошли в число полноценных погребальных комплексов Ярославских могильников. Результаты раскопок были обобщены Я. В. Станкевич в обширной статье, вышедшей в 1941 г., где был опубликован дневник раскопок 1938 г., а также описания курганов, исследованных И. А. Тихомировым в 1897—1898 гг., составленные по архивным данным.¹⁰⁰

В 1960—1961 гг. раскопки Михайловского могильника были полностью завершены (вскрыто 44 кургана).¹⁰¹ В настоящее время в распоряжении исследователей находится материал, происходящий из 171 кургана Михайловского могильника. К сожалению, утрачены данные или вообще остались неизвестными для большого количества курганных насыпей. Так, во время съемки плана могильника в 1960 г. там фиксировалось 219 насыпей,¹⁰² а сейчас следов могильника совсем не существует (предположительно в состав могильника входило 400 курганов). Нет даже возможности составить сводный исчерпывающий план данного некрополя и приходится пользоваться несколькими планами, составленными в разные годы. Такое состояние имеющихся материалов не дает возможности для проведения изучения внутренней топографии Михайловского могильника, как это удалось выполнить для Тимеревского и Петровского некрополей.¹⁰³ Вплоть до настоящего времени мы имели лишь скудные сообщения о наличии здесь поселения, синхронного могильнику. Так, Я. В. Станкевич отмечала, что «западная, более поздняя часть могильника заходит на край ранее существовавшего здесь

⁹⁸ Эдинг Д. Н. 1) Отчет о раскопках в 1921 г. — Архив ЛОИА, 119, 76/1921; 2) Археологические раскопки в Ростовском уезде Ярославской губернии за последние годы. — В кн.: Материалы к доистории Центрально-промышленной области. М., 1927, с. 55.

⁹⁹ Станкевич Я. В. 1) Отчет о раскопках Михайловского могильника. — ЛОИА, ф. 35, д. 59, 206, 1938 г.; № 218—220, 1938—1939 гг.; 2) Ярославская экспедиция. — КСИИМК, 1939, вып. 1, с. 16; 3) Раскопки Михайловского могильника. — КСИИМК, 1939, вып. II, с. 28—29.

¹⁰⁰ Станкевич Я. В. К вопросу... с. 56—88.

¹⁰¹ Недошкин Н. Г. Михайловский могильник... с. 24.

¹⁰² Там же.

¹⁰³ Дубов И. В. Микротопография Ярославских могильников. — КСИА АН СССР, М., 1981, вып. 166, с. 48—51.

селища».¹⁰⁴ В 1979 г. при осмотре местности близ с. Михайловского предположения Я. В. Станкевич частично подтвердились и были уточнены. Удалось обнаружить следы культурного слоя и установить, что с северо-востока, севера и северо-запада могильник подковой был окружен поселением площадью около 6 га. Мощность культурного слоя 25—50 см. Найдены фрагменты лепной и гончарной керамики, шлаки, угли, зола, обгорелые камни.¹⁰⁵ Судя по всему поселение в целом синхронно с могильником. Обнаруженная керамика аналогична находкам на Тимеревском поселении и вполне может быть использована как сравнительный материал.¹⁰⁶

К сожалению, раскопки здесь невозможны — часть поселения плотно застроена жилыми домами, а другая занята сельскохозяйственным комплексом. Причем на культурный слой почти везде насыпана мощная подушка из глины.

Михайловский комплекс, включавший в себя поселение площадью около 6 га и курганный некрополь, состоящий из 400 курганов, располагался на некотором удалении от Волги — основной водной артерии Древней Руси эпохи раннего средневековья. Это расстояние достигало 4 км. Михайловское поселение и могильник находились на берегу небольшой ныне пересохшей речки, связывавшей в древности этот пункт с Волгой. Такое расположение древнего центра было обусловлено целым рядом причин и является одной из отличительных черт протогородских центров. Михайловский комплекс занимал сухое возвышенное место на краю плато и сразу рядом с ним начиналась пойма Волги. Выбор места обуславливался и военно-стратегическими причинами: во-первых, здесь обеспечивалась достаточная безопасность, и, во-вторых, надежно контролировался весь участок Волги до впадения в нее р. Которосли, где находился поворот в Волго-Окское междуречье.

Своего расцвета Михайловский комплекс, возникший в IX в., достигает в середине X столетия, т. е. в ту пору, когда Волжский путь наиболее интенсивно использовался как трансевропейская торговая артерия и как дорога славянского заселения северо-востока.¹⁰⁷

В погребальных комплексах X в. Михайловского могильника в изобилии представлены оружие и различные привозные изделия. Вполне вероятно, что в значительной части курганов Михайловского могильника захоронены представители дружинного

¹⁰⁴ Станкевич Я. В. 1) К вопросу... с. 83; 2) Раскопки Михайловского могильника... с. 28.

¹⁰⁵ Дубов И. В. Тимерево (итоги и перспективы исследований). — В кн.: Северная Русь и ее соседи. Л., 1982, с. 105—106.

¹⁰⁶ Седых В. Н. Керамика Тимеревского поселения (предварительное сообщение). — Там же, с. 113.

¹⁰⁷ Булкин В. А., Дубов И. В., Лебедев Г. С. Археологические памятники Древней Руси IX—XI вв. Л., 1978, с. 121—124.

сложения из состава военного гарнизона, контролировавшего ключевой опорный пункт на Волжском пути.

Вторым протогородским центром в Ярославском Поволжье являются могильник и поселения у д. Петровское, расположенные на расстоянии 11 км к юго-западу от города Ярославля. Изучение Петровского могильника, как и Михайловского, началось в XIX в. В 1877 г. проведено обследование Петровского могильника, в итоге которого было установлено, что он занимает площадь 4,5 га и состоит из множества курганов.¹⁰⁸ Первые сведения о его раскопках были опубликованы в «Ярославских губернских ведомостях» в 1880 г. Сообщалось, что в с. Петровском П. О. Черневским было раскопано 7 курганов.¹⁰⁹ Какие-либо данные об этих раскопках в архивах или научной литературе отсутствуют. В 1908 г. И. С. Абрамов раскопал в Петровском 9 насыпей.¹¹⁰ В 1962—1963 гг. проведены новые обследования и раскопки Петровского могильника. М. В. Фехнер насчитала здесь 141 насыпь, часть из которых была уже исследована. За два года раскопок было вскрыто 106 курганов.¹¹¹ Тогда же рядом с могильником удалось обнаружить следы двух поселений, на которых произведена шурфовка.¹¹² Эти селища вторично были исследованы в 1972 г. Собран обильный подъемный материал, среди которого следует отметить многочисленные находки остатков литейного производства — тигли, шлаки, крица, оплавленная керамика, стекло¹¹³ (рис. 7).

Таким образом, в Петровский комплекс входили 2 поселения и курганный могильник (рис. 6). Своего расцвета он достигает в середине X в.

Петровский комплекс, как и Михайловский, имел торговоремесленный характер. В состав инвентаря входят многочисленные импортные изделия, а на поселении обнаружены следы литейного производства и других ремесел. Петровские памятники были тесно связаны с Волжским путем. Они располагаются на р. Шатере, притоке Великой, в свою очередь впадающей в Волгу и берущей начало неподалеку от Тимеревского протогородского центра, который будет рассмотрен ниже.

Петровский комплекс более «провинциален», нежели Михайловский. Погребения с оружием здесь большая редкость, курганы более однородны и не выделяются по бедности или богат-

¹⁰⁸ Черневский П. О. Археологические исследования в Ярославской губернии. — ЯГВ, 1880, № 99.

¹⁰⁹ Антропологическая выставка, т. II. М., 1878—1879, с. 308.

¹¹⁰ Абрамов И. С. Отчет о раскопках в Ярославской губернии. — Архив ЛОИА, ф. 1, д. 71, 1908 г., л. 7—11.

¹¹¹ Фехнер М. В. Отчет о раскопках Петровского могильника. — Архив ИА АН СССР. — Р-1, № 2539, 2729.

¹¹² Фехнер М. В. Петровский могильник. — В кн.: Ярославское Поволжье X—XI вв. М., 1963, с. 20.

¹¹³ Дубов И. В. Работы Ярославского отряда. — АО 1972 года. М., 1973, с. 63.

ству инвентаря. Хронологически Петровский комплекс вписывается в период существования в Волго-Окском междуречье протогородских центров (IX—XI вв.).

Наконец, третьим наиболее крупным протогородским центром Ярославского Поволжья является Тимеревский, в состав которого входят обширный могильник, 2 курганные группы, 2 поселения, 1 из которых достигает площади 10 га и 2 клада куфических монет (рис. 4).

Сначала был открыт Тимеревский могильник. Он стал известен еще в конце 60-х годов прошлого столетия, когда ярославский краевед Н. П. Сабанеев включил его в список памятников губернии.¹¹⁴ С тех пор Тимеревский некрополь неоднократно осматривался и подвергался археологическим раскопкам. Давалась различная количественная оценка могильника. Так, ярославский историк-краевед В. И. Лествицын выполнил первое топографическое описание Тимеревского могильника, указав его точные координаты, площадь, число курганов (более 150), размеры насыпей.¹¹⁵ Однако это описание было составлено в результате поверхностного осмотра могильника и во многом страдает неточностями. И прежде всего это касается числа курганов, которое было значительно занижено. Другие авторы называли иное количество насыпей в Тимеревском могильнике и доходило оно до 1000—1500.¹¹⁶

Важным событием в истории археологического изучения Ярославской губернии стал VII Археологический съезд, проводившийся в Ярославле в 1887 г.¹¹⁷ Подготовительным комитетом была организована выставка археологических находок с территории губернии, и члены этого съезда провели раскопки на Тимеревском курганном могильнике.¹¹⁸ К сожалению, отчеты и документы по этим исследованиям не сохранились, но часть находок уцелела и хранится в фондах Ярославского историко-архитектурного музея-заповедника.

В 1900 г. в Тимереве проводит раскопки И. А. Тихомиров, где за полевой сезон им было вскрыто 14 курганов.¹¹⁹ В этом же году И. А. Тихомиров открывает курганные группы у дере-

¹¹⁴ Сабанеев Н. П. Описание курганов Мологского уезда. — Труды Ярославского губернского статистического комитета. Ярославль, 1868, вып. IV, с. 98.

¹¹⁵ Лествицын В. И. От Ярославля до Москвы: Поездка на съезд археологов или древнелюбителей. Ярославль, 1869, с. 17.

¹¹⁶ Абрамов И. С. Отчет о раскопках в Ярославской губернии. — Архив ЛОИА, ф. 1, д. 71, л. 6.

¹¹⁷ Труды VII Археологического съезда в Ярославле. Ярославль, 1887; Указатель выставки при седьмом археологическом съезде. Ярославль, 1887.

¹¹⁸ По сведениям И. С. Абрамова членами VII АС было раскопано в Тимереве 2 кургана. — ЛОИА, ф. 1, д. 71, 1908 г.

¹¹⁹ Тихомиров И. А. Отчет о раскопках Тимеревского могильника. — ЛОИА, ф. 1, д. 82, 1900, л. 13—14, 17—18 и дневник раскопок.

вень Малое Тимерево и Гончарово и начинает там раскопки.¹²⁰ По итогам своих работ И. А. Тихомиров делал доклады на заседаниях Ярославской губернской ученой архивной комиссии¹²¹ и опубликовал их результаты в двух обширных статьях.¹²²

Спустя восемь лет И. С. Абрамов продолжает изучение погребальных древностей Тимерева. Он вскрывает 2 насыпи в основном могильнике и неизвестное количество курганов у д. Гончарово.¹²³ В советское время исследования Тимеревского могильника продолжает в 1938—1939 гг. Я. В. Станкевич — она раскапывает в течение двух полевых сезонов 26 погребальных комплексов.¹²⁴

В 1959—1961 гг. на Тимеревском могильнике производит раскопки экспедиция Государственного исторического музея под руководством М. В. Фехнер. В эти годы было исследовано 282 насыпи.¹²⁵ На этом полевое изучение Тимеревского могильника считалось полностью законченным.¹²⁶ Однако дальнейшие работы, в том числе и раскопки кургана № 95, показали, что есть реальные возможности для новых исследований этого некрополя.

Начиная с 1974 г. новые раскопки курганов Тимеревского могильника производила экспедиция Государственного исторического музея. За пять лет исследований вскрыто 97 насыпей. К сожалению, этот материал пока полностью не опубликован, и в нашем распоряжении находятся лишь краткие заметки в «Археологических открытиях». Однако и по ним можно составить общее представление об этих новых данных о Тимеревском могильнике.¹²⁷

После раскопок 1978 г. исследователями было отмечено,

¹²⁰ Там же, л. 15—16 и дневник раскопок.

¹²¹ Труды Ярославской губернской ученой архивной комиссии, кн. 3, вып. 1. Ярославль, 1900, с. 89, 115, 136, 153—154, 226.

¹²² Тихомиров И. А. 1) Кто насыпал Ярославские курганы? Ч. I. — Труды II Областного историко-археологического съезда. Тверь, 1903, с. 87—248; 2) Кто насыпал Ярославские курганы? Ч. II. — Труды III Областного историко-археологического съезда. Владимир, 1909, с. 1—98.

¹²³ Абрамов И. С. Отчет... — ЛОИА, ф. 1, д. № 71, оп. 1908, л. 5—11.

¹²⁴ Станкевич Я. В. 1) Отчет... — Архив ЛОИА, ф. 35, д. № 59, 206 — (1938 г.); д. № 217—220 — (1938—1939 гг.); 2) Ярославская экспедиция. КСИИМК, 1939, вып. 1, с. 16; 3) К вопросу об этническом составе... с. 56—88.

¹²⁵ Фехнер М. В. Отчет о раскопках Тимеревского могильника. — Архив ИА АН СССР, Р-1, д. № 1886 — 1959 г.; 2215 — 1960 г.; 2335 — 1961 г.

¹²⁶ Фехнер М. В. Тимеревский могильник. — В кн.: Ярославское Поволжье X—XI вв. М., 1963, с. 7.

¹²⁷ Мальм В. А., Недошивина Н. Г., Полякова Г. Ф., Фехнер М. В. Тимеревский могильник близ Ярославля. — АО 1974 года. М., 1975, с. 67—68; Мальм В. А., Недошивина Н. Г., Фехнер М. В.

1) Раскопки Тимеревского могильника. — АО 1975 года. М., 1976, с. 75—76;

2) Раскопки Тимеревского могильника. — АО 1976 года. М., 1977, с. 59—60;

3) Исследования Тимеревского могильника близ Ярославля. — АО 1977 года. М., 1978, с. 72—73; Недошивина Н. Г., Фехнер М. В. Раскопки Тимеревского могильника близ Ярославля. — АО 1978 года. М., 1979, с. 76.

что «в могильнике сохранилось небольшое количество курганов, насыпи которых почти полностью разрушены. Их исследование, на наш взгляд, является нецелесообразным».¹²⁸ Однако такой вывод уже делался теми же авторами, но только пятнадцать лет назад, а после того было раскопано около 100 насыпей, давших уникальный и важный материал. На наш взгляд, необходимы дальнейшие исследования Тимеревского могильника с применением иной методики — сплошным раскопом.

В 1976 г. Ярославской экспедицией Ленинградского университета был исследован еще 1 курган, насыпь которого не сохранилась вследствие распашки, и он не отмечался на планах могильника.¹²⁹ Этот курган находился на юго-восточной окраине некрополя, где кладбище близко подступает к поселению.

Во время обследования поселения с помощью металлоискателя был обнаружен сначала меч, а затем на месте находки заложен раскоп, где и найдено кострище с кальцинированными человеческими костями и вещами, сопровождавшими погребенного. Часть кальцинированных человеческих костей была собрана в урну, поставленную на кострище. Захоронен здесь был мужчина 30—40 лет. Большая часть вещей погибла на погребальном костре — найдены оплавленные куски бронзы, железа, сожженные изделия из кости. Сохранились 3 фрагмента накладок костяного гребня — на двух из них виден орнамент; железный ледоходный шип, часть ладейной заклепки, ланцетовидный наконечник стрелы с обломанным пером, 2 бочонковидные гирьки со знаками кратности.

Таким образом, с учетом новейших раскопок в настоящее время мы располагаем материалами 509 насыпей Тимеревского некрополя. Последние раскопки Тимеревского могильника дали новый интересный материал, позволяющий существенно уточнить хронологию и другие исторические характеристики всего комплекса в целом.

В целом о Ярославских могильниках, в том числе и о Тимеревском, написано много. Кроме упомянутых выше работ, ему посвящен ряд статей автора и раздел в монографии.¹³⁰ Одним

¹²⁸ Недошивина Н. Г., Фехнер М. В. Раскопки Тимеревского могильника близ Ярославля... с. 76.

¹²⁹ Дубов И. В., Винокурова М. Г., Седых В. Н. Ярославская экспедиция. — АО 1976 года. М., 1977, с. 51—52.

¹³⁰ Дубов И. В. 1) О хронологии погребальных комплексов Ярославских могильников с фибулами «скандинавских типов». — В кн.: Тезисы II Региональной археологической конференции вузов Северо-Запада РСФСР. Калинин, 1970, с. 31—32; 2) Проблемы хронологии предметов скандинавского происхождения из Ярославских могильников. — В кн.: Тезисы докладов V Всесоюзной конференции по изучению Скандинавских стран и Финляндии. М., 1971, с. 21—24; Добровольский И. Г., Дубов И. В. Комплекс памятников у д. Большое Тимерево под Ярославлем (по археологическим и нумизматическим данным). — Вестн. Ленингр. ун-та, № 2, 1975, с. 65—70; Дубов И. В. 1) Ярославское Поволжье в IX столетии. — Вестн. Ленингр. ун-та, № 14, 1976, с. 60—66; 2) Урновые погребения Ярославских могильни-

из важнейших спорных моментов в осмыслении материала Ярославских могильников, и в первую очередь Тимеревского, является их хронология. Весь период существования Тимеревского курганного могильника может быть разделен на несколько стадий, имеющих свои ведущие типы и варианты погребального обряда, характерные наборы инвентаря, укладываемые в определенные хронологические границы.

IX в. — трупосожжения на стороне, кальцинированные человеческие кости находятся на материке или в насыпи, каменные конструкции (часто кольцевые каменные кладки), кости животных, керамика лепная, фибулы IX столетия, дирхемы VII—VIII вв. Характерна бедность инвентаря.

X в. — господствуют трупосожжения на месте — кострище. Разнообразные варианты обряда и богатство погребального инвентаря. Первая половина X в. — закладываются основы сложного погребального обряда, господствующего позднее — кострище, урна, деревянные конструкции и т. д.

Середина X в. — ведущий обряд — трупосожжение на кострище в деревянном сооружении; варианты — кости в насыпи, урна перевернутая, кости в ямке под кострищем и т. д. Богатый набор инвентаря. Вещи смешанного характера — фибулы, мечи, стрелы, весы, гирьки, бусы, шипы, поясные наборы, гребни, лапы, кольца глиняные, копоушки, привески из астрагалов бобра и т. д.

Вторая половина X в. — продолжают существовать традиции, выработанные на предыдущих этапах. Однако обряд упрощается, сокращается и беднеет набор инвентаря.

В конце X и на протяжении XI вв. происходит коренное изменение в погребальной традиции — на смену обряду трупосожжения приходит ингумация. Существует несколько вариантов этого обряда, неравномерно представленных в могильниках — костяк располагается в насыпи, на материке, в яме. Ведущим является положение костяка на материке. Наиболее часто фиксируется западная ориентировка. Набор инвентаря скудный — керамика лепная и гончарная, нож, топор, пояс, оселок

ков. — В кн.: Проблемы археологии и этнографии, вып. 1. Л., 1977, с. 46—52; 3) «Домики мертвых» Ярославских могильников. — В кн.: Проблемы истории и культуры Северо-Запада РСФСР. Л., 1977, с. 120—123; 4) Скандинавские находки в Ярославском Поволжье. — Скандинавский сборник, Таллин, 1977, вып. XXII, с. 175—185; Булкин В. А., Дубов И. В. Тимерево и Гнездо-во. — В кн.: Из истории феодальной России. Л., 1978, с. 16—20; Дубов И. В. Ярославское Поволжье в IX—XI столетиях (итоги историографии). — В кн.: Проблемы археологии, Л., 1978, вып. 2, с. 133—140; Булкин В. А., Дубов И. В., Лебедев Г. С. Археологические памятники Древней Руси IX—XI вв. Л., с. 115—128; Дубов И. В. 1) Тимеревский комплекс — протогородской центр в зоне славяно-финских контактов. — В кн.: Финно-угры и славяне. Л., 1979, с. 110—118; 2) Тимерево (итоги и перспективы исследований). — В кн.: Северная Русь... с. 103—111. — Этим памятникам посвящен и специальный раздел в нашей книге «Северо-Восточная Русь в эпоху раннего средневековья» (Л., 1982).

и т. д. Встречаются пережиточные явления обряда трупосожжения в виде зольно-угольных прослоек под или над костяком или углей, разбросанных вокруг костяка. На этой стадии курганная традиция распространяется по всему Ярославскому Поволжью.

Интересна и динамика изменения средних размеров курганных насыпей: начиная в IX в. с небольших (диаметр — 7 м, высота — 0,7 м), достигая в первой половине — середине X столетия своего максимума (диаметр — 9 м, высота — 0,9 м), они становятся минимальными к концу X — началу XI в. (диаметр 5—6 м, высота 0,5—0,6 м).

Картографирование погребальных комплексов, относящихся к разным стадиям, выполненное по материалам Тимеревского и Петровского некрополей, позволяет проанализировать развитие во времени, раскрыть историю их формирования.¹³¹

Наиболее последовательно это прослежено на примере Тимеревского могильника. В IX в. курганы располагаются длинной узкой полосой, проходящей через весь будущий могильник с севера на юг. Это и есть древнейшее ядро некрополя. В первой половине X в. курганы начинают насыпать на большом поле в сторону северо-запада от центрального ядра. Именно здесь в середине столетия будет сформирована основная часть могильника. Курганы второй половины X в. располагаются на периферии этой зоны. В конце X—XI в. создается поздняя зона некрополя, состоящая исключительно из насыпей с погребениями по обряду труположения на юго-восточной окраине могильника. Это является финальным этапом существования кладбища у д. Большое Тимерево.

Такова общая характеристика и некоторые проблемы, вытекающие из материала Тимеревского курганного могильника, являющегося составной частью рассматриваемого нами археологического комплекса.

На противоположном берегу р. Сечки находились 2 курганные группы у деревень Малое Тимерево и Гончарово. По предположению И. А. Тихомирова некогда это был 1 могильник, частично распаханый.¹³² Эти курганы были открыты в 1900 г. И. А. Тихомировым.¹³³ В группе у д. М. Тимерево насчитывалось 7—10 курганов, а у д. Гончарово — 12 насыпей.¹³⁴ В литературе сложилось мнение, что это были поздние группы курганов,¹³⁵ однако, судя по раскопкам И. С. Абрамова у д. Гончарово, здесь были и курганы с погребениями по обряду трупосожжения.¹³⁶

¹³¹ Дубов И. В. Микротопография... с. 48—51.

¹³² Тихомиров И. А. Отчет... Архив ЛОИА, ф. 1, д. № 82, 1900 г., л. 15.

¹³³ Там же, л. 15—16.

¹³⁴ Там же, л. 15.

¹³⁵ Там же, л. 16; Станкевич Я. В. Отчет... — Архив ЛОИА, ф. 35, д. 218. 1938—1939 гг., л. 7.

¹³⁶ Абрамов И. С. Отчет... — Архив ЛОИА, ф. 1, д. 71, 1908 г., л. 5.

В общей сложности мы обладаем отрывочными данными о раскопках всего лишь 4 насыпей в этих группах.

В течение многих десятилетий ученые располагали в Тимереве только материалами погребальных комплексов, которые, конечно, не могли являться достаточными для исторических реконструкций, и вследствие этого многие суждения по поводу характера некрополей были несколько преждевременными. Существенной лакуной было отсутствие известных науке поселений в этом районе, синхронных могильникам и прямо связанных с ними. Хотя некоторые скурые сообщения о таковых в литературе встречались. Так, во время работ в Тимереве в 1961 г. М. В. Фехнер отмечала, что «одно из этих селищ было открыто разведкой 1961 г. в 500—600 м к юго-востоку от могильника. Оно расположено на правом берегу (высоком) р. Сечки близ дороги, ведущей в д. Гончарово».¹³⁷ А в 1963 г. она же указывала, что «в окрестностях Тимеревского могильника следы одного из селищ выявлены на расстоянии 240 м к юго-востоку от курганов... Культурный слой памятника почти полностью уничтожен распашкой».¹³⁸ Ошибочной была сама исходная позиция — считалось, что Ярославские некрополи принадлежали каждый нескольким поселениям сельского облика, и эти небольшие селища исчезли в результате распашки, а если учитывать местную традицию домостроительства — наземные дома, то вряд ли имеют смысл поиски сохранившихся построек.

В 1972 г. Ярославской экспедицией близ Тимеревского курганного могильника были открыты 2 поселения. Собранный на них подъемный материал показал, что они относятся к тому же времени, что и могильник, т. е. непосредственно связаны с ним.¹³⁹ Исходя из этого в 1973 г. Ярославская экспедиция развернула здесь полевые работы. На левом берегу р. Сечки у д. Малое Тимерево расположено селище, находящееся на верхней террасе берега реки. Площадь его 0,2 га. Подъемный материал и находки из культурного слоя — в основном лепная и гончарная керамика — позволяют связывать этот памятник со временем существования Тимеревского некрополя. Культурный слой поселения сильно перепахан и перемешан. В результате раскопок 1973 г. на селище удалось обнаружить углубленную в материк постройку размером 1,6×2,8 м и глубиной 0,2 м, ориентированную по линии север — юг (с небольшим отклонением). В заполнении этого сооружения встречена исключительно лепная керамика, найдены также плохо сохранившиеся фрагменты деревянных конструкций.

¹³⁷ Фехнер М. В. Отчет о раскопках Тимеревского могильника. — Архив ИА АН СССР, Р-1, № 2335, с. 207.

¹³⁸ Фехнер М. В. Тимеревский могильник... с. 8.

¹³⁹ Дубов И. В. Работы Ярославского отряда. — АО 1972 года. М., 1973, с. 63.

В результате работ экспедиции Ленинградского университета выяснилось, что Тимеревский могильник являлся кладбищем жителей одного крупного поселения площадью до 10 га, расположенного в непосредственной близости от некрополя и, несмотря на многолетнюю распашку, вполне пригодного для полевого археологического изучения. Благодаря наружным наблюдениям, шурфовке и раскопкам большими площадями удалось определить границы поселения, структуру культурного слоя, характер и плотность застройки и в итоге сделать важные шаги на пути воссоздания исторического развития памятника и его обитателей. Поселение располагалось на наклонной площадке коренного берега р. Сечки. Это место — одно из самых высоких в округе, и с запада сразу за могильником начинались заливные пространства и пойма р. Которосль. С двух сторон, таким образом, оно имело великолепные естественные укрепления. В целом доступ к нему был затруднен, так как оно находилось несколько в стороне от важнейшей водной дороги по Которосли, входившей в систему Великого волжского пути. Культурный слой поселения, как и предполагалось ранее, значительно испорчен распашкой, мощность его колеблется от 20—25 см до 35—40 см и в редчайших случаях доходит до 50 см. В основном толщина слоя равняется глубине запашки, и поэтому непо потревоженных его участков обнаружить не удалось. В распаханном слое обнаружен практически весь набор находок, характерный для средневековых поселений, — зола, угли, горелые камни от очагов; многочисленные камни от построек; фрагменты лепной и гончарной керамики; остатки литейного производства — шлаки, тигли, крица; кости домашних и диких животных; различные индивидуальные находки. Здесь же в 1973 г. в распаханном слое сначала при наружном обследовании, а затем во время раскопок был обнаружен крупнейший для IX в. клад дирхемов, имеющий большое значение для датировки памятника, определения его характера и направления связей.¹⁴⁰

Ранее в 1968 г. во время распашки на противоположном левом берегу р. Сечки у небольшой дубовой рощицы также был найден клад дирхемов. Часть этого клада была утрачена, и всего удалось собрать полторы тысячи монет.¹⁴¹ Три экземпляра

¹⁴⁰ Добровольский И. Г., Дубов И. В. Комплекс памятников... с. 65—70. — Нумизматическое определение клада выполнено старшим научным сотрудником Государственного Эрмитажа И. Г. Добровольским.

¹⁴¹ Ярославский край. Сборник документов по истории края (XI век. — 1917 год). Ярославль, 1972, с. 11. — В настоящее время этот клад находится на определении в Государственном историческом музее. По любезному сообщению С. А. Яниной, он предварительно датируется IX в. Монеты, собранные нами, определены в Государственном Эрмитаже М. В. Северовой, а затем переданы в Государственный исторический музей. 1) Умайяды. Язид II, город Васит. 194 г. х. — 722/723 гг. н. э.; 2) Аббасиды. Ал-Мансур, город Медина-ас-Салам (Багдад) — 149 г. х. — 766/767 гг. н. э.; 3) Аббасиды. Харун-ар-Рашид, город Мухаммадия. 184 г. х. — 800 гг. н. э.

были получены нами у местных жителей. В недавно вышедшей сводке восточных находок на территории Древней Руси уже фигурируют оба Тимеревских клада, в категории зарытых в землю в VIII—IX столетиях.¹⁴²

Клад 1973 г. на момент его первой публикации в 1975 г. насчитывал в своем составе 2618 монет, из которых 1484 целых экземпляров и 1134 фрагментированных.

Остановимся на вопросе датировки клада. Р. Р. Фасмер на основании изучения большого материала разделил все клады куфических монет Восточной Европы на четыре периода.¹⁴³ Ко второму периоду Р. Р. Фасмер относит клады, состоящие в основном из аббасидских дирхемов, чеканенных в Азии, и в которых почти полностью отсутствуют монеты африканского чекана. Время зарытия этих кладов Р. Р. Фасмер относит к периоду 825—905 гг.

Данный клад по своему составу относится ко второму периоду, по классификации Р. Р. Фасмера, и зарыт, возможно, не позднее 870 г., если среди неопределенных монет не было более поздней, чем дирхема 864/865 г.

В публикации клада были учтены находки 1973—1974 гг., однако во время работ 1975 г. была обнаружена еще одна половинка аббасидского дирхема.¹⁴⁴ В 1976 г. для поиска монет в распаханном слое был использован металлоискатель, и это сразу дало свои плоды — обнаружено 66 экземпляров из клада 1973 г., среди которых имеется ряд редких. Из этой серии происходят 2 монеты с граффити, 1 из которых является подражанием куфической надписи.¹⁴⁵ Таким образом, на сегодняшний день в состав клада 1973 г. входит 2685 дирхемов. Новые находки не изменили общей нумизматической оценки клада, подтвердили его датировку.

Особое значение имеет обнаружение на некоторых монетах Тимеревского клада 1973 г. граффити.¹⁴⁶

¹⁴² Даркевич В. П. Художественный металл Востока VIII—XIII вв. М., 1976, с. 156—157, табл. 52, № 96, 96а. — Автор не дает точных топографических координат кладов и отмечает, что найдены они в Тимерево.

¹⁴³ Фасмер Р. Р. Об издании топографии находок куфических монет. — Изв. АН СССР, 1933, с. 473.

¹⁴⁴ Дубов И. В., Кухарева Л. С. Раскопки Тимеревского поселения... с. 64.

¹⁴⁵ Дубов И. В., Винокурова М. Г., Седых В. Н. Ярославская экспедиция... с. 51.

¹⁴⁶ Дубов И. В. Находки скандинавских вещей в Тимерево под Ярославлем. — В кн.: VII Всесоюзная конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка скандинавских стран и Финляндии. Тез. док. Л.: М., 1976, с. 155; Добровольский И. Г., Дубов И. В., Кузьменко Ю. К. 1) Рунические надписи и скандинавская символика на куфических монетах. — Там же, с. 61; 2) Рунические граффити на куфических монетах. — В кн.: Мельникова Е. А. Скандинавские рунические надписи. М., 1977, с. 74—83; 3) Новые источники по истории Древней Руси. — Вестн. Ленингр. ун-та, 1978, № 2, с. 40—45; 4) Классификация и интерпретация гра-

В Тимеревском кладе граффити обнаружены на 11 монетах,¹⁴⁷ 4 из них относятся к разряду рунических, в том числе 1 надпись. В четырех случаях зафиксированы различные геометрические значки, неподдающиеся дешифровке, и на 2 монетах процарапаны подражания восточным надписям (1 из них мы уже упоминали выше). На половинке аббасидского дирхема чеканки 810/811 г. прорисован какой-то предмет, напоминающий копьё. Как видим, небольшая серия граффити из Тимеревского клада крайне разнообразна по своему смысловому содержанию.

Раскопки Тимеревского поселения большими площадями проводились четыре полевых сезона, и к настоящему времени вскрытая площадь достигает 6000 м², что составляет всего лишь 6% от предполагаемой общей площади селища. Все раскопки проводились на юго-западной окраине поселения.

В данное время полученные материалы позволяют дать общую оценку Тимеревского поселения и комплекса в целом, достаточно обоснованно реконструировать социальную, этническую структуру, быт, верования и занятия его жителей.¹⁴⁸

В основном работами была затронута юго-западная окраина Тимеревского поселения.

На наш взгляд, наиболее ранняя часть поселения находится на раскопанном участке, хотя в ходе обсуждения итогов работ неоднократно высказывалось предположение о том, что древнейшая часть селища пока не исследована. Это мнение безусловно имеет основания, однако именно на вскрытом участке обнаружен клад, зарытый в землю в IX в., и здесь исследованы комплексы, практически не имеющие в составе инвентаря гончарной керамики или твердодатируемых вещей середины — второй половины X в. Площадь этого наиболее раннего участка достигала 1 га. И все-таки мы не исключаем вероятность обнаружения первоначального ядра поселения в центральной части памятника, которая пока еще не раскопана.

На изученной площади обнаружены многочисленные ямы — остатки в прошлом жилых, хозяйственных сооружений, откры-

фити на восточных монетах (коллекция Эрмитажа). — Тр. Гос. Эрмитажа. Л., 1981, вып. XXI, с. 53—77; 5) Автографы русских дружинников на восточных монетах VIII—X вв. — В кн.: Памятники культуры: Новые открытия. Л., 1981, с. 522—527.

¹⁴⁷ В интересующем нас регионе граффити известны также на монетах из Угодичского клада, который частично хранится в Ярославском историко-архитектурном музее-заповеднике. Здесь граффити зафиксированы в четырех случаях. На одной монете из собрания Государственного Эрмитажа четко читается геометрический значок в форме молоточка, на ярославских монетах — на двух экземплярах, возможно, рунические знаки, а на третьем — непонятное геометрическое изображение. Все монеты относятся к династии Аббасидов и чеканены в конце 70-х — начале 80-х годов VIII столетия.

¹⁴⁸ См.: Дубов И. В. Тимерев (итоги и перспективы исследований)... с. 103—111; Седых В. Н. Керамика Тимеревского поселения (предварительное сообщение)... с. 111—117; Томсинский С. В. О двух типах построек Тимеревского селища... с. 118—123.

тых очагов. Всего на поселении вскрыто более 50 жилых и производственных комплексов.

Во многих случаях четкое разделение построек по функциональному признаку затруднено. Видимо, и в древности они могли использоваться и как жилье и как мастерские. Однако есть факты целевого использования сооружений — мастерские, обнаруженные в 1975 г.¹⁴⁹ В Тимереве нет особой ремесленной части, каковая известна на Гнездовском поселении, где производственные постройки располагались на окраине поселка на берегу реки.¹⁵⁰ В Тимереве раскопки как раз производились в прибрежной части поселения. Распашка безусловно сыграла свою разрушительную роль — утрачены многие важные детали построек, углубленных в землю, а некоторые наземные сооружения исчезли вовсе. Поскольку собственно постройки Тимеревского поселения являются предметом специального исследования, следует дать только их самую общую характеристику, а подробно необходимо остановиться на вопросах планировки и направления развития застройки поселения.

Постройки Тимеревского селища носили в основном наземный характер с креплением стен и кровли с помощью столбовых конструкций. Сооружения слегка углублялись в материковую глину, а иногда приближались по своему типу к полужемлянкам.

Формы построек различны — от подпрямоугольных камер до двух или трехчастных. В основном формы невыразительны и сильно испорчены распашкой. Столбовые ямы главным образом располагались по краям сооружений за их пределами, и лишь иногда фиксируем их в самой яме. Наибольший интерес представляют двухчастные жилища с длинным углубленным входом, распложенным под прямым углом по отношению к основной камере.

Глинобитных печей в жилищах не обнаружено, их функции выполняли очаги из камней, находящиеся в самих постройках, они имеют, как правило, овальную форму, иногда располагаются на подушке из обожженной глины, специально сооруженной. Важно отметить наличие открытых очажных ям, наполненных обгорелыми камнями. Такие очаги, как правило, входят в комплексы с жилыми постройками, возможно, являлись летними кухнями. В постройках часто встречается коричневый слой древесного тлена, видимо, остатки деревянного пола, а иногда рухнувших конструкций стен и крыши.

Важным является выяснение направления и основных фаз развития поселения. Не вызывало никаких сомнений и подтвер-

¹⁴⁹ Дубов И. В., Кухарева Л. С. Раскопки Тимеревского поселения... с. 64—65.

¹⁵⁰ Ляпушкин И. И. Исследование Гнездовского поселения.— АО 1968 года. М., 1969, с. 66—67; Авдусин Д. А. Работы Смоленской экспедиции.— АО 1970 года. М., 1971, с. 78.

дилось расколками, что вся площадь поселения не была застроена в одно время. Поселение разрасталось вширь, это позволяли местные условия. Первоначально, как мы уже отмечали, была заселена лишь юго-западная часть селища. Она была ограждена от остальной территории плато мощной столбовой оградой, которая выявлена в результате раскопок в 1976 г.¹⁵¹ Основная площадь Тимеревского поселения, в состав которой входили и заброшенные участки, была обитаема, начиная с середины X столетия. К этому же времени относится и максимальное количество погребений в Тимеревском могильнике.

Как показывают раскопки, новые жилища и производственные постройки в Тимереве сооружались на свободных местах, а не на месте старых, пришедших в негодность. Изучение внутренней топографии Тимеревского поселения на основании полученных во время раскопок данных позволяет уже сейчас сделать некоторые предварительные выводы. Постройки располагаются здесь гнездами или «усадебями». В целом планировку можно определить как беспорядочную. В состав «усадеб» входят жилые и производственные сооружения, хозяйственные ямы, открытые очаги. В ряде случаев между «усадебями» или вокруг них зафиксированы столбовые ямки от оград и частоколов.

Такая система планировки вполне увязывается и со старыми традициями, аналогичная застройка поселений и подобные типы построек известны в Ярославском Поволжье в более раннее время на дьяковских поселениях.¹⁵²

В культурном слое и заполнении построек Тимеревского поселения обнаружены различные предметы быта, орудия труда, оружие, украшения, все они позволяют судить об основных занятиях местного населения, торговых связях (рис. 5). Ведущими отраслями хозяйства этого центра были ремесло и торговля. В курганах и на поселении найдены многочисленные предметы, относящиеся к литейному и кузнечному делу, ткачеству, обработке дерева, кости, кожи. Находки оружия и украшений импортного происхождения, весов и гирек, арабских монет и многих других привозных изделий говорят в пользу того, что Тимеревский комплекс в эпоху раннего средневековья играл важную роль в трансъевропейских связях, являясь ключевым пунктом на Великом волжском пути.

Здесь представлены изделия, среднеевропейского, скандинавского, болгарского, арабского, среднеазиатского происхождения.

Жители Тимеревского поселения занимались также земледелием, скотоводством, охотой, рыбной ловлей. Таким образом,

¹⁵¹ Дубов И. В., Винокурова М. Г., Седых В. И. Ярославская экспедиция... с. 52.

¹⁵² Горюнова Е. И. Этническая история... с. 82—85 (рис. 30).

хозяйство древних обитателей этого района было комплексным, с доминированием в данном случае ремесла и торговли.

Важен вопрос о хронологии Тимеревского поселения. Все данные позволяют датировать его тем же временем, к которому относится могильник, — IX—XI столетиями. На первом этапе (IX—X вв.) население данного района, и Тимерева в том числе, было смешанным. В изучаемом нами центре представлены славянский, финно-угорский и скандинавский этнические компоненты. Второй этап (XI—XII вв.) характеризуется уже сложившимся этническим массивом — древлерусским, ведущую роль в формировании которого в Волго-Окском междуречье на первом этапе играли словене новгородские, а на втором — кривичи. Безусловно, в состав как первых, так и вторых входили и иные этнические группы — северо-западные финно-угры, балты. В движении с северо-запада принимали участие и незначительные группы скандинавов.

Такова общая историко-археологическая характеристика наиболее крупных поселений и могильников у деревень Михайловское, Петровское и Тимерево, расположенных близ селища Медвежий угол, а затем и Ярославля. Все эти три центра имели протогородской характер, их население занималось главным образом ремеслом и торговлей. Поселение на стрелке при впадении Которосли в Волгу, названное в местных преданиях Медвежьим углом, существовало синхронно с охарактеризованными выше центрами. Правда, возникло оно, видимо, несколько позже, чем Тимерево, Михайловское и Петровское, и поначалу не могло с ними сравниться ни по размерам, ни по развитию ремесла и роли в волжской торговле. Однако отличия имели место не только по этой линии. Несмотря на то, что все три рассмотренных центра относятся к протогородам, каждый из них имел свои индивидуальные особенности. Именно в связи с этим следует рассматривать их соотношение с городом-крепостью Ярославлем.

Судя по погребальному инвентарю, обнаруженному в курганах Михайловского могильника, в этом центре значительный удельный вес имел дружинный элемент. И как мы уже отмечали, Михайловский комплекс, кроме прочих функций, вероятно, имел значение военно-сторожевого пункта на Великом волжском пути неподалеку от поворота в глубины Ростовской земли. С возникновением крепости Ярославля Михайловский центр утрачивает свое значение и достаточно скоро превращается в обычный пункт сельскохозяйственного характера. Следует указать на различную социально-экономическую природу Михайловского и Ярославля. Впрочем, это характерно и для двух других центров — Тимерева и Петровского. Построение княжеской крепости — Ярославля было необходимо для охраны северо-западных рубежей Ростовской земли и более прочного положения на Волжском пути. Значит, Михайловский комплекс не

соответствовал решению данной задачи. Видимо, это в самом деле так еще и по двум причинам. Не только из-за различного географического положения — Ярославль возник на более удобном во всех отношениях месте, — но по причине того, что в Михайловском доминировало родо-племенное общинное начало, хотя процессы расслоения общества зашли уже далеко. Ярославль возникает как центр княжеско-феодальной власти не только для обороны своей земли от соперничающих группировок, но и для борьбы с общинными порядками, в целях закабаления местного населения. Поэтому Ярославль, на наш взгляд, как военный центр, как город-крепость на Волге стал своеобразным преемником Михайловского. К сожалению, возможности для сравнения здесь ограничены лишь находками из курганов. И в отличие от ситуации с Клещином и Переяславлем-Залесским, где есть и письменные источники, и реально поныне существующие крепости, выводы здесь в значительной мере гипотетичны.

Последние находки в Михайловском культурного слоя поселения IX—XI вв., соответствующей керамики и западноевропейской монеты чеканки конца X—40-х годов XI в.¹⁵³ дают основание на хорошие перспективы и надежды, что грядущие исследования позволят более детально реконструировать историческую реальность этого комплекса, а значит, и сделать новые шаги вперед к решению вопроса о его соотношении с Ярославлем.

Если предшественником этого города-крепости как военного форпоста, видимо, было Михайловское, то торгово-ремесленные функции были им переняты у другого поселения — Тимеревского, подробная характеристика которого приведена выше. Тимеревский комплекс в IX—X вв. был важным торгово-ремесленным центром не только данного региона, но играл значительную роль и в дальних трансъевропейских связях. К концу X столетия это его значение постепенно было утрачено по целому ряду причин, и в том числе в связи с возникновением раннефеодального города Ярославля. Лишь Петровское, имевшее более «провинциальный» характер, продолжало свое существование параллельно с Ярославлем как сельское поселение, утратив свои протогородские черты. То, что произошло с Тимеревым и Михайловским, а именно их затухание и образование города-крепости Ярославля, имеет глубинные социально-экономические черты и явилось реальным историческим отражением процессов разложения родо-племенных отношений и становления феодального строя. Такой путь образования раннефеодального города мы называем «переносом города».¹⁵⁴

¹⁵³ Денарий (серебро). Германия. Оттон III и Адельгейда (или подражание) (конец X—40-е годы XI в.). Определение В. М. Потина.

¹⁵⁴ Детально природа, основные черты, хронология и особенности этого явления проанализированы в первой главе данной книги.

Вот при таких обстоятельствах и возникает город Ярославль на рубеже X—XI столетий, где в начале XI в. строится княжеская крепость.¹⁵⁵

На протяжении XI—XII вв. Ярославль постепенно расширяется, но город в основном занимает территорию стрелки и ближнюю к ней территорию. Под 1152 г. в летописи сообщается о нападении на Ярославль волжских болгар. Они неожиданно подошли к городу на ладьях, поднявшись по Волге. С ходу Ярославль взять не удалось и пришлось установить осаду. Жители города сами не смогли справиться с осаждавшими его врагами. По этому поводу летописец сообщал о Ярославле, что «бе бо мал градок». Помощь ярославцам пришла из Ростова, и осада была снята.

В XII—XIII вв. Ярославль становится значительным городом. Это укрепленный княжеский центр с хорошо развитой торговлей и ремеслом, а также опорный пункт распространения христианской религии среди язычников. Археологические раскопки позволяют достаточно хорошо представить весь комплекс материальной и духовной культуры ярославцев того времени. В XII столетии Ярославль уже простирается и за пределы стрелки — возникает посад. Некоторые исследователи полагают, что в это время уже появляются и укрепления Земляного города.¹⁵⁶

Возвышение Ярославля происходит в начале XIII в., когда князем Ростовским был Константин Всеволодович, имевший свой двор в Ярославле. В 1218 г. он стал Великим князем Владимирским. Лаврентьевская летопись называла его Константином Мудрым, создавая ореол просвещенного правителя и приписывая ему исключительные качества градостроителя и просветителя. Конечно, к этому подходить следует с учетом того, что летописи являлись отражением определенного социально-политического подхода и стремились прославлять и идеализировать феодальных властителей, одним из каковых и был князь Константин Всеволодович.

Но остается фактом, что именно в начале XIII в. наблюдается подъем в развитии города Ярославля. Здесь в Спасском монастыре создается, правда, недолго просуществовавшее первое на Русском Севере духовное училище.¹⁵⁷ Религиозные власти в то время находились в Ростове, и Ростовский епископ был «пастырем и учителем Ростову, Ярославлю, Угличю полю». В Ярославле ведется интенсивное строительство храмов. В 1215 г. Константин Всеволодович «заложил церковь камени

¹⁵⁵ Пуришев И. Б., Толпыгин В. В. Ярославль. М., 1971, с. 3.

¹⁵⁶ Воронин Н. Н. Раскопки в Ярославле... с. 178; Раппопорт П. А. Очерки по истории военного зодчества Северо-Восточной и Северо-Западной Руси X—XV вв. — МИА, 1961, № 105, с. 27; Добровольская Э. Ярославль. М., 1968, с. 101.

¹⁵⁷ Масленицын С. И. Ярославская иконопись. М., 1973, с. 6.

на Ярославли на дворе своем»,¹⁵⁸ который располагался на стрелке. В 1216 г. строится Спасо-Преображенский собор в одноименном монастыре. В 1218 г. там же сооружается Входо-перусалимская церковь. И тремя годами позже, когда в Ярославле случился пожар, то летопись уже сообщает о значительном количестве церквей, сгоревших во время пожара. «Загореся град Ярославль, и мало не весь погоре, и церквий изгоре 17, двор же княжь... избы огня».¹⁵⁹ Такое количество храмов говорит о том, что в 1221 г. Ярославль был уже значительным городом.

1218 г. Ярославль становится центром самостоятельного княжества, просуществовавшего вплоть до присоединения к Москве в XV в. Кстати, именно к началу XIII в. относится, по мнению А. В. Кузы, превращение Ярославля из «малого укрепленного поселения» в городской центр.¹⁶⁰ Уже с самого начала своего существования Ярославскому княжеству принадлежали «Угличе поле, Молога и страны Заволжские до Кубенского озера».

Житие ярославского князя Федора Ярославича дает основание для того, чтобы представить, каким был княжий двор на стрелке. «Удариша во все колоколи на дворе у святыя богородицы и стечеся весь град на княж двор... и понесоша с сени князя wskвозе весь град в монастырь святого Спаса и бысть плач неутешим овии убивахуся о землю, инии — о мост градный».¹⁶¹ Н. Н. Воронин, опираясь на данное описание, полагает, что княжий двор был огражден, вымощен деревом, имел звонницу с колоколами. Хоромы были двухэтажными, имели лестничную башню или сени.¹⁶²

Историко-археологическое изучение Ярославля домонгольского времени находится только в своем начале. Для того чтобы максимально полно реконструировать древнюю историю этого города Залесья, необходимо продолжать раскопки и в дальнейшем, ибо есть полная уверенность в их успехе и продуктивности.

Так читаются первые страницы богатой событиями истории города Ярославля. Он наряду с другими городами Руси прошел и периоды подъема и расцвета, и тяжелые времена лихолетья. Ярославцы не раз давали отпор врагам. Здесь вспыхивали народные восстания против татаро-монгольских завоевателей. Не сдался город и польским интервентам. В XVI—XVIII вв. Ярославль достиг вершины своего процветания. Он был центром,

¹⁵⁸ ПСРЛ, 1962, т. I, с. 438.

¹⁵⁹ Лаврентьевская летопись, с. 416, 420, 434.

¹⁶⁰ Куза А. В. Социально-историческая типология древнерусских городов X—XIII вв. — В кн.: Русский город. М., 1983, вып. 6, с. 31.

¹⁶¹ Серебрянский Н. Древнерусские княжеские жития. М., 1915, с. 91.

¹⁶² Воронин Н. Н. Раскопки в Ярославле... с. 191—192.

где собиралось ополчение русских патриотов во главе с Мининым и Пожарским. Здесь чеканилась русская монета. Отсюда русские полки двинулись на освобождение нашей столицы Москвы. В это время Ярославль стал крупным торговым, ремесленным и культурным центром. О тех временах в прекрасном современном Ярославле напоминают каменные стены Спасского монастыря, многочисленные храмы, расписанные чудными фресками и наполненные иконами, — дело рук многочисленных талантливых русских мастеров, как известных, так и безымянных.

Сейчас в Ярославле, процветающем социалистическом городе, важную часть составляет древнее архитектурное убранство, превращенное руками реставраторов в великолепный музейный комплекс. Много делают для дальнейшего изучения истории Ярославля, для воспитания новых поколений на примерах беззаветной любви к Родине, высокого искусства наших предков сотрудники двух богатейших музеев — Историко-архитектурного и Художественного. Их благородный труд является важной составной частью всей нашей работы по пропаганде отечественной истории, воспитанию чувства гордости за свое прошлое, необходимости бережного отношения к памятникам истории и культуры. Здесь в полной мере реализованы слова «Воззвания Совета рабочих и солдатских депутатов», прозвучавшие в 1917 г., теперь уже далеко и грозном.

«Граждане, старые хозяева ушли, после них осталось огромное наследство. Теперь оно принадлежит всему народу.

Граждане, берегите это наследство, берегите картины, статуи, здания — это воплощение духовной силы вашей и предков ваших.

Искусство — это то прекрасное, что талантливые люди умели создать даже под гнетом деспотизма и что свидетельствует о красоте, о силе человеческой души.

Граждане, не трогайте ни одного камня, охраняйте памятники, здания, старые вещи, документы — все это ваша история, ваша гордость. Помните, что все это почва, на которой вырастает ваше новое народное искусство».

«ПЕРЕЯСЛАВЛЬ ПЕРЕВЕДЕ ОТ КЛЕЩИНА»

На равнине, полого спускающейся к оз. Плещеево, или Клешино, как его называли в древности, там, где в него впадает р. Трубезь, расположен город Переславль-Залесский. Вплоть до XV в. он назывался Переяславль-Залесский. По своим размерам это озеро занимает в Ярославском Поволжье второе место после оз. Неро (Ростовского). Когда мы говорим об оз. Плещеево, то первое, что приходит на память, — это его необычайные рыбные богатства. Оно «славится прекрасной вкусной рыбой, из которой особенно примечательная „ряпушка” — „переславская сельдь”».¹ Эта деликатесная рыба в свое время поставлялась только к столу царского двора. Выдающийся русский драматург А. Н. Островский так описывал окрестности Переславля-Залесского: «За 2 версты от Переславля с горы открывается очаровательнейший вид на город, на озеро, которое от ветру было похоже на огромное синее вспаханное поле».

Археологические исследования показали, что люди с глубокой древности селились по берегам оз. Клешино и особенно облюбовывали места, где в него впадают небольшие речки или ручьи. Вода была необходимым условием для жизни.

Неолитические стоянки, дьяковские городища раннего железного века, мерянские поселения, древнерусские селища и могильники и, наконец, города располагались в разное время по берегам оз. Клешино. Эта связь времен прослеживается историками и археологами в итоге многолетних исследований письменных источников и кропотливых раскопок.

«Лучший вид на Плещеево озеро — с высоты Яриловой плещи Александровой горы, вблизи которой некогда стоял город Клешин. В то время и озеро называлось Клешино. Князь Юрий Долгорукий перенес Клешин в болото, в устье р. Трубежа и этот

¹ Кулемин А. А. Животный мир (фауна позвоночных). — В кн.: Природа и хозяйство Ярославской области. Часть первая. Природа. Ярославль, 1959, с. 359.

город перенял славу у старого Клещина. Постройка города началась с церкви, которая до сих пор сохранилась и в истории искусства занимает почетное место как памятник XII в. С тех пор вокруг этого старого собораросло столько церквей и монастырей, что с небольшими перерывами здесь можно, изучая памятники век за веком, представить себе почти всю русскую историю». ² Так красочно и любовно описывал Переславль-Залесский и его окрестности талантливый писатель, неутомимый путешественник, великий знаток русской природы Михаил Михайлович Пришвин. В своей замечательной книге «Календарь природы» он рассказывает нам о своем участии в археологической экспедиции по Переславскому краю, которую возглавляли видный русский археолог Александр Андреевич Спицын и местный историк-краевед Михаил Иванович Смирнов.

По скудным и отрывочным сообщениям письменных источников можно лишь в общих чертах представить раннесредневековую историю района оз. Клещино (Плещеево). Эти места, известные по сообщениям летописей, — еще один из центров размещения финно-угорского племени мери. Летописный текст определенно указывает на значительную концентрацию мерян по берегам озера: «...и на Клещине озере меря же...» ³ Другое упоминание о Переяславском крае более позднее и связано с деятельностью князя Юрия Долгорукого, когда он занимался активным строительством опорных пунктов по западным рубежам своей земли. Под 1152 г. в летописи записано: «В лето 6660 Юрьи Володимеричь Переяславль переведе от Клещина и заложи град велик (созда болши старого) и церковь постави Святого Спаса в Переяславле». ⁴ Для нас очень важно еще одно письменное сообщение о начале истории города Переяславля-Залесского — под 1157 г. сообщается о завершении Андреем Боголюбским строительства Спасского собора, который начинал строить его отец князь Юрий. ⁵

В этом упоминании особо подчеркивается, что собор построен не просто в Переяславле, а в Переяславле Новом. ⁶

В «Списке русских городов дальних и ближних» — источнике начала XV в. — Клещин указан между Владимиром и Переяславлем-Залесским. ⁷ Это означает, что укрепленный город Клещин существовал в XIV—XV вв. и был хорошо известен наряду с его летописным «преемником» Переяславлем. Для исследователей рассматриваемого источника не возникало сомнений, что Кле-

² Пришвин М. М. Избранное. М., 1977, с. 230—231.

³ Повесть временных лет. М.; Л., 1950, ч. 1, с. 13.

⁴ ПСРЛ, т. IV, с. 8.

⁵ Там же, т. VIII, с. 241.

⁶ Там же.

⁷ Тихомиров М. Н. Список русских городов дальних и ближних. — Исторические записки. М., 1952, № 40, с. 250; Воронин Н. Н. Переяславль Новый. — В кн.: Летописи и хроники. М., 1974, с. 138.

щин это самостоятельный город и искать его надо в непосредственной близости от Переславля-Залесского на пути к нему из Владимира-на-Клязьме и, скорее всего, на берегах оз. Клешино, где сходятся пути из Владимиро-Суздальской земли и Верхнего Поволжья. Такой подход безусловно правилен. Все авторы многочисленных работ, посвященных проблеме Клешина, солидарны в том, что единственным местом, где мог находиться «потерянный» Клешин могло быть побережье оз. Клешино в районе современного с. Городище, рядом с которым расположено хорошо сохранившееся городище эпохи средневековья. Но далее единодушие кончается, и дискуссии относительно точного места Клешина продолжают вплоть до настоящего времени.

Ведущий исследователь «Списка русских городов дальних и ближних» акад. М. Н. Тихомиров отмечал, что из упомянутых в источнике 358 городов можно определить их место на географической карте только в 304 случаях, а местоположение 54 городов не выяснено.⁸ Однако это количество больше, так как следует учитывать и возможные ошибки, которые были допущены М. Н. Тихомировым и исправлены позднее благодаря археологическим раскопкам. Так произошло в случае с Ярополчем-Залесским, когда город был найден не в том месте, на которое указывал М. Н. Тихомиров.⁹ По новейшим данным установлено, что из всех категорий письменных источников нам известно 414 древнерусских городов, а 46 из них пока не могут быть отмечены на карте.¹⁰ Клешин не включали в число этих 46, хотя, по сути дела, точное место его нахождения выясняется только сейчас.¹¹ До недавнего времени по отношению к Клешину можно было вполне использовать оценку М. Н. Тихомирова: «...только некоторые залесские города нашего списка остаются пока еще топографически неопределенными на карте».¹²

В целом следует отметить, что с каждым годом усилиями историков и археологов стираются все новые белые пятна и определяется местоположение городов, до этого известных только по письменным сообщениям. Ведущая роль в решении этой важной задачи принадлежит археологическим исследованиям.

История археологического изучения комплекса памятников на северо-восточном берегу оз. Плещеево (Клешино) насчитывает уже более ста лет. В 1853 г. здесь производил большие раскопки известный русский археолог и нумизмат П. С. Савель-

⁸ Тихомиров М. Н. Список русских городов... с. 215.

⁹ Седова М. В. Ярополч-Залесский. М., 1978, с. 12—13.

¹⁰ Куза А. В. Русские раннесредневековые города. — В кн.: Тез. докл. советской делегации на международном конгрессе славянской филологии. М., 1975, с. 64—65.

¹¹ Дубов И. В., Лапшин В. А. Открытие летописного Клешина. — АО 1977 года. М., 1978, с. 60.

¹² Тихомиров М. Н. Средневековая Россия на международных путях. М., 1966, с. 21.

ев.¹³ Его работы явились составной частью полевых исследований экспедиции под руководством председателя Московского археологического общества А. С. Уварова. Чрезвычайно низкий уровень методики раскопок и фиксации вскрытых объектов и обнаруженных находок отразился и в работах под Переяславлем-Залесским. П. С. Савельев раскопал здесь более 1300 курганов, провел раскопки на Александровой горе и городище у с. Городище. Собственно говоря, эти исследования по своему размаху и масштабам так и остались единственными в данном районе по сей день и дают наиболее полную археологическую характеристику вышеназванных памятников. Археологи прошлого столетия в первую очередь интересовались погребальными памятниками. Не составлял исключения из этого правила и П. С. Савельев и поэтому не случайно, что его внимание сразу же привлекли прежде всего курганные группы.

Все они, а их насчитывается 30, входили в состав Клещинского комплекса. Можно сделать заключение, что сооружались эти погребальные усыпальницы в период с IX по XII в. и происходило это достаточно равномерно и вблизи от мест поселений на каждом хронологическом этапе. Так, в IX—XI вв. курганы насыпались в непосредственной близости от селища того же времени, а в более позднее время у городища (XI—XII вв.). Динамика и направления роста могильников нами в обязательном порядке учитывались и несомненно отражают в целом, хотя и несколько искаженно, процессы исторического развития Клещинского комплекса.

Следы раскопок П. С. Савельева хорошо видны и сейчас — в основном насыпи были раскопаны на снос и прослеживаются их отвалы, но нередко встречаются траншеи и колодцы. Несомненно существуют перспективы дальнейшего полевого изучения этих могильников. По сообщениям местных жителей, еще и сейчас в отвалах старых раскопок встречаются различные древние вещи.

Наибольший интерес представляют исследования, предпринятые П. С. Савельевым на Александровой горе, имеющей и более раннее название, связанное с языческим славянским культом бога солнца Ярилы — Ярилина плешь. Александровой гора стала называться гораздо позднее, и местная устная традиция связывает это название с именем князя Александра Ярославича Невского, вотчиной которого, как известно, являлся Переяславль-Залесский и его окрестности. По преданию, Александр останавливался в загородном тереме на Ярилиной плещи сразу после татаро-монгольского погрома Переяславля-Залесского, когда он ехал во Владимир на княжеский съезд. Отсюда его взору предстал сожженный и разграбленный завоевателями

¹³ Савельев П. С. Отчет о раскопках. — Архив ЛОИА, ф. 8, 1853 г., д. 2, л. 49—72; Извлечение из Верноподданнейшего отчета об археологических разысканиях в 1853 г. СПб., 1855, с. 29—46.

родной город. У берега озера недалеко от Александровой горы лежит так называемый «Синий камень» — огромный валун, попавший сюда еще в ледниковые времена. С этим камнем связаны многие легенды и предания. И главная из них гласит, что этому камню поклонялись местные язычники. Это вполне вероятно — хорошо известны случаи обожествления камней как у финно-угров, так и у славян-язычников. Впоследствии церковники неоднократно пытались избавиться от «возмутителя спокойствия» — «Синего камня», но безуспешно — за ним еще более укрепилась слава чудодейственного.

П. С. Савельев провел на Александровой горе основательные раскопки. Сейчас вся вершина горы изрыта многочисленными ямами, а склоны засыпаны отвалами. Автор раскопок выделял 3 культурных слоя: самый нижний — курганный с обычными для погребений находками пряжек, ножей, ключей, лепной керамики. Особо следует отметить находки куфических монет, чеканенных во второй половине IX и на рубеже IX—X вв.¹⁴ Кроме того, исследователь отмечал обнаружение слоя XIII—XV вв., и остатки монастырских построек и кладбища XVI в. По его мнению, монастырь был разрушен в начале XVII в., и тогда же окончательно прекратилась жизнь на Александровой горе.¹⁵

Однако П. С. Савельев не обратил внимания на более ранний материал (керамика им вообще крайне плохо фиксировалась и большей частью просто выбрасывалась) — керамику и костяные изделия дьяковского времени. Александрова гора первоначально была дьяковским городищем. Этот вывод был сделан еще А. А. Спицыным, а вслед за ним П. Н. Третьяковым, и он абсолютно справедлив.¹⁶ Александрова гора по своему местоположению, площади и другим признакам вполне органично вписывается в круг позднедьяковских городищ. Для сравнения можно привести хорошо известное городище Березняки, площадь которого 2300 м²,¹⁷ размеры Александровой горы — 2000 м².¹⁸

¹⁴ Всего найдено 4 куфические монеты: 2 из них саманидские дирхемы, чеканенные в аш-Шаше в 287 г. хиджры (900 г. н. э.), одна — подражание саманидскому дирхему X в. и последняя — медная восточная монета X—XI вв. (см.: Савельев П. С. Отчет о раскопках. — Архив ЛОИА, ф. 8, 1854 г., д. 4, л. 2—8).

¹⁵ Извлеченные из Всеподданнейшего отчета... с. 42—46.

¹⁶ Спицын А. А. Новые сведения о городищах дьякова типа: Записки отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества, т. VII, вып. 1. СПб., 1905, с. 34; Третьяков П. Н. 1) К истории племен Верхнего Поволжья в I тыс. н. э. — МИА, 1941, № 5, с. 43 (рис. 7); 2) Финно-угры, балты и славяне... с. 147. — Автор относит городище Александрова гора к середине и второй половине I тыс. до н. э. — первым векам нашей эры, т. е. к основной группе памятников дьяковской культуры (см. также: Иванов К. Гора Александра. — Коммунар, 1965, 28 мая).

¹⁷ Третьяков П. Н. К истории племен... с. 52.

¹⁸ Воронин Н. Н. Переяславль Новый... с. 140.

Еще и сейчас в отвалах раскопок П. С. Савельева часто находят фрагменты текстильной керамики, костяные изделия, обгорелые камни от очагов, поделки из железа.¹⁹ Встречается и керамика XIV—XV и XVI—XVII вв. В 1977 г. здесь был найден односторонний роговой гребень с резной спинкой в виде рогов животного, украшенный циркульным орнаментом.²⁰

П. С. Савельев производил раскопки и на городище у с. Городище. Это городище, кроме естественных укреплений — оврагов с трех сторон и высокого обрывистого берега озера, по всему периметру имеет и искусственный насыпной вал. По мнению П. А. Раппопорта, укрепления были сооружены в первой половине XII в. и заброшены в середине того же столетия в связи с возникновением города Переяславля-Залесского. Для него это городище — несомненно, Клещин.²¹

П. С. Савельев на площадке городища заложил 41 траншею, при этом были обнаружены остатки фундамента и строительный мусор от церкви, некогда стоявшей здесь.²² Ранний слой был испорчен также и кладбищем XVII в. Обнаруженные находки невыразительны и не дают оснований полагать, что на городище могла быть жизнь ранее XII в. Ничего нового не дали и раскопки К. И. Комарова, которым были заложены на площадке 2 траншеи — он наткнулся на остатки кладбища и перекрыты П. С. Савельева.²³

В науке сложились две традиции. Начиная с П. С. Савельева, многие авторы полагали, что Клещин, упоминаемый в письменных источниках, — это городище у с. Городище. При этом у П. С. Савельева решительно никаких данных в пользу такого вывода не было, он основывался на местной устной традиции. «...Предание говорит, что здесь первоначально заложен был город Переяславль и отсюда уже перенесен на нынешнее его место, на берега Трубежа».²⁴ Мнение П. С. Савельева живо в науке вплоть до настоящего времени.²⁵

¹⁹ Дубов И. В. Работы на озере Плещеево. — АО 1977 года. М., 1978, с. 61.

²⁰ Дубов И. В., Лапшин В. А. Открытие летописного Клещина... с. 60.

²¹ Раппопорт П. А. Очерки по истории военного зодчества Северо-Восточной и Северо-Западной Руси X—XV вв... с. 16—17.

²² Савельев П. С. Отчет о раскопках. — Архив ЛОИА, ф. 8, 1858 г., д. 2, л. 56 об.

²³ Комаров К. И. Работы славянского отряда Верхневолжской экспедиции в Ярославской и Ивановской областях. — АО 1975 года. М., 1976, с. 67

²⁴ Извлечение из Всеподданнейшего отчета... с. 42.

²⁵ Смирнов М. И. Залесский город Клещин. — ДПЕЗАНГРОБ, вып. 4 (Переяславль-Залесский), 1919, с. 5; Иванов К. Город Клещин. — Коммунар, 1965, 9 февр.; Васильев С. Памятники истории в окрестностях Переяславля-Залесского. Ярославль, 1968, с. 12—15; Кучкин В. А. Ростово-Суздальская земля... с. 82; Комаров К. И. Работы славянского отряда... с. 67.

Вторая традиция основана на том, что на городище нет материала ранее первой половины XII в., и оно не может претендовать на роль Клещина, которым, скорее всего, являлось поселение на Александровой горе, где известны находки IX—XI столетий.²⁶ Здесь возникает вопрос — Клещина как город известен по источникам не ранее XIV в., почему же исследователи ищут поселение IX—XI столетий на роль города Клещина? Для ответа на данный вопрос необходимо вернуться к летописному сообщению о возникновении Переяславля-Залесского.

Летописец сообщает, что князь Юрий перенес город от Клещина на новое место. Версия о том, что был перенесен город от озера, не выдерживает критики,²⁷ так как Переяславль Новый (Залесский) тоже стоит на берегу оз. Клешино. Наиболее детальной и подробной является версия Н. Н. Воронина, который полагает, что Клещина это Александрова гора и от него переносился град (крепость) — городище, которое он считает Переяславлем-Старым, по отношению к которому и был назван Переяславль-Залесский «новым». В этой гипотезе слабым является самое первое звено, и если мы вынем этот кирпичик, то рухнет и все построение. Однако все же, на наш взгляд, в этой схеме есть вполне рациональные звенья, и если бы исследователю был известен тот небольшой новый материал, которым обладаем мы, то он наверное откорректировал бы свою точку зрения, и значительно приблизился бы к разгадке проблемы Клещина.

В разных летописных редакциях единодушно говорится, что Переяславль-Залесский (Новый) был «град велик» по сравнению со старым или «больше старого». Несомненно, что сравниваются укрепления Переяславля-Залесского с оборонительными сооружениями на северо-восточном берегу озера (городище). По своей схеме они аналогичны и характерны для оборонительного зодчества Северо-Восточной Руси XII в. Однако новые во много раз превосходят по размерам старые. Если длина валов на городище равнялась примерно 500 м, то в Переяславле-Залесском они протянулись на расстояние в пять раз больше (2,5 км). Высота вала городища — от 3 до 8 м, а валы (Переяславля-Залесского) с рублеными стенами высотой до 10—16 м превосходят владимирские.²⁸ Таким образом, в летописи определенно шла речь о переносе крепости, по какому-то причине не удовлетворявшей княжескую администрацию, на новое место,

²⁶ Третьяков П. Н. Древнерусский город Клещина. — В кн.: Проблемы общественно-политической истории России и славянских земель. М., 1963, с. 49—53; Воронин Н. Н. Переяславль Новый... с. 139. — Ранее П. Н. Третьяков и Н. Н. Воронин считали, что Клещина — это городище, и «его земляные валы сохранились до сих пор» (см.: Третьяков П. Н., Древнейшее прошлое Верхнего Подолжья. Ярославль, 1939, с. 68; Воронин Н. Н. Раскопки в Переяславле-Залесском. — МИА, 1949, № 11, с. 193).

²⁷ Кучкин В. А. Ростово-Суздальская земля... с. 82.

²⁸ Воронин Н. Н. Переяславль Новый... с. 141—142; Плишкин П. П. Историческое описание г. Переяславля-Залесского. М., 1902, с. 9—10.

а иными словами, о сооружении новой более мощной земляной крепости взамен устаревшей, несмотря на то, что возводилась она в трудных и сложных условиях болотистой местности. Именно такую роль отводил Клещину Н. Н. Воронин, полагавший, что это был один из опорных пунктов системы городов-крепостей, охранявших важнейшие коммуникации края.²⁹ Крепость переносилась от города Клещина, а что имел в виду под ним летописец, пока нам неясно. Александрова гора вряд ли может претендовать на эту роль по следующим причинам. В IX—начале XII вв. Александрова гора из небольшого мерянского поселка превратилась в столь же незначительное древнерусское поселение на крайне ограниченной по размерам площадке первоначально дьяковского городища. Невероятно, чтобы летописец выдавал это поселение за целый город. Археологические исследования показывают, что к Александровой горе примыкает большое неукрепленное поселение. П. Н. Третьяков отмечал, что «около этого городища обнаружено два селища IX—X вв.».³⁰ Он размещал их в устьях небольших рек Кухмарь и Слуды, впадающих здесь в озеро, вслед за ним К. И. Комаров писал, что «в Переяславском районе близ с. Городище обнаружено селище. Оно расположено на холме между городищем Клешино (у с. Городище. — *И. Д.*) и Александровой горой на склоне, обращенном в сторону города и Плещеева озера...».³¹ К. И. Комаров полагал, что это селище являлось посадом Клещина. В 1977—1978 гг. это поселение изучалось экспедицией Ленинградского университета.³² Оно расположено на плато коренного берега оз. Плещеево и занимает площадь 6—7 га. Средняя мощность культурного слоя 35—40 см, а в отдельных местах, особенно у края площадки, достигает 1 м. На поселении была вскрыта очажная яма, углубленная в материк и заполненная обгоревшими камнями и углем. Здесь же находился развал лепного сосуда IX—X вв. Среди находок на поверхности поселения и в культурном слое следует отметить фрагменты лепной керамики, в том числе орнаментированной зубчатым штампом, обломки сосудов, сделанных на гончарном круге, шлаки, куски криц, глиняной обмазки, железные и костяные поделки. В изобилии встречаются кости домашних и диких животных, птиц, рыб. Часты скопления пережженных камней от очагов. Есть единичные фрагменты сосудов с текстильным орнаментом. Керамика поселения аналогична по форме и составу теста находкам

²⁹ Воронин Н. Н. Зодчество Северо-Восточной Руси XII—XV вв., т. 1. М., 1961, с. 24.

³⁰ Третьяков П. Н. Верхневолжская экспедиция. — КСИИМК, 1939, вып. 1, с. 17.

³¹ Комаров К. И. Работы славянского отряда Верхневолжской экспедиции в Ярославской и Калининской областях. — АО 1974 года. М., 1975, с. 63.

³² Дубов И. В., Лапшин Б. А. Открытие летописного Клещина... с. 60; Дубов И. В. Работы на озере Плещеево... с. 61.

в Ярославских курганах и на Тимеревском поселении. Надо отметить, что не только по керамике, но и по топографии, размерам, характеру культурного слоя и другим признакам эти поселения близки между собой. Аналогичны и их датировки — IX—XI вв. Данное селище, впрочем, как и Тимеревское, распаханно еще в древности, и это обстоятельство крайне затрудняет его изучение. Однако полученных данных уже вполне достаточно для общего представления о его роли и месте в истории всего микрорайона в эпоху раннего средневековья.

А сочетание синхронных между собой городища, обширного селища и большого курганного могильника напоминает ситуацию в Гнездовском комплексе.

На раннем этапе Александрова гора и селище были центром мерянской округи. В данном случае археологические источники вполне согласуются с сообщениями летописи о концентрации мерянского населения по берегам оз. Клецино. На противоположном берегу озера известно скопление курганов у с. Вельково (412 насыпей), более 40% из них содержали погребения по обряду трупосожжения. Рядом с могильником обнаружены остатки небольшого полностью распаханного селища, судя по подъемному материалу синхронного могильнику. Е. А. Рябинин датирует Вельковский могильник X—XI вв. «с возможным заходом в начало XII в.».³³ Думается, что можно удревить его начальную дату (этому не противоречит материал) и определить ее IX в. Вельковский комплекс по своим масштабам значительно уступает изучаемому нами, который и был, видимо, племенным центром мери на оз. Клецино. Его, скорее всего, имеет в виду летописец, сообщая нам о том, что меря была здесь первой «насельницей».

Конечно, неоправданно рассматривать Клецинский комплекс как сложившийся сразу — его развитие происходило на протяжении веков. Ясно одно, что возникал древнерусский город Клецин на удобном месте на стыке водных путей с Верхней Волги, из района Ростова Великого по Нерли Клязьминской во Владимиро-Суздальское ополье на месте центра мерянской округи. Еще со времен А. С. Уварова и А. А. Спицына идет дискуссия о том, кому принадлежал Клецин — местному финно-угорскому племени меря, как думал А. С. Уваров,³⁴ или славянам, по мнению А. А. Спицына.³⁵ Вопрос этот однозначно решить невозможно. И это положение подтверждается и в наши дни — спор об этнической принадлежности Клецина вновь разгорелся в трудах современных исследователей. М. И. Смирнов и П. Н. Третьяков полагают, что это был центр славяно-русской колонизации края и что он возникает как таковой в IX в. с появлением здесь

³³ Рябинин Е. А. Владимирские курганы... 235.

³⁴ Уваров А. С. Меряне и их быт... с. 231.

³⁵ Спицын А. А. Владимирские курганы... с. 165.

славянских «дружинников».³⁶ Против этого категорически выступает Н. Н. Воронин, утверждая, что в IX в. на Александровой горе «лежал сравнительно большой мерянский поселок».³⁷

Славяно-русское население проникает в Залесскую землю уже в IX столетии. Сюда по Мсте—Мологе—Волге хлынул поток переселенцев с северо-запада из районов новгородских земель. Славяне попадали на оз. Клешино двумя путями—из Ярославского Поволжья через оз. Неро и прямо с Верхней Волги по Нерли Волжской. Оба эти пути как раз сходились в том месте, где находился мерянский поселок на Александровой горе, где и возникает, видимо, в конце IX в. древнерусский раннегородской центр, получивший в летописях название Клешин.³⁸ В это время, т. е. в IX—XI вв. Клешин в самом деле становится опорным пунктом освоения славянами всего Залесского края, по крайней мере уже тогда район оз. Клешино входит в зону славяно-русской колонизации.³⁹

Таким образом, в IX—XI столетиях в состав Клешинского комплекса входит Александрова гора, селище и курганный могильник из нескольких групп. Александрова гора, видимо, выполняет роль детинца, а селище—посада. Перед нами раннегородской древнерусский центр со смешанным населением, которое включает в себя и обрусевшую мерю и славян-переселенцев (рис. 10).

Позднее—в XI—XIII столетиях Клешин продолжает существовать, однако меняется его структура. Во-первых, утрачивает свою роль укрепленного центра комплекса памятников Александрова гора, во-вторых, сооружается укрепленный «замок»—городище, а рядом с ним возникает и развивается его посад на месте современного села Городище.⁴⁰ Культурный слой и находки керамики этого времени и более позднего периода здесь хорошо фиксируются. В-третьих, продолжает расти курганный могильник—появляются новые группы насыпей. Первоначально в XI—XII вв. на селище продолжается жизнь, но постепенно оно утрачивает свое значение и центром комплекса становится городище с посадом. Перенос «града от Клешина» не совсем понятен. Неясно, что руководило действиями князя Юрия и его

³⁶ Смирнов М. И. Залесский город Клешин... с. 5—6; Третьяков П. Н. Древнерусский город Клешин... с. 49—53.

³⁷ Воронин Н. Н. Переяславль Новый... с. 140.

³⁸ Этимология названия «Клешин» неясна и спорна. Думается, не прав П. Н. Третьяков, связывающий название с эксплуататорским раннефеодальным характером центра (от слова «клешити»—«угнетать»), подробнее см.: Воронин Н. Н. Переяславль Новый... (прим. 8—9).

³⁹ Горюнова Е. И. Этническая история... с. 184 (рис. 81).

⁴⁰ Такая модель широко распространена. Наиболее точная аналогия приводится в работе И. Германа. Это славянский комплекс поселений Торнов (см.: Герман И. История и культура северо-западных славян.—В кн.: Наука и человечество. М., 1980, с. 94—95 (рис. 24—28).

администрации и зачем осуществлялось это сложное и трудоемкое мероприятие, тем более что Клещин занимал более выгодное стратегическое положение на важнейших путях. Не идет ни в какое сравнение его нахождение на возвышенных и сухих местах по отношению к Переяславлю-Залесскому, возникшему на болоте в сырой низине, там, где впадает р. Трубеж в оз. Плещеево (Клещино).

То объяснение, что крепость в Клещине уже не удовлетворяла князя по своим размерам и мощности укреплений, вряд ли может быть признано единственным и решающим мотивом переноса центра в другое место, тем более что построен он был незадолго до этих событий. Конечно, следует учитывать повод, приведенный Н. Н. Ворониным, что «мелководье озера около городка (Клещина. — И. Д.) вскоре заставило покинуть его в пользу более удобного места, где течение медленного Трубежа прокладывало в водах озера глубокий фарватер».⁴¹ Однако и это не исчерпывает проблемы.

Видимо, полный ответ следует искать в происшедших в это время социально-политических изменениях в Северо-Восточной Руси. Клещин возникает на основе симбиоза выходцев из северо-западных районов (прежде всего словен новгородских) и местных жителей — представителей одной из группировок финно-угорского племени меря. И те и другие компоненты хорошо прослеживаются в материалах погребений IX — начала XII вв. Клещин из центра мерянской округи становится опорным пунктом продвижения славяно-русского населения в Залесскую землю. Таковым он остается до середины XII в. Переяславль-Залесский возникает на совсем другой основе — это прежде всего центр княжеской администрации, государственная крепость, раннефеодальный город, постепенно в нем сосредотачивается и церковная власть над округой.

Н. Н. Воронин полагал, что Залесскому (Новому) Переяславлю предшествовал «старый», который переносился от Клещина и находился рядом с Клещиным, т. е. это было городище. Исследователь недоумевает, почему письменные источники обошли вниманием Переяславль Старый, хотя они отмечают и Клещин и Переяславль-Залесский (Новый).

Думается, что автор недооценил здесь четкость летописи, где, во-первых, определенно сказано «Переяславль-град перенесе от Клещина...», а во-вторых, и о самом Клещине мы имеем такие же скупые упоминания.

После завершения строительства мощных укреплений Переяславля-Залесского жизнь на Клещине продолжалась. Но он уже превратился постепенно из бывшего центра сначала мерянского, а затем древнерусского в небольшой городок, который был, однако, упомянут в «Списке городов русских».

⁴¹ Воронин Н. Н. Раскопки в Переяславлe-Залесском... с. 193.

На примере истории развития Клецинского комплекса можно воссоздать вертикальный семивековой срез, начиная с IX в. и до XIV—XV столетий. Клецин, Переяславль Старый — все это лишь предыстория Переяславля Нового (Залесского).

В середине XII в. Ростово-Суздальская земля значительно укрепилась, в это время идет большое строительство городов, крепостей, церквей, возникают не только Переяславль-Залесский и Юрьев-Польский, но целый ряд других центров.⁴² В такой обстановке экономического, культурного, военного и политического подъема и строится Переяславль-Залесский. По сообщению В. Н. Татищева, на него особое внимание обратил Н. Н. Воронин — в северо-восточных городах появляется масса нового населения, которому предоставляются различные льготы.⁴³ Эти новые переселенцы приходят в Залесскую землю с юга, принося с собой название городов и деревень, рек и озер. Так, скорее всего, и появилось имя города — Переяславль-Залесский в память об оставленном Переяславле Русском (Киевском) и р. Трубеж по аналогии с южной рекой. Вспомним также, что Переяславль Рязанский стоит на реке с идентичным названием — Трубеж.

В летописи представлено объяснение названия Переяславля Русского, основанное на народном предании, согласно которому Переяславль — это «город, где отрок перенял славу у печенегов».⁴⁴ Однако более достоверна версия, согласно которой название Переяславль происходит от древнерусского личного имени Переяслав, к которому добавлен суффикс «ль» — город Переяслава.⁴⁵ В более позднее время название «Переяславль» теряет «я» и превращается в Переславль. В краеведческой литературе есть попытки объяснить название Переяславля-Залесского по аналогии с Переяславлем Русским, но в том смысле что этот город «перенял славу» от южного центра.⁴⁶ Думается, что такая интерпретация также далека от истины, как и объяснение происхождения названия Переяславля Русского, и, скорее всего, прав М. Фасмер, связавший название городов с личным именем.

В этот период начинается новый этап освоения славяно-русским населением северо-восточных земель. «В XII в. в далекий лесной край потянулось также население беспокойных окраин русской земли».⁴⁷ Археологические материалы подтверждают заключение о движении с юга.

⁴² Воронин Н. Н. Зодчество Северо-Восточной Руси... т. 1, с. 55.

⁴³ Татищев В. Н. История Российская, кн. III. М., 1974, с. 76; Воронин Н. Н. Раскопки в Переславле-Залесском... с. 193.

⁴⁴ ПСРЛ, т. I, стб. 124.

⁴⁵ Фасмер М. Этимологический словарь... т. III, с. 241; Нерознак В. П. Названия древнерусских городов... с. 133—135.

⁴⁶ Смирнов М. И. Историко-географическая номенклатура, с. 61.

⁴⁷ Татищев В. Н. История Российская... с. 193.

Исследования в Переславле-Залесском показали, что новый город основывался на пустом месте и культурный слой здесь фиксируется только с середины XII в.

Однако следует отметить, что масштабы полевых работ в городе были крайне ограничены и окончательно решать вопрос об отсутствии жизни на берегах Трубежа при впадении его в озеро до XII в. преждевременно. Хотя наличие или отсутствие там раннего поселения сути дела не изменит. В культурном слое города были обнаружены находки, подтверждающие тезис о связях его населения с югом.⁴⁸

В целом следует отметить, что археологические работы в Переславле-Залесском носили крайне ограниченный характер и в основном преследовали цели исследования памятников архитектуры. Впервые культурные слои Переславля-Залесского изучались в период грандиозных работ А. С. Уварова и П. С. Савельева в Суздальском крае. В 1853 г. П. С. Савельев пытался найти в Переславле-Залесском княжеский дворец, который согласно преданиям и некоторым наблюдениям находился с северной стороны от Спасо-Преображенского собора и был связан с ним переходом.⁴⁹ Вторым объектом поисков П. С. Савельева были захоронения переяславских князей. Для этого вокруг собора и у подножия вала было заложено несколько траншей (рис. 12). В результате этих раскопок были вскрыты многочисленные погребения XVI—XVIII вв. вокруг собора,⁵⁰ постройка которого была начата еще Юрием Долгоруким в 1152 г., а закончена Андреем Боголюбским в 1157 г. Найдены строительные остатки и несколько более ранних времен—XV в. Среди индивидуальных находок следует назвать: керамику, рыболовные глиняные грузила, железные ножи, пробои, крюки, гвозди, пряжки, перстень, наконечники стрелы. Ненарушенного культурного слоя П. С. Савельеву найти не удалось из-за строительства здесь храма и длительное время производившихся захоронений. А судя по находкам можно утверждать, что материала ранее XIV—XV вв. в коллекции П. С. Савельева нет.

В 1939 г. новые археологические исследования Переславля-Залесского произвел Н. Н. Воронин.⁵¹ Раскоп находился у северной стены собора и занимал всю площадку между храмом и валом. Вскрытая площадь составила 184 м². Эти раскопки дали много нового и интересного. Прежде всего для изучения архитектуры и техники строительства Спасо-Преображенского собора. Н. Н. Воронину, так же как и П. С. Савельеву, не удалось найти нетронутого культурного слоя.

⁴⁸ Татищев В. Н. История Российская... с. 196.

⁴⁹ Мартынов А. Русская старина в памятниках церковного и гражданского зодчества. М., 1851, с. 2.

⁵⁰ Савельев П. С. Отчет о раскопках в Переславле-Залесском. — Архив ЛОИА, ф. 8, д. 4.

⁵¹ Воронин Н. Н. Раскопки в Переславле-Залесском, с. 193—202.

Культурные остатки периода возникновения и начальных этапов развития города (XII—XIII вв.) представлены немногочисленными находками. Это керамика, поделки из кости, фрагменты бронзовых браслета и пряжки, железные изделия — ключи, наконечник стрелы, ножи (рис. 13). Широко представлены такие атрибуты рыболовства, как глиняные грузила. Найденные предметы характеризуют материальную и духовную культуру древнерусского города домонгольского времени. К более позднему периоду относятся глиняные и известняковые пряслица, стеклянные браслеты, подковки, перстенок, серьги из медной проволоки, фрагменты глиняных сосудов и ряд других находок.

Укрепления Переяславля-Залесского также подвергались изучению, но о них написано либо бегло,⁵² либо речь шла об узких сюжетах (вроде деревянных конструкций валов).⁵³ Это были дубовые и осиновые срубы в 3 венца, расположенные вдоль вала. Судя по находкам керамики, они были изначальной основой вала со времени его сооружения в XII в.

Так что же представлял собой Переяславль-Залесский на самом раннем этапе своего развития в середине XII в. В это время город располагался в пределах укрепленной части, которая отсекалась от внешнего мира мощными валами и обводненными рвами, созданными в результате упорного труда большого количества простых тружеников. Это о них писал ярославский поэт Владимир Лебедев:

«Суровые прадеды наши
Ту землю таскали в рогожах,
Чтоб град был валами украшен,
Чтоб стал он и крепче и строже,
Чтоб грозные вражьи дружины
Об эти валы разбивались.
Века прошумели былинно
Валы же навеки остались».

Древний Переяславль-Залесский был в каком-то смысле мысовым городищем — с севера прямо под валом протекала р. Трубеж, впадающая в оз. Плещеево, а с востока р. Мураш приток Трубежа. С юга и запада, кроме вала, город огибал искусственный ров Гробля, соединявшийся с естественными водными рубежами (рис. 11).

Н. Н. Воронин так описывает эту одну из самых крупных древнерусских крепостей: «Город обращался во внешний мир могучими склонами своих земляных валов с деревянными стенами на гребне, над которыми поднимались лишь вышки надвратных башен. Даже самое крупное здание Переяславля —

⁵² Раппопорт П. А. Очерки по истории военного зодчества... с. 24.

⁵³ Каменецкая Е. В., Пуришев И. Б. 1) Археологические наблюдения в Переяславле-Залесском. — АО 1972 года. М., 1973, с. 64—65; 2) Деревянные конструкции вала Переяславля-Залесского. — СА, 1974, № 1, с. 234—237.

Спасо-Преображенский собор был совершенно скрыт от взоров стороннего наблюдателя. С внешней стороны город представлял-ся только как крепость. При низинном расположении валы были легко обозримы, и город являл собой суровую картину боевой твердыни». ⁵⁴ По своим размерам эта крепость в шесть раз превосходила Переяславль Старый (городище). Его укрепления вполне сравнимы с оборонительными сооружениями стольного града всей земли Владимира. Окружность вала достигала 2,5 км, высота — 10—16 м, ширина — 6 м. Двойные деревянные стены с двенадцатью башнями венчали валы. ⁵⁵ Согласно преданиям в одной из башен был «водяной тайник с колодцем за дубовыми воротами». По мнению Н. Н. Воронина, «это была самая крупная из юрьевых крепостей». ⁵⁶ Деревянные башни и стены существовали, время от времени подновляясь, несколько веков и окончательно были разобраны лишь в 1759 г. ⁵⁷ По проведенным подсчетам, для насыпки вала потребовалось 600 тыс. м³ грунта. ⁵⁸ Тысячи людей и сотни лошадей должны были длительное время неустанно трудиться, чтобы воздвигнуть такое грандиозное по тем временам сооружение. Городская площадь, окольцованная валом, достигает 28 га. Деревянный «город» по гребню вала в Переяславле-Залесском был сооружен в 1195 г. по приказу князя Всеволода. ⁵⁹

Переяславль-Залесский наряду с Ростовом Великим относится к категории «крупных» древнерусских городов. ⁶⁰

Археологические исследования полностью подтвердили летописную дату возникновения города Переяславля-Залесского (Нового). Год 1152 — общепринятая дата начала истории этого важнейшего центра Северо-Восточной Руси. ⁶¹ Переяславль-Залесский в XII в. не играл такой важной роли, как Ростов Великий. Он возник и оставался пограничным городом Суздальской земли, и его основной функцией была защита западных рубежей края. Кроме того, он был форпостом в военно-политических акциях правящей верхушки Суздальщины, стремящейся подчинить своему влиянию Северо-Западную и Южную Русь. Особенно его значение повышается на рубеже XII—XIII столетий, когда обострилась борьба за власть как внутри Владимир-

⁵⁴ Воронин Н. Н. Зодчество Северо-Восточной Руси... т. 1, с. 102.

⁵⁵ Плишкин П. П. Историческое описание Переяславля-Залесского, с. 9—10, Воронин Н. Н. Переяславль-Залесский. М., 1948, с. 14; Васильев С. А. По древним русским городам... с. 142.

⁵⁶ Воронин Н. Н. Переяславль-Залесский... с. 56.

⁵⁷ Смирнов М. И. Переяславль-Залесский уезд: Краткий Краеведческий очерк. Переяславль-Залесский, 1922, с. 59.

⁵⁸ Литвинов И. По городам Залесья... с. 37—38.

⁵⁹ ПСРЛ, т. I, стб. 173

⁶⁰ Тихомиров М. Н. Древнерусские города (карта-вклейка).

⁶¹ Шпилевский С. М. Старые и новые города... с. 26; Иванов К. И.

1) Переяславль-Залесский в прошлом и настоящем. Ярославль, 1940, с. 9; 2) Переяславль-Залесский. Ярославль, 1959, с. 15—17; Рапов М. Каменные сказы... с. 196; Ярославская область... с. 7.

ского княжества, так и соперничество с другими родами за великокняжеский стол в Киеве.

Вышеизложенная трактовка не противоречит заключению А. В. Кузы, который считает, что, несмотря на то, что Переяславль-Залесский возник на необжитом месте, он сразу начал формироваться не только как крепость, но и как подлинный город.⁶² А. В. Куза пишет также, что «активное участие переяславцев наравне с ростовцами, суздальцами и владимирцами в решении судеб Суздальского княжества после смерти Андрея Боголюбского свидетельствует о политической самостоятельности жителей новых городов».⁶³ Однако, на наш взгляд, этот факт говорит лишь о некотором временном ослаблении централизаторских тенденций в Северо-Восточной Руси, происшедших в результате усиления междоусобной борьбы, а не о том, что роль Переяславля-Залесского, его социально-экономическое и политическое значение были аналогичны роли и значению Ростова Великого, Владимира, Суздаля.

Наивысшего расцвета Переяславль-Залесский достигает в начале XIII в. перед самым татаро-монгольским нашествием, когда удельным князем здесь был Ярослав Всеволодович отец Александра Невского.

В лихую годину для всей Руси Переяславль-Залесский не избежал тяжкой участи многих ее городов — он был взят, сожжен и разграблен, а жители частью погибли в неравном бою, частью уведены в рабство. Но прошло время, и жизнь в этом городе возобновилась.

Александрова гора, «Синий камень», Городище, величественные укрепления Переяславля-Залесского, белокаменный Спасо-Преображенский собор — все они являются безмолвными свидетелями героической истории наших предков и все они красноречиво рассказывают о тех далеких временах.

Эти памятники старины бережно сохраняются в городе, они регулярно реставрируются, включены в туристские маршруты и являются своеобразными филиалами местного музея, располагающегося в Горичком монастыре. Дополняют их величественные сооружения — стены с башнями и церкви Никитского монастыря, многочисленные храмы, разбросанные по всему старому городу, музей «Ботик Петра I». Венчают историю Переславля-Залесского памятники, посвященные героическим традициям города и его героям, участвовавшим в революции, гражданской и Великой Отечественной войнах, трудовых подвигах нашего времени. Город живет полнокровной жизнью, строится, развивается, хорошеет. Он устремлен в будущее, но не забывает о славном прошлом.

⁶² Куза А. В. Социально-историческая типология... с. 28.

⁶³ Там же, с. 28—29.

УГЛЕЧЕ ПОЛЕ

Этот город впервые упомянут в летописи в связи с событиями феодальной войны между суздальцами и новгородцами. Новгородские и смоленские войска во главе с киевским князем Изяславом и смоленским Ростиславом зимой 1148—1149 гг. нанесли ощутимый удар по Суздальским дружинам во главе с князем Юрием Долгоруким. Летописец подробно описывает случившееся: «В лето (6657)... И совокупишася вси на усть Медведици, и оттуда послаша в Суждаль к великому князю Юрию Владимиричю Мономаху послов своих. Он же послов их к ним отпусти, а своего к ним не посла, и оттуда по Волзе идоша к Снягину, и ко Угличю Полю и к Молозе, даже и до Ярославля, воююще, секуще, жгуще, и взяша полону голов болши седми тысящь».¹

С Угличем и Ярославлем связано и единственное сообщение о рассматриваемых городах Северо-Восточной Руси на берестяной грамоте из Новгорода, которую послал новгородец Терентий из Ярославля Михалю в Новгород. Он писал: «От Терентея к Михалю. Пришлить лошак с Яковьцем. Посдуть дружина Савина чадь. Я на Ярославли, добр, здоров и с Григоремь. Углицане замерзли на Ярославли. Ты до Углеца, и ту полк дружина».² А. В. Арциховский и Л. В. Черепнин утверждают, что в данной грамоте говорится о событиях 1148—1149 гг., когда Верхняя Волга была центром ожесточенной феодальной усобицы.³ Однако В. Л. Янин, исходя из стратиграфических условий находки, считает, что грамота относится к более позднему времени и написана в 80-х годах XIII в., т. е. позже более чем на столетие по сравнению с предыдущими датировками.⁴ В. Л. Янин

¹ ПСРЛ, т. IX, М., 1965, стб. 179.

² Арциховский А. В. Новгородские грамоты на бересте: Из раскопок 1952 г. М., 1954, с. 73.

³ Там же; Черепнин Л. В. Новгородские берестяные грамоты как исторический источник. М., 1969, с. 381—383.

⁴ Янин В. Л. 1) Я послал тебе бересту. М., 1965, с. 158—159; 2) Я послал тебе бересту. М., 1975, с. 148—149.

полагает, что перед нами сообщение о походе новгородцев под Углич и Ярославль, связанном с соперничеством сыновей Александра Невского Андрея и Дмитрия в борьбе за великокняжеский Владимирский стол. По его мнению, ценность грамоты повышается и в связи с тем, что в летописях о данном походе не сообщается ничего.

Как бы там ни было это единственное сообщение о городах Ярославле и Угличе в берестяном фонде источников.

Итак, лишь в XII в. Углич попадает на страницы русской летописи. Безусловно, первое упоминание города под 1148 г. вряд ли может быть признано за дату его возникновения. И в пользу такого заключения говорят как устные предания и сообщения местных летописей, так и археологические данные.

«Серебрянниковская» и «Супоньевская» летописи, относящиеся к XVII—XVIII столетиям сообщают о ранней истории Углича нижеследующее: «Прииде во Угляны некий княжич, именуемый Ян Плескович от великого князя Игоря посланный... ради описания многолюдного народа и собиране ради дане».⁵ Его появление в Угличе относится к 937 г. Через десять лет в 947 г. Ян Плескович, как сообщают эти летописи, получает разрешение от великой княгини Ольги на основание города. Отсюда и название древнейшей укрепленной части Углича — «Яново поле».

Это предание было воспринято как истина многими местными краеведами,⁶ да и сейчас иногда рассматривается как вполне достоверное.⁷ Однако уже в дореволюционной литературе высказывались и более осторожные суждения и даже сомнения.⁸ Некоторые авторы сообщают и подробности сооружения первоначального Углича, который строился семь лет, был окружен валом и обводненным рвом, куда поступала вода из Волги. Вал и ров, с трех сторон окружавшие городскую территорию, имели протяженность более версты (поприща).⁹

Более обоснованная и опирающаяся прежде всего на письменные источники точка зрения относительно времени возникнове-

⁵ Рейпольский С. Н. Углич. Ярославль, 1939, с. 10—11.

⁶ Киссель Ф. История города Углича. Ярославль, 1844 с. 19; Головщиков К. Ярославская губерния: Историко-этнографический очерк. Ярославль, 1888, с. 35; Соловьев Л. Ф. Краткая история города Углича. СПб., 1895, с. 9; Евреинов К. К. Прошлое Углича: Исторический очерк. М., 1898, с. 11; Критский П. А. Наш край. Ярославль, 1907, с. 126—127; Шамурин Ю. Ярославль. Романов-Борисоглебск. Углич. М., 1912, с. 80.

⁷ Иванов В. Ростов. Углич. М., 1975, с. 193; Курочкин Г. М. Углич. — Советская историческая энциклопедия, т. 14. М., 1976, с. 652; Ярославская область: Административно-территориальное деление. Ярославль, 1976, с. 7; Ковалев И. А., Пуришев И. Б. Углич. Ярославль, 1978, с. 5; Богородский В. Н. Будущность исторического Углича. — Памятники Отечества, 1982, № 2, с. 123.

⁸ Серебрянников С. Очерк древней истории города Углича. — ЯГВ, 1843, № 19; Шпилевский С. М. Старые и новые города и борьба между ними в Ростово-Суздальской земле. Ярославль, 1892, с. 110.

⁹ Киссель Ф. История города Углича, с. 20; Шамурин Ю. Ярославль... с. 80—81.

ния города высказана Н. Н. Ворониным, который считает, что он возникает в XI—XII вв.¹⁰

М. Н. Тихомиров относит Углич к третьей категории древнерусских городских центров XII — первой половины XIII вв. — «города с посадами».¹¹

Так же противоречивы и суждения о названии города. По местным преданиям, он назван по имени славянского племени угличей-уличей, будто бы переселенных сюда воеводой Свенельдом, служившим нескольким русским князьям — Игорю, Ольге, Святославу, Ярополку. Это заключение основано на сообщении Первой Новгородской летописи под 940 и 942 гг. о покорении князем Игорем уличей и о поручении Свенельду взимать с них дань. Однако в «Повести временных лет» Свенельд впервые упоминается под 945 г. М. И. Артамонов считает, что сообщения о получении с уличей дани Свенельдом сомнительны и появились в летописи с целью объяснить источники богатства его собственного и его дружины, которое явилось причиной недовольства воинов Игоря и в конечном счете гибели этого князя от рук древлян в 945 г.¹² Таким образом, по его мнению, Свенельд не был участником похода на уличей в 940 г. Отсюда можно сделать вывод, что этот военный деятель Древней Руси не мог иметь никакого отношения к мнимому переселению уличей на Верхнюю Волгу и тем более к возникновению здесь одноименного города.

На основании летописных сообщений в литературе разработан вопрос об уходе уличей с территории Поднепровья после 940 г., но не на Верхнюю Волгу, а в Поднестровье.¹³ Нет в летописях ничего и о каком-либо отношении Свенельда к Северо-Восточной Руси. Все вышеизложенное позволяет считать гипотезу о связи названия города Углича с уличами и участии в его создании Свенельда не более как вымыслом, ничем исторически не подтверждаемым. Есть и другие объяснения названия этого древнерусского центра. Среди них и такие, как то, что здесь выжигали уголь, или топографическое объяснение, связанное с мысовым расположением города. Данное объяснение приводится и в недавно вышедшей работе, посвященной специально этимологии названий древнерусских городов. Кроме того, по нашему мнению, следует обратить внимание на возможную трактовку названия Углич как «тип поселения без улицы, когда дворы редко разбросаны по краю поля».¹⁴

¹⁰ Воронин Н. Н. Зодчество Северо-Восточной Руси XII—XV вв. М., 1961, т. 1, с. 24.

¹¹ Тихомиров М. Н. Древнерусские города. М., 1956 (карта-вклейка).

¹² Артамонов М. И. Воевода Свенельд. — В кн.: Культура Древней Руси. М., 1966, с. 31.

¹³ Рыбаков Б. А. Уличи. — КСИИМК, 1950, вып. XXXV, с. 7; Хабургаев Г. А. Этнонимия «Повести временных лет». М., 1979, с. 153—154.

¹⁴ Нерознак В. П. Названия древнерусских городов. М., 1983, с. 178—179.

Однако все эти объяснения не имеют достаточных обоснований, и поэтому происхождение данного названия так и остается неясным.

В литературе представлена и гипотеза «переноса» города в XII в. на место современного Углича. А до этого основным центром округа было поселение у Грехова ручья, что находится в 4 км от города, или, по другой версии, Богоявленская гора, где был найден клад восточных монет, расположенная практически в черте Углича.¹⁵ Однако, прежде чем переходить к рассмотрению данных памятников, следует дать общую историко-археологическую характеристику в целом этого района в X—XIII столетиях.

Если для IX в. на территории Залесской земли нам известны отдельные памятники, то в X столетии они уже насчитываются десятками. А для XI—XII вв. на карте можно отметить сотни поселений и могильников. На первом этапе это крупные торгово-ремесленные центры, предшествующие городам. Они были непосредственно связаны с основными водными путями и являлись опорными пунктами славянского расселения в Волго-Окском междуречье. В их состав входят обширные по площади поселения и курганные могильники, насчитывающие по несколько сотен погребальных насыпей. В X в. возникают города, появляются многочисленные небольшие по размерам сельские поселения и сопутствующие могильники, состоящие из двух-трех десятков курганов. Такие комплексы памятников известны по всей территории Ростовской земли, они стабильно существовали до середины XIII в., когда многие из них погибли в результате татаро-монгольского нашествия. К ним вполне применима следующая характеристика, данная В. И. Лениным: «При старых способах производства хозяйственные единицы могли существовать веками, не изменяясь ни по характеру, ни по величине, не выходя из пределов помещичьей вотчины, крестьянской деревни или небольшого окрестного рынка для сельских ремесленников и мелких промышленников (так называемых кустарей)».¹⁶

На карте Ростовской земли XI—XIII вв. отмечены сотни древнерусских памятников. Изучение типов поселений и могильников на протяжении трех веков говорит и о разной меняющейся социально-экономической основе заселения, в конце концов приобретшего сельскохозяйственный характер.¹⁷

В настоящее время сложилось такое положение, что сельские поселения и сопутствующие им небольшие кладбища изучены

¹⁵ Тихомиров И. А. Ярославское Поволжье: Краткий путеводитель. Ярославль, 1909, с. 3—4.

¹⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 57.

¹⁷ Воронин Н. Н. К истории сельского поселения феодальной Руси. М., 1935.

гораздо лучше, нежели городские центры Залесской земли XI—XII вв.

В начале 30-х годов на Волге, в том числе и в районе Углича, разворачиваются работы большой экспедиции под руководством П. Н. Третьякова в связи с созданием мощного гидроузла и водохранилища.¹⁸ По мнению П. Н. Третьякова, «эпоха XI—XIV вв. представлена многочисленными остатками поселений и курганных могильников».¹⁹

Большое количество памятников рассматриваемого периода было выявлено и на участке Углич-Рыбинск (ныне Андропов). Здесь это тоже исключительно селища, курганные группы и могильники. Исследователи отмечают, что средняя площадь селищ достигает 10 000 м² и более. Курганные группы, по их мнению, тоже весьма значительны (от 20 до 120 насыпей). Сохранившиеся курганы имеют высоту от 0,4 до 1,0 м при диаметре от 3,0 до 8,0 м. Форма их обычная — полушарообразная. В число наиболее ценных памятников включались могильники у деревень Баскачи, Нестерово, в устье Грехова ручья, у д. Яковлевской, селища при устье Грехова ручья, у с. Золоторучье и т. д. Всего селищ той поры было найдено около 30. Полученные материалы позволили исследователям сделать интересные заключения, в частности, было отмечено, что «раннефеодальные поселения располагались неравномерно, составляя как бы гнезда. Им сопутствовали курганные могильники».²⁰

Начиная с 1955 г., в Угличском районе широкие раскопки, главным образом средневековых селищ, велись экспедицией под руководством М. В. Фехнер. Исследовались селища у деревень Золоторучье, Баскачи, Нестерово, близ Богоявленского ручья, Сверчково, Алтыново, Кокаево, Яковлевское, поселение и могильник близ Грехова ручья.²¹

Этот микрорайон был освоен древнерусским населением в X—XI вв. Памятники здесь тянутся узкими лентами вдоль обоих берегов Волги и чаще всего располагаются на удобных местах при впадении в Волгу более мелких рек и ручьев. Насыщенность памятниками этого участка течения Волги чрезвычайно высока. Только в пределах Угличского района в итоге обследований 30-х годов и работ Д. А. Крайнова в 1954 г. было зафиксировано 16 поселений, из которых 12 исследовано М. В. Фехнер в 1954—1956 гг. Здесь же известно 11 курганных могильников. По замечанию М. В. Фехнер, «Угличский район отличался в древности большой плотностью населения... и в его пределах

¹⁸ Третьяков П. Н. Работы на строительстве Ярославской гидроэлектростанции. — В кн.: Археологические работы Академии на новостройках в 1932—1933 гг. — ИГАИМК, вып. 109, 1935, с. 104—120.

¹⁹ Там же, с. 104.

²⁰ Там же, с. 162.

²¹ Фехнер М. В. Отчеты о работах в Угличском районе. — Архив ИА АН СССР, Р-1, д. 1143—1143А, 1955 г.; 1228, 1956 г. и 1487, 1957 г.

остатки древних селищ обнаружены в устьях всех притоков Волги».²²

По данным Е. И. Горюновой, в Угличском течении Волги отмечено 19 могильников и 12 поселений.²³ М. В. Фехнер объясняет такую высокую плотность заселения данного микрорайона в эпоху средневековья двумя обстоятельствами: во-первых, тем, что реки тогда являлись основными путями сообщения, и, во-вторых, именно в речных долинах находились земли, наиболее удобные для распашки, а также заливные луга, вполне пригодные для выпаса скота.²⁴ Однако на той же Волге, от Рыбинского водохранилища до Ярославля, поселения и могильники располагаются гораздо реже, чем в районе Углича.

В самом деле в Угличском Поволжье встречаются большие массивы наиболее плодородных дерново-слабоподзолистых почв.²⁵ Кроме того, высока степень археологической изученности данной территории. Углич и его окрестности по целому ряду причин издавна привлекают внимание историков и археологов. Как и в других случаях, в Угличском Поволжье поначалу исследовались курганные могильники. Они насчитывают в своем составе от нескольких десятков до нескольких сотен насыпей. Встречаются и небольшие курганные группы.

На некоторых из них необходимо остановиться. Еще в начале XX в. были проведены раскопки курганного могильника у д. Нестерovo.²⁶ Всего в могильнике насчитывалось 29 курганов, из них 19 насыпей было раскопано в 1902 г. Н. Е. Макаренко. Все курганы были окружены ровиками. Все погребения были произведены по обряду труположения на материке. Ориентировка погребенных в подавляющем большинстве — западная, иногда встречается и восточная. Обнаруженный инвентарь, а это прежде всего различные украшения — височные кольца, перстни, браслеты, золотостеклянные бусы, бубенчики — позволяет датировать могильник XI—XII вв. В пользу такого заключения говорит и собственно обряд погребения — труположения на материке. Материал Нестеровского могильника не дает нам оснований для выделения здесь какого-либо одного этнического компонента — славянского или финно-угорского. Могильник относится уже к древнерусскому времени и может быть только так определен.

²² Фехнер М. В. Селища Ярославского Поволжья X—XIII вв. — В кн.: Краеведческие записки. Ярославль, 1957, вып. 2, с. 183—184.

²³ Горюнова Е. И. Этническая история Волго-Окского междуречья. — МИА, 1961, № 94 (карта № 4, врезка 4 Б).

²⁴ Фехнер М. В. Селища Ярославского Поволжья... с. 184.

²⁵ Великанов Д. А. Почвенный покров. — В кн.: Природа и хозяйство Ярославской области. Часть первая. Природа. Ярославль, 1969, с. 267.

²⁶ Макаренко Н. Е. 1) Отчет о раскопках в Угличском уезде Ярославской губернии. — Архив ЛОИА, ф. 1, д. 96, 1902 г., л. 121—124; 2) Раскопки в Угличском уезде Ярославской губернии. — ИАК, 1904, вып. 6, с. 21—26; Очерки по истории русской деревни X—XIII вв. — Труды ГИМ. М., 1956, вып. 32, с. 210.

На расстоянии 100—150 м от некрополя обнаружено и исследовано небольшое селище. Здесь найдены гончарная керамика, ножи, наконечники стрел, гвозди, дужки от ведер, шиферное пряслице, поясная серебряная пряжка, глиняное грузило от рыболовецкой сети и т. д.²⁷ Селище синхронно могильнику (XI—XII вв.) и, видимо, входило с ним в один комплекс памятников.

В 6 км от Углича расположен еще один интересный комплекс эпохи средневековья близ д. Баскачи, состоящий из поселения и курганного могильника. В состав могильника входило 22 насыпи, из которых 6 было раскопано Н. Е. Макаренко.²⁸ Они содержали погребения, совершенные по обряду труположения на горизонте и в ямах. Ориентировка погребенных восточная. По инвентарю могильник датируется XI—XII вв. На поселении встречены лишь обломки гончарной керамики этого же времени.²⁹

Более 100 курганов насчитывалось в могильнике у Грехова ручья,³⁰ здесь же обнаружено селище³¹ (рис. 14). Часть насыпей раскопана в разные годы. Они содержали погребения по обряду ингумации на материке. Ориентировка головами на запад. Инвентарь — шейные гривны, перстни, привеска в виде топорика, западноевропейская монета и ряд других вещей — в основном датируется XI—XII вв.³² Однако М. В. Фехнер все же датирует комплекс XI—XIII вв.

В 1957 г. экспедиция ГИМ под руководством В. А. Малым вскрыла в могильнике у Грехова ручья уцелевшие курганы. Всего их было раскопано 22.³³ В большинстве насыпей обнаружены погребения по обряду труположения с ориентацией костяков на запад. В. А. Малым также датирует группу XI—XIII вв. При этом она приводит датировки некоторых вещей — западноевропейские монеты, золото- и серебростеклянные бусы, грушевидный бубенчик, многослойные ножи. Датировки всех этих вещей X в. — начало XII в. Они разработаны в специальных исследо-

²⁷ Фехнер М. В. 1) Отчет о раскопках в Угличском районе Ярославской области. — Архив ИА АН СССР, Р-1, 1143—1143А, 1955; 2) Селища Ярославского Поволжья... с. 192—193.

²⁸ Макаренко Н. Е. Отчет о раскопках... л. 125—127.

²⁹ Фехнер М. В. 1) Отчет о раскопках... л. 8—9; 2) Селища Ярославского Поволжья... с. 192.

³⁰ Тихомиров И. А. Отчет о раскопках в Ярославской губернии. — Архив ЛОИА, т. 1, 1900 г., д. 82.

³¹ Фехнер М. В. Отчеты о раскопках в Угличском районе Ярославской области.

³² Фехнер М. В. Шейные гривны. — В кн.: Очерки по истории русской деревни... вып. 43, с. 81, 85; Успенская А. В. Нагрудные и поясные привески. — Там же, с. 119; Недошивина Н. Г. Перстни. — Там же, с. 265, 267, 272.

³³ Малым В. А. Курганный могильник близ Грехова ручья. Археологический сборник. — Труды ГИМ, 1960, вып. 37, с. 167—174.

ваннях, на которые опирается и В. А. Мальм.³⁴ Две группы керамики — лепная и гончарная — также бытовали в данное время.

Таким образом, хронология находок в курганах не позволяет датировать их XI—XIII вв. и дает возможность относить рассматриваемый могильник к концу X—XII вв. Этому не противоречит и обряд погребения.

Поселение у Грехова ручья также было подвергнуто специальным раскопкам.³⁵ Здесь исследованы остатки шести жилищ, гончарного горна, открытые очаги и хозяйственные ямы. Жилища в основном носят полуполземляночный характер и лишь одно из них — наземное.³⁶ Находки, встреченные на поселении, — орудия труда, керамика, украшения, бытовые вещи — дают возможность датировать поселение широким хронологическим периодом — XI—XIII вв. Думается, что эту дату следует откорректировать по хронологии могильника и считать поселение ему синхронным. Относительно хорошо изучен также комплекс у с. Золоторучье и особенно селище. Когда-то в могильнике насчитывалось более 100 курганов, затем все они были утрачены. На селище проводила раскопки экспедиция под руководством М. В. Фехнер. Тогда же были доследованы два кургана с погребениями по обряду труположения с западной ориентировкой.³⁷ Материалы раскопок поселения впоследствии были опубликованы.³⁸ На селище были обнаружены остатки наземных жилищ. Они представляли собой срубы, стоявшие на вымостках из камней и каменных плит.³⁹ Датировочные находки — цилиндрический замок, ключ-лопаточка, ножи, шиферные пряслица и, наконец, керамика — позволяют относить данное поселение к XI—XIII столетиям. В это же время заканчивает свое существование и еще одно поселение, расположенное у пристани Васильки близ Богоявленского ручья.⁴⁰

М. В. Фехнер полагает, что все поселения и могильники

³⁴ Фехнер М. В. К вопросу об экономических связях древнерусской деревни. — Труды ГИМ, 1959, вып. 33, с. 159—160; Седова М. В. Ювелирные изделия древнего Новгорода. — МИА, т. II, 1959, № 65, с. 237; Колчин Б. А. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого. — Там же, с. 48, 51.

³⁵ Фехнер М. В. Раскопки селища близ Грехова ручья. Археологический сборник. — Труды ГИМ, 1960, вып. 37, с. 156—166.

³⁶ Там же, с. 158—160; Раппопорт П. А. Древнерусское жилище. — САИ, 1975, вып. Е 1-32, с. 108.

³⁷ Фехнер М. В. Отчет о раскопках, л. 3—7.

³⁸ Фехнер М. В. Селища Ярославского Поволжья... с. 186—192; Комаров К. И. Работы славянского отряда Верхневолжской экспедиции. — АО 1970 года. М., 1971, с. 43.

³⁹ Раппопорт П. А. Древнерусское жилище. — САИ, вып. Е1-32. Л., 1975, с. 108.

⁴⁰ Фехнер М. В. Отчет о раскопках... — Архив ИА АН СССР, Р-16, 1143, с. 12—13; Комаров К. И. Работы славянского отряда... с. 42.

в Угличском течении Волги прекратили существовать в XIII в.,⁴¹ и связано это с погромом, который учинили здесь татаро-монгольские завоеватели.⁴² Несомненно это имело место. Однако не все рассмотренные памятники исчезают в одно и то же время. Некоторые из них, как, например, комплекс у Грехова ручья, пустеют ранее и обусловлено это совсем другими причинами, видимо, связанными прежде всего с экономическими факторами, а может, и стихийными бедствиями.

Кроме рассмотренных памятников, в данном районе известен еще целый ряд курганных могильников, имеющих большой интерес. Это некрополи у деревень Вороново, Кирьяново, Юрьевец, Кривец, Жуково и некоторые другие.⁴³ Все они включали по несколько десятков насыпей. Труположения на горизонте в могильниках у деревень Вороново и Кирьяново датируются XI—XII вв.⁴⁴ Аналогичные даты дают и украшения, обнаруженные в погребениях.⁴⁵ Курганный могильник у д. Жуково М. В. Фехнер датирует X—XI вв. по монетам, которые там найдены.⁴⁶ Известны также датировки и некоторых вещей — проволочной гривны с завязанными концами (XI—начала XII вв.) и бубенчика грушевидной формы (конец X—начало XII вв.).⁴⁷ К XI—XIII вв. относятся 48 насыпей с труположениями могильника близ с. Кривец.⁴⁸ Здесь в самом деле широко представлены вещи, доживающие до XIII в., и прежде всего различные украшения.⁴⁹

Весьма сложен вопрос об этнической интерпретации памятников Угличского Поволжья. Большинство авторов, исследовавших их, относят рассмотренные поселения и могильники к древнерусским и не расчленяют материалы по этническим компонентам.

Поэтому весьма плодотворным представляется заключение Е. А. Рябининой о том, что в данных некрополях можно усматривать мерянские этнические черты.⁵⁰

Нетрудно заметить, что в основном поселения XI—XIII вв. располагаются по берегам Волги или ее притоков. А. В. Успенская и М. В. Фехнер приводят свои объяснения этому факту: данные места были наиболее пригодны для распашки, здесь

⁴¹ Фехнер М. В. Отчет об археологических работах 1956 г. в Угличском районе Ярославской области.— Архив ИА АН СССР, Р-16, 1228, с. 2—5.

⁴² Фехнер М. В. Селища Ярославского Поволжья... с. 192.

⁴³ Никольский. Курганы на р. Юхоть в Угличском уезде.— Архив ЛОИА, № 22/1860, л. 4—8.

⁴⁴ Очерки по истории русской деревни... вып. 32, с. 210.

⁴⁵ См.: Очерки по истории русской деревни... вып. 43, с. 82—83, 85, 115, 123, 130, 132, 145, 176, 178, 248, 265—266, 270.

⁴⁶ Там же, вып. 32, с. 210.

⁴⁷ Там же, вып. 43, с. 82, 145.

⁴⁸ Там же, вып. 32, с. 210.

⁴⁹ Там же, вып. 43, с. 78, 115, 128—129, 132, 147, 180, 266—267, 274—275.

⁵⁰ Рябининой Е. А. Финно-угорские элементы... с. 14.

имелись заливные луга, и, наконец, реки являлись удобными путями сообщения. Они исходят из позиции, что в это время население северо-востока занималось главным образом пашенным земледелием, которое преобладало над подсечным.⁵¹ Аналогичную позицию занимает и В. П. Левашова, полагающая, что «к началу II тысячелетия уже почти во всех русских землях сложилась пашенная система земледелия в форме двухполья или трехполья».⁵²

С. А. Семенов в своей работе, посвященной истории земледелия, отмечает, что «в восточной части Северной Европы, отличающейся низменными обширными лесными пространствами, подсечное земледелие очень медленно переходило в земледелие пашенное. Здесь среди болотистых просторов, усеянных озерами, торфяными падами и кочками, не так просто было найти участки, годные для «подсеки»».⁵³ С. А. Семенов дает убедительное объяснение, почему в первую очередь осваивались берега рек и озер и особенно места при впадении одной реки в другую. Здесь проходили удобные транспортные магистрали, имелись хорошие рыболовецкие угодья. Кроме того, на приречных склонах земледелие давало гораздо больший эффект, нежели в гуще лесов и среди болот. Подобные заключения делались и до него.⁵⁴ Залесский край находился в основном в зоне подзолистых почв хвойно-таежной зоны. Лишь собственно Суздальское ополье было островком благоприятных для земледелия серых оподзоленных почв лиственных лесов.⁵⁵ Подсечно-огневая система земледелия, по заключению С. А. Семенова, на севере сохраняется вплоть до последних веков, так как здесь имелись важнейшие условия для этого — большие лесные угодья и относительно редкое население.⁵⁶ Да и археологические материалы не дают оснований для заключения о широком распространении пашенного земледелия на северо-востоке в домонгольский период истории Древней Руси. Хотя отдельные находки пахотных орудий известны в Северо-Восточной Руси.⁵⁷

Имеющиеся в нашем распоряжении данные раскопок, к сожалению, не позволяют достаточно полно реконструировать облик, размеры, структуру и планировку сельских поселений Се-

⁵¹ Успенская А. В., Фехнер М. В. Поселения Древней Руси. — Труды ГИМ, 1956, вып. 32, с. 12—15.

⁵² Левашова В. П. Сельское хозяйство. — Там же, с. 23.

⁵³ Семенов С. А. Происхождение земледелия. Л., 1974, с. 148—149.

⁵⁴ Маркграф О. В. Материалы к вопросу о колонизации Пермь-Котласской и Вологодско-Архангельской линий. СПб., 1897, с. 25—26; Третьяков П. Н. Подсечное земледелие в Восточной Европе. — ИГАИМК, т. XIV, вып. 7, 1932, с. 12—13.

⁵⁵ Труды ГИМ, 1956, вып. 32 (Почвенная карта территории находок пахотных орудий).

⁵⁶ Семенов С. А. Происхождение земледелия... с. 150.

⁵⁷ Фехнер М. В. Деревья Северо-Западной и Северо-Восточной Руси X—XIII вв. по археологическим данным. — В кн.: Очерки по истории русской деревни X—XIII вв. — Труды ГИМ, 1967, вып. 43, с. 276.

веро-Восточной Руси XI—XIII вв. Большая часть их подверглась более поздней распашке. Поскольку они в основном располагались по берегам рек и озер, то обычным является факт смывания части культурного слоя. Явно недостаточно и точных определений площадей этих поселений. Так, в Ярославской области, по данным 1956 г. относительно точно были известны площади всего лишь 5 поселений.⁵⁸ После этого новой сводки не составлялось, и автор монографии о территории северо-востока в эпоху раннего средневековья Е. И. Горюнова пользовалась старыми сведениями.

Кроме того, нет практически ни одного полностью раскопанного сельского поселения Северо-Восточной Руси XI—XIII вв., за исключением селища близ Грехова ручья, которое состояло из 6 домов.

Принято считать, что эти поселения были небольшими и малолюдными.⁵⁹

Такое положение, по мнению некоторых авторов, дает основание считать, что здесь было хорошо развито пашенное земледелие, ибо подсечно требует усилий больших коллективов, соответственно проживающих на обширных поселениях.⁶⁰ Однако высокая концентрация небольших поселений в отдельных районах делает возможным предположение, что в проведении тяжелых и трудоемких сельскохозяйственных работ их обитатели могли объединяться. Кроме того, нет достаточных оснований отвергать и заключение П. Н. Третьякова, связывавшего «миниатюрные» размеры северных поселений именно с подсечным земледелием.⁶¹ Для подтверждения положения о прямой связи малолюдности поселений северо-востока в XI—XIII вв. с господствующей системой пашенного земледелия привлекаются данные XVI в., когда для Ростовского уезда наиболее характерны были деревни в 1—2 двора, а для Ярославского — 1—3 двора.⁶² Однако в новейших работах историков-аграрников убедительно доказано, что такие сравнения неправомерны, поскольку за это время произошли изменения в системе земледелия.⁶³

По заключению А. Л. Шапиро, неверно мнение В. А. Кирьянова, полагавшего, что в XI—XII вв. в Новгородской земле господствовала паровая зерновая система.⁶⁴ Он и другие иссле-

⁵⁸ Успенская А. В., Фехнер М. В. Поселения Древней Руси... с. 16—17.

⁵⁹ Там же, с. 18.

⁶⁰ Кирьянов В. А. История земледелия Новгородской земли. — МИА. М., 1959, № 65, с. 334—335.

⁶¹ Третьяков П. Н. Сельское хозяйство и промыслы. — В кн.: История культуры Древней Руси. М.; Л., 1951, с. 58.

⁶² Веселовский С. Б. Село и деревня в Северо-Восточной Руси XIV—XVI вв. М.; Л., 1936, с. 69—129.

⁶³ Шапиро А. Л. Проблемы социально-экономической истории Руси XIV—XVI вв. Л., 1977, с. 52.

⁶⁴ Кирьянов В. А. История земледелия... с. 338, 342.

дователи обоснованно считают, что эта система прослеживается по письменным и археологическим данным начиная с XIV столетия. Вместе с тем в XIV—XV вв. продолжают существовать подсека, лесной и луговой перелог, залежная-паровая система и т. д.⁶⁵ В то же время в исследовании А. Л. Шапиро подчеркнуто, что культура пашенного земледелия была принесена в земли финно-угров, т. е. на северо-восток, славянами в период их расселения в этом районе⁶⁶. Однако он имеет в виду, что простые пахотные орудия, известные в незначительных количествах, стали использоваться при подсеке. Если сравнить по насыщенности поселениями Угличский микрорайон с соседними, то можно увидеть, что она здесь очень высока. Заметно выделяется район Суздальского ополья, где поселения и могильники располагаются на достаточно больших расстояниях друг от друга на обширной территории от озер Ростовского и Клещина до р. Клязьмы.⁶⁷ Лишь здесь можно предполагать высокое развитие паровой системы земледелия, что подтверждается и приведенными выше данными почвоведов.

Все сказанное позволяет нам согласиться с заключениями тех историков, которые полагают, что в данное время имела место комбинированная система земледелия, но с доминированием подсеки. Исключение может быть лишь для Суздальского ополья. В конце XV в. во Владимирском уезде средний размер поселений составлял 10,8 двора,⁶⁸ а в Переяславском уезде преобладали 1—3-дворные деревни,⁶⁹ хотя в среднем здесь насчитывается 4,4 двора на поселение.⁷⁰ В рассматриваемом нами регионе на протяжении XVI—XVII столетий происходили значительные изменения в структуре и масштабах сельских поселений.⁷¹ В первой половине XVI в. в Себельско-Ситском микрорайоне доминировали деревни до 3 дворов, а в конце того же столетия они вырастают до 3—5 дворов.

Район Углич — Ярославль — Переяславль-Залесский в начале XVI в. в основном характеризуется деревнями в 3—6 дворов, а к концу столетия в Угличском течении Волги они уже состоят из 7—10 дворов. На Владимирщине, наоборот, происходит падение от 7—10 дворов до 3—6. В XVII столетии практически вся территория Северо-Восточной Руси входит в район, для которого наиболее характерны деревни в 3—6 дворов. Мы привели

⁶⁵ Шапиро А. Л. Проблемы социально-экономической истории... с. 79; Дегтярев А. Я. Сельское расселение и системы земледелия на Руси в XV—XVII вв. — В кн.: Северная Русь... с. 81.

⁶⁶ Шапиро А. Л. Проблемы социально-экономической истории... с. 78.

⁶⁷ Горюнова Е. И. Этническая история... (рис. 106, карта № 4).

⁶⁸ Дегтярев А. Я. Русская деревня в XV—XVII вв. Очерки истории сельского расселения. Л., 1980, с. 102.

⁶⁹ Алексеев Ю. Г. Аграрная и социальная история Северо-Восточной Руси XV—XVI вв.: Переяславский уезд. М.; Л., 1966, с. 109.

⁷⁰ Дегтярев А. Я. Русская деревня... с. 107.

⁷¹ Там же, с. 172—174 (карты 1—3).

эти данные для того, чтобы показать, во-первых, что изучаемая нами территория и в более позднее время не была чем-то единым целым, однородным, а, во-вторых, увидеть, какие стремительные изменения происходили здесь в период развитого и позднего средневековья.

Приведенные материалы и заключения опровергают вывод о том, что славянское расселение XI—XIII вв. по рекам и озерам было прежде всего связано с развитием пашенного земледелия. Видимо, на первом плане здесь все-таки стоят иные причины. Прежде всего славянские поселенцы осваивают районы по основным водным путям, которые были главными магистралями расселения. Во-вторых, чисто славянские поселения, в том числе и сельские, размещаются в районах, уже обжитых местными финно-угорскими этническими группами в раннем железном веке. В литературе приводится факт, что 22% древнерусских поселений располагается на местах, где ранее размещались дьяковские и городецкие поселки.⁷² Если мы посмотрим на карту памятников дьяковской культуры, то увидим, что они концентрируются в тех же регионах, которые потом займут древнерусские поселенцы.⁷³ Это Угличское и Ярославское течения р. Волги, озер Ростовское и Клешино, берега Нерли Клязьменской. Нет их скопления лишь на Себле и Сити, которые были освоены уже в древнерусское время. Еще один вопрос, который мы считаем необходимым осветить. Сложилось мнение, что могильники, насчитывающие свыше 100 насыпей, были оставлены жителями нескольких поселений.⁷⁴ То есть и здесь используются поздние аналогии, когда погосты-кладбища обслуживали определенную округу. Факты говорят о другом — сейчас для большинства могильников Северо-Восточной Руси найдены соответствующие им поселения. Такой разрыв был обусловлен ходом археологических исследований, так как археологов XIX в. прежде всего интересовали погребальные древности. Несмотря на то, что бурно шли процессы феодализации края в XI—XII вв., еще давали себя знать родовые пережитки. Это общеполитическое положение и объясняет необходимость наличия комплексов поселений и могильников.

Такова общая характеристика района Углича для X—XIII столетий.

А какие же древности домонгольского времени известны на территории самого Углича? Во-первых, это крупный клад куфических монет, найденный здесь в конце 70-х годов прошлого столетия. В 1880 г. «Ярославские губернские ведомости» сообщали читателям: «12 августа 1879 г. в 12 ч. дня прибыла в Углич с верху из Твери лодка с белым камнем. В лодке находи-

⁷² Успенская А. В., Фехнер М. В. Поселения Древней Руси... с. 13.

⁷³ Горюнова Е. И. Этническая история... (рис. 102, карта № 2).

⁷⁴ Успенская А. В., Фехнер М. В. Поселения Древней Руси... с. 9.

лись двое крестьян Тверского уезда Александр Шарыгин и Николай Евдокимов. Подъехавши к городу, лодка остановилась на заволжской стороне подле Волжской набережной. При этом для причала потребовалось вбить в землю кол. Начали вбивать, но кол плохо входил, тогда его вынули и увидели, что к нему прилипла серебряная монета. Тотчас стали расширять и углублять яму и в ней скоро нашли в россыпи более 4 фунтов серебряных восточных монет целых и обломков и 5 серебряных слитков более 1 фунта...»⁷⁵ По сообщению «Ярославских губернских ведомостей», часть монет была переплавлена, а часть попала в Эрмитаж. Спустя некоторое время в печати вновь появилась заметка об Угличском кладе. Ярославский краевед В. Лествицын писал, что древнейшей в кладе является монета Хосрова II 624 г. чеканки, а позднейшая относится к 821 г. Он отмечал, что монеты попали на Волгу посредством торговли. находка клада позволила автору статьи прийти к выводу о существовании на месте Углича в первой половине IX в. большого торгового поселения, торговавшего с Булгаром. Отсюда он сделал вывод, что «Углич — один из древнейших городов Волжской Руси».⁷⁶ Угличский клад и в дальнейшем не оставался без внимания исследователей.⁷⁷ Безусловно, его находку следует расценивать как признак существования здесь в IX в. поселения, возможно, торгово-ремесленного центра, находившегося на Волжском пути, таковыми являются и другие, известные в данном регионе, где также обнаружены клады куфических монет этого времени. Например, Тимерево, Сарское городище.

Первые археологические раскопки на территории Углича были проведены в 1900 г. И. А. Тихомировым, которые носили сугубо историко-архитектурный характер и практически ничего не дали для изучения собственно истории Углича и его культурного слоя.⁷⁸ И. А. Тихомиров траншеями обнажил фундаменты и остатки стен дворцового комплекса XV в. — первоначального княжеского дворца и древнего Спасо-Преображенского собора. Эти раскопки помогли составить представление о соотношении этих ранних построек с более поздними сооружениями.

Вновь археологи вернулись к раскопкам в Угличе уже в наши дни. В 1983 г. разведочные работы проводил здесь архитектурно-археологический отряд Ленинградского отделения Института археологии АН СССР и Государственного Эрмитажа под руко-

⁷⁵ Клад в Угличе. — Ярославские губернские ведомости, 1880, № 33 (1 фунт равен 450 г).

⁷⁶ Лествицын В. Еще раз об Угличском кладе. — ЯГВ. № 60.

⁷⁷ Марков А. К. Топография кладов восточных монет. СПб., 1919, с. 54—55, № 314; Тихомиров И. А. Славянское заселение Ярославской губернии. — Труды IV Областного историко-археологического съезда в г. Костроме в июне 1909 г. Кострома, 1914, с. 121; Янин В. Л. Денежно-весовые системы русского средневековья: Домонгольский период. М., 1956, с. 75.

⁷⁸ Тихомиров И. А. Раскопки в Угличском кремле. — Труды Тверской губернской ученой архивной комиссии, 1904, с. 1—24.

водством О. М. Иоаннисяна.⁷⁹ В результате этих пока ограниченных по масштабам исследований удалось найти следы рва, отделявшего с напольной стороны первоначальное мысовое городище Углича, имевшего подтреугольную форму, от остального пространства коренного берега Волги. Этот ров был засыпан в конце XV в. во время расширения Кремля (рис. 15).

Важнейшим итогом является обнаружение культурного слоя X в. на территории Кремля, в котором найдена лепная и гончарная керамика того времени (рис. 16). Кроме того, вскрыты остатки сооружения X столетия. Эти находки дают основание для утверждения, что уже в X в., а может быть, и в IX в. — об этом говорит ранний клад дирхемов, здесь существовало крупное поселение.

В этом свете вряд ли соответствует действительности заключение И. А. Тихомирова о «переносе» города с поселения у Грехова ручья в XII в. Для данного времени перенос, видимо, был бы зафиксирован письменными источниками, как, например, в Переяславле-Залесском. Да и собственно поселение у Грехова ручья носило характер обычного сельского и вряд ли могло быть предтечей города. Просто Углич как городской центр и возникает в XII в. Поэтому он так поздно, а именно в это время, и попадает впервые на страницы летописей.

В общих чертах история развития города по тем скудным данным, имеющимся в нашем распоряжении в настоящее время, представляется следующей.

Древнейшим укрепленным центром города было городище на мысу, образованном в месте впадения Каменного ручья в Волгу. По своим размерам и облику это городище вполне соответствует укрепленным поселениям дьяковской эпохи.

В более позднее время, начиная с IX в., когда Верхневолжье заселяется славянами, городище становится древнерусским центром, являясь детинцем обширного раннегородского поселения. По местным преданиям, в конце X в., а именно в 991 г., здесь была сооружена деревянная церковь Константина и Елены.⁸⁰ Достоверность этого сообщения, к сожалению, проверить не представляется возможным.

Постепенно центром города становится кремль — «крепость града Углича», который включает в себя и первоначальное городище, и его посад. Со всех сторон он был окружен водными преградами: с севера — Волгой, с востока — Каменным ручьем, с запада — Селивановым ручьем, а с юга — рвом, соединявшим друг с другом Селиванов и Каменный ручьи.

⁷⁹ Иоаннисян О. М. Раскопки в Ярославле и Угличе. — АО 1983 года. М., 1984, с. 57—58. Ерохин В. 1) Раскопки в Угличском кремле. — Авангард, 1983, 5 авг.; 2) В Угличском кремле. — Северный рабочий, 1983, 14 авг.

⁸⁰ Евреинев К. К. Прошлое Углича... с. 15.

В начале XIII в. (1219), когда Углич был центром самостоятельного княжества, в кремле размещается резиденция удельных князей и местных церковных властей.

В период татаро-монгольского завоевания летопись ничего не сообщает нам об обороне или разорении города. В связи с этим историки полагают, что Углич был захвачен татаро-монголами с ходу и не подвергся такому разорению, как Владимир.⁸¹

Однако много событий и потрясений было впереди у этого небольшого города. В XV в. волею исторических судеб он оказался в самом центре феодальной войны между московским князем Василием Васильевичем и галицким Дмитрием Шемякой. Именно здесь ослепленный Василий, прозванный Темным, вынужден был переждать лихолетье. Спустя полтора столетия на земле Углича разыгралась целая трагедия, связанная с гибелью царевича Дмитрия. Эти события до сих пор волнуют не только историков-профессионалов. По приказу Бориса Годунова город был подвергнут настоящему разорению. В ссылку отправились не только многие угличане, но и колокол, своим тревожным набатом возвестивший о гибели малолетнего царевича.

А впереди было смутное время. Лжедмитрии один за другим появлялись на Руси. Три с половиной года в Углич вторгались и разоряли его отряды польских авантюристов. И лишь весной 1612 г. он был окончательно освобожден ополчением Минина и Пожарского.

Воистину справедливы слова безымянного угличского летописца, —

«О граде, ты граде. Богоспасаемый граде
Угличе. Горькую чашу испил ты за русскую
Землю».

Широкое историко-археологическое изучение древнего Углича находится только в своем начале, и надо надеяться, что со временем нам удастся более полно и детально реконструировать его начальную историю.

⁸¹ Воронин Н. Н. Зодчество Северо-Восточной Руси XII—XV вв., т. II. М., 1962, с. 130.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В XIII в. страшный ураган татаро-монгольского нашествия обрушился на Русь. Первой его жертвой вслед за Рязанской землей стала Северо-Восточная Русь. Скупые и скорбные строки летописи говорят о гигантских размерах опустошения. Так, многочисленные богатые города Залесской земли с белокаменными храмами, княжьими теремами, боярскими палатами, домами ремесленного и торгового люда, убогими жилищами бедняков в один только миг превратились в руины и пепелища. Однако смерч вражеского нашествия, как ни был он стремителен и беспощаден, не мог стереть с лица земли все то, что было создано в течение веков трудом и талантом русских людей. Сохранились городские укрепления, изящные и в то же время могучие, напоминающие западноевропейские замки, храмы, сооруженные еще до нашествия.

Прошло время, и вновь засияли своим величием Владимир, Суздаль, Ростов Великий, Переславль-Залесский. Историческую эстафету подхватила Москва, которой суждено было из маленькой пограничной крепости Владимиро-Суздальской земли превратиться в «собираательницу» всех русских земель воедино, а затем стать блистательной столицей Русской державы.

В нашей книге мы рассказали лишь о четырех городах Залесской земли — Ростове Великом, Ярославле, Переславле-Залесском и Угличе-Поле. Возникли все они в разное время — Ростов известен летописи с IX в. Ярославль впервые упомянут в XI столетии, а сообщения о Переяславле и Угличе относятся к XII в., хотя отмечается, что существовали они значительно раньше¹. Письменные источники крайне скупо рассказывают о начальных этапах развития этих городов, и основные наши знания можно почерпнуть из данных археологии. Исторические судьбы рассматриваемых нами центров полностью подчиняют-

¹ Воскобойников С. М. Историко-географический очерк развития народного хозяйства области. — В кн.: Природа и хозяйство Ярославской области, ч. II. Хозяйство. Ярославль, 1959, с. 20.

ся общерусским закономерностям становления города и городской культуры, но в то же время обстоятельства возникновения каждого из них своеобразны, и каждый из них имеет свое индивидуальное и неповторимое лицо.

На первом этапе городские предпосылки формируются в племенных финно-угорских центрах типа Сарского городища или Клещина. Постепенно они становятся опорными пунктами славянского заселения северо-востока, включаются в трансъевропейскую торговлю. И лишь тогда появляется возможность для превращения этих центров в ранние города. Вторая линия развития связана с протогородскими торгово-ремесленными центрами Тимеревским, Михайловским, Петровским. Они возникают вне племенных связей и полностью связаны с Великим волжским путем. Конечно, нельзя считать, что протогородские черты не представлены и в племенных центрах, но там они появляются на определенной стадии развития. А протогорода с самого начала явление иное.

И те и другие в конце X—начале XI в. теряют свою главенствующую роль и уступают свое место раннефеодальным городам—Ростову, Ярославлю. В XII в. появляются новые центры, связанные с укреплением и возвышением Владимиро-Суздальской земли. Их типичным представителем является Переяславль-Залесский.

Города Северо-Восточной Руси, безусловно, требуют дальнейшего углубленного изучения, которое возможно лишь при условии широких археологических раскопок.

Данный этап можно считать завершенным, однако это не означает, что все имеющиеся возможности исчерпаны и решены все проблемы, которые стоят перед исследователями древнерусских городов.

**ПИСЬМЕННЫЕ ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ ГОРОДОВ
СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ РУСИ. IX—XIII вв.**

1. «Повесть временных лет» о призвании варягов

«В лето 6370 (862) г.) ...И приях власть Рюрик, и раздая мужем своим грады, овому Полотеск, *овому Ростов*, другому Белоозеро. И по тем городом суть находници варязи, а перьвии насельници в Новогороде словене, в Полотьски кривичи, *в Ростове меря*, в Белеозере весь, в Муроме мурома; и теми всеми обладаше Рюрик» (ПВЛ, ч. 1, с. 18—19).

**2. Ипатьевский вариант «Повести временных лет»
о призвании варягов**

«В лето 6370 (862 г.)... И седе ту княжа и роздая мужем своим во-лости и городы рубити: овому Полтеск, *овому Ростов*, другому Белоозеро. И по тем городом суть находници Варязи; первии насельници в Новогороде—Словене, и в Полотьске—Кривичи, *Ростове—Меряне*, Белеозере—Весь, Муроме—Мурома. И тем всеми обладаше Рюрик» (ПСРЛ, т. II. М., 1962, стб. 13—15).

3. «Повесть временных лет» о княжении Олега и Игоря

«В лето 6415 (907 г.) ...И заповеда Олег дати воем на 2000 корабль по 12 гривен на ключь, и потом даяти уклады на руския грады: первое на Киев, та же на Чернигов, на Переяславль, на Полтеск, *на Ростов*, на Любечь и на прочаа городы; по тем бо городом седяху величии князи, под Олгом суща» (ПВЛ, ч. 1, с. 20—40).

4. «Повесть временных лет» о княжении Владимира Святославича

«В лето 6496 (988 г.)... И посади Вышеслава в Новогороде, а Изяслава Полотьске, а Святополка Турове, а *Ярослава Ростове*. Умершю же старейшему Вышеславу Новогороде, посадиша Ярослава Новогороде, а *Бориса Ростове*, а Глеба Муроме, Святослава Деревех, Всеволоди Володимери, Мстислава Тмуторокани» (ПВЛ, ч. 1, с. 74—89).

5. Первое упоминание о Ярославле

«В лето 6579 (1071 г.)... Бывши бо единою скудости в Ростовьстей области, встаста два волхва *от Ярослава*, глаголюща, яко: «Ве сведе, кто обилье держить». И поидоста по Болзе...» (ПВЛ, ч. I. М.; Л., 1950; с. 112—121).

6. Берестяная грамота новгородца Терентия из Ярославля к Михалю в Новгород с упоминанием Углича (1148 г.)

«От Тереньтея к Михалю. Пришлите лошаки с Яковьцем. Поедут дружина Савина чады. Я на Ярославли, добр, здоров и с Григоремь. Угличане замерзли на Ярославли, Ты до Углича, и ту полк дружина». (Арциховский А. В. Новгородские грамоты на бересте: Из раскопок 1952 г. М., 1954, с. 73.— Однако есть и другая датировка этой грамоты — 1281—1288 гг.— См.: Янин В. Л. Я послал тебе бересту. М., 1965, с. 158—159).

7. Война суздальцев с новгородцами

«В лето 6657 (1149 г.) ... И совокупишася вси на усть Медведици, и оттуда послаша в Суздаль к великому князю Юрью Владимеричю Мономаху послов своих. Он же послов их к ним отпусти, а своего к нимь не посла, и оттуда по Волзе идоша к Снятину, и ко Угличю Полю и к Молозе, даже и до Ярославля, воююще, секуще, жгуще, взяша полону голов болши седми тысящ» (ПСРЛ, т. IX. М., 1965, с. 179).

8. Основание Переяславля-Залесского

«В лето 6660 Юрьи Володимеричь Переяславль переведе от Клещина и заложил град велик (созда болши старого) и церковь постави Святого Сласа в Переяславле...» (ПСРЛ, т. VIII, с. 241).

9. Татаро-монгольское нашествие

«В лето 6745 (1237 г.) ... Той же зимы приидоша от восточных страны на Рязанскую землю, лесом, безбожнии татарове с царем Батыем и, пришедше, сташа первое станом ту Онузе, и взяша Ю и пожогша Ю...»

И поидоша оттоле на великого князя Юрья, а дружини идоша к Ростову, инии же к Ярославлю, и взяша и, а инии поидоша на Волгу и на Городец, и ти поплениша все по Волзе и до Галича Мерьскаго, а инии поидоша к Переяславлю, и тот град взяша, а люди изъсекоша. И оттоле всю ту страну и города многи поплениша: Юрьев, Дмитров, Волок, Тферь, ту тоже и сын Ярославль убиша, и до Торжкы несть места, идеже не воеваша. А на Ростовской и Суздальской земли взяша городов 14, опроче слобод и погостов, в един месяц февраль...» (ПСРЛ, т. I. М., 1962, с. 518).

ТОПОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ ЯРОСЛАВСКОЙ ГУБЕРНИИ 1797 г.¹

О городе Ярославле

«Город Ярославль начало свое восприял при великом князе Ярославе Владимировиче (Л. 9, об.). О сем в древнем летописце так повествуется: „В лето от начала мира 6524 убил Святополк, сын святого и равноапостольного князя Владимира, братьев своих Бориса и Глеба. Борис княжил в Ростове, а Глеб в Муроме, тогда великий князь Ярослав Владимирович прогнал братоубийцу из Киева и потом пошел осмотреть после братьев своих Бориса и Глеба праздных княжений. Егда разделих оных и помирился с братом своим Мстиславом в лето 6532-е, тогда шед из Нова города первое сушею, а потом в судах и Волгою рекою осмотреть Ростовского княжения и ста в 6536-м году на берегу реки Волги, идеже ныне город Ярославль, изволи тут быти граду во свое имя Ярослав, и потом шед той великий князь Ярослав в Ростов и присла всяких мастеров, перевел многих переведенцев

¹ Топографическое описание Ярославской губернии цитируется по публикации А. Б. Дитмара (см.: Дитмар А. Б. Над старинными рукописями. Ярославль, 1972).

жители в нем, а тако быть начало городу Ярославлю". ... Прежде разделен был на три части, называемые: 1. Рубленным городом, потому что при начале оного на первый случай была срублена деревянная крепость, коя и отделяется от других частей города с восточной стороны Волгою, с полуденной Которостью, а с западной и северной рекою Медведицею, коя ныне не иное что, как только сухой ров, однако ж приметно, что была в нем вода и, как предание извещает, служила она, может быть, и проливом между реками Волгою и Которостью; Медведицею ж наименована будто по той причине, что князь Ярослав Владимирович во время нашествия его в Ростов нашел на проливе сем на медведя, коего с помощью свиты своей убил, пролив же назвав Медведицею, городу при основании его в память потомкам оставил герб медведя в серебряном поле стоящего (п. 11, об.) на задних лапах и держащего на левом плече золотую на такой же рукоятке секиру. По концам сказанной реки Медведицы, к рекам Волге Которости построены древние каменные с башнями ворота, каковые и до сих пор, хотя с некоторым от долговременности повреждением, но существуют под названием первые Волгских, а последние Подзеленских. 2. Земляным городом для того, что окружена земляным валом и рвом, кои, простираясь на немалое расстояние полукружьем, примыкаются с восточной стороны к Волге, а с полуденной к Которости; на валу были построены древнего вида каменные башни, из коих одна, кроме двоих с таковыми ж башнями ворот, и ныне есть, а прочие по открытии губернии разобраны и употреблены на публичные здания; вал же с полуденной стороны от реки Которости до ворот, именуемых Угличскими, срыт, а местами застроен..."» (с. 17—20).

О городе Ростове

«Город Ростов лежит ... при озере, которое прежде называлось Неро, а ныне называется по городу Ростовским... О начале сего города, а равно о гербе оного, представляющем серебряного оленя с золотыми рогами, гривною и копытами, стоящего в червленном поле на левую руку, кем, когда и по какому случаю первый построен, а последний пожалован, в летописях не упоминается; но известно только, что Ростов был за долгое время прежде избрания и приходу Рюрика в пределы Российские, и что народ называемый меря и чудь, составляя ростовские владения, имел (л. 23, об.) оный город столичным...» (с. 32—33).

О городе Угличе

«Кем, когда и на какой случай построен сей город и какими людьми первоначально населен был неизвестно; в прежние времена был весьма многолюден и столько обширен... Сей город издревле был удельным Ростовского княжения... Углич разделен на три части: на Земляной город, на посад и слободу: первая часть земляным городом называется потому, что окружена валом и рвом на 272 сажени, отделяющими внутреннюю часть города от посада... 2-я часть, называемая посадом, также обнесена земляным валом и рвом верст на пять» (с. 46—49).

СКАЗАНИЕ О ПОСТРОЕНИИ ГРАДА ЯРОСЛАВЛЯ

(По А. Лебедеву. Храмы Власьевского прихода г. Ярославля.
Ярославль, 1877)

Стр. 6 В тех letech, егда великий князь Киевский Володимир просвети землю Русску светом христьянския веры, тогда сей христолубивый князь даде сыном своим каждому град во одержание, и град великий Ростов со областю предаде сыну своему Борису, а последи брату его Ярославу. Во области же сей, не на мнозе пути от града Ростова, яко на 60 поприщ, при брезу рек Волги и Которосли лежаше некое место, на нем же последи создася

славный град Ярославль. И сие место бысть зело пусто: зане высокая дре-
веса растуца, да травяны пажити точию обретахуся. Человек же обители (?)
единой бысть. И се бысть селище, рекомое Медвежий угол, в нем же насель-
ницы человецы, поганая веры — языцы, зли суще. И весьма страшно место
сие бысть: зане онии человецы живяще точию по своей воли, яко мнози
и грабления и кровпролития верным тварища. В делание же смысленна при-
лепляхуся, егда на звери или лов рыб исходише; держаше же сии люди и
мнози скотии, и сими себя насыщашу; Идол, ему же кланястася сии, бысть
Волос, сиречь скотий бог. И сей Волос, в нем же бес живя, яко и страхи
мнози твори, стояше осреди логовины, нарицаемой Волосовой, отесе же
и скотин по обычаю на пажити изгоняше. Сему многокозненному идолу и ке-
реметь створена бысть и волхв вдан, а сей неугасимый огонь Волосу держа
и жертвенная ему кури. Тако егда прииде первый спут скотия на пажити,
волхв закада ему телца и телциу, в обычное же время от диких зверей
жертвенное сожига, и в неких зело больных,

Стр. 7 днх и от человек. Сей волхв, яко пестун днавола, мудрствуя
силою исконнаго врага, по исходищу воскурения жертвенного разумева и вся
тайная и глагола словеса приключимся ту человеком, яко словеса сего
Волоса. И велими почтен бысть сей волхв у языцев. Но люто и истязуем
бываше, егда огнь у Волоса перста: вслхва по том же дне и часе реши ке-
ремети, и по жребию избра нного, и сей закла волхва и, ражже огонь, сожи-
га в сем труп его, яко жертву точию довольну возвеселити сего грозна бога.
Тако исконный враг рода человеческого омрачи сердце сих человек, и тако
сии человецы жиша мнози леты. Но в некоем лете прилучися Благоверному
Князю Ярославу плыти на ладиях с сильною и великою ратью по реце
Волге, у праваго берега оной, идеже стоя то селище, зовомое Медвежий угол.
Князь узре, яко некии люди жестоци наноси гибель судом, шествовавшим
с товары по Волге; купцы же на суднох сих крепко оборонявшися, но не-
возможе одолети силу окаянных, яко разбойници сии и суда их предаваху
запаленню огненну. Согляда вся творимая, Благоверный Князь Ярослав по-
веде дружине своей устрашити и разгнати шатание сих беззаконных, да спа-
сются неповинни. И дружина Князя храбро приступи на врагов, яко сии
окаяннии нача от страха трепетати и в велии ужасо скоро помчеша в ладиях
по Волге реце, Дружина же Князя и сам Ярослав погнася за невер-
ными, да оружием бранным погубит сих. И, о велия Божия милость, и сколь
неизреченны и неизследимы судьбы его, и кто исповедь милость его к хри-
стианам! молитвам пречистия Богородицы и святых угодников его (?) кня-
жее воинство победи врагов на месте, идеже некое сточие водно исходи в Ко-
торосль, за ним же и селище то стояше. И Благоверный Князь поучи людей
оных, како жити и обиды не творити никому же, а наипаче, дозна богомерзку
всру их, моли их крестигися. И люди сии клятвю у Волоса обеща Князю
жити в согласии и оброцы ему даяти, но точию не хотяху креститися. И тако
Благо-

Стр. 8 верный Князь отыде в престольный град свой Ростов.

Не по мнозем же времени Князь Ярослав умысли паки прибыти в Мед-
вежий угол. И прибы семо со епископом, со пресвитеры, диаконы и церков-
ники, мастера и с воины; но егда вводи в сие селище, люди сего испусти
от клетки некого люта зверя и псов, да растешут Князя и сущих с ним. Но
Господь сохрани Благоверного князя; сей секирою своею победи зверя, а пси,
яко агницы, не прикоснуса никомуждо от них. И, виде безбожнии и зли
люди вся сия, ужасеша и падоша ниц Князю и быша аки мертвы. Благовер-
ный же Князь мощным гласом сим людем возгласи: кто убо вы, не суть ли
тии люди, кои клятвою уверяше пред вашим Волосом верно служити мне,
Князю вашему? Кий же он бог, яко и клятву при нем створенну сами пре-
ступи и попрал? Но весте, яко аз не на потеху зверину или на пир много-
ценна пития испивати пришед, но победу сотворити. И слыша глаголы сия,
невернии люди невозможе отвещевати ни единого словесе. По сем Благо-
верный Князь опасно согляда все место пусто, на утрии же из шатра своего
изнесе икону Богоматери с предвечным Ея Младенцем Господом нашим
Иисусом Христом, и со епископом, и со пресвитеры, и со всем духовным чи-

ном, и с мастеры и с воины прииде на брег Волги, и тамо на острову, его же учреди реки Волга и Которосль и проточие водное, постави на место уготованном икону Богоматери и повеле епископу сотворити пред нею молебное пение и святити воду и сею кропити землю; сам же Благоверный Князь водрузи на земле сей древян крест и ту положи основу святому храму пророка Божия Илии. А храм сей посвятити во имя сего святого угодника, яко хищнаго и лютаго зверя победи в день его. По сем христолюбивый Князь повеле народу рубити дрeвеса и чистити место, идеже умысли и град создати. И тако делатели нача строити церковь святого пророка Илии и град создати. Град сей Благоверный Князь Ярослав назва во свое имя Ярославлем, насели его христианами,

Стр. 9 а в церкви постави пресвитеры, диаконы и клирики.

Но егда же и построися град Ярославль, насельницы Медвежьяго угла не приобщашеся граду, живяше особь и кланяющеся Волосу. Бысть же во дни некия во области сей велия засуха, яко от люта зноя и травы и всяк злак сельный погоре, и бысть в тое время скорбь велия в людех, понеже и скотии к смерти от глада доходиша. В сицевой печали невернии сии человецы моли слезно своего Волоса, да низведет дождь на землю. В сие время, по некоему случаю, проходи у керемети Волосовой един от пресвитер церкви пророка Божия Илии, и сей, узре плачь и въздыхание многое, рече к народу: о несмысленная сердцем! Что слезите и жалостно вопте богу вашему? Илии слепи есте, яко Волос крепко успе, тако возбудят ли его моления ваша и воня жертвенная? Вся сия суетно и ложно яко и сам Волос, ему же вы кланяетесь, точию есть бездушный истукан.

... Тако построися град Ярославль, и создася сия церковь великаго угодника Божия Власия, епископа Севастийскаго.

ПРИЛОЖЕНИЕ № 2

О. М. ИОАННИСЯН.

ЗОДЧЕСТВО СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ РУСИ XII—XIII вв.¹

Пожалуй, нет ни одной другой школы древнерусского зодчества, история которой не была бы столь подробно разработана в науке, как зодчество Северо-Восточной Руси. Памятники владими́ро-суздальской архитектуры еще с середины XIX в. начинают привлекать к себе пристальное внимание. За сто с небольшим лет им было посвящено несколько монографических обзоров (труды Д. Н. Бережкова,² Н. А. Артлебена,³ Л. В. Далья,⁴ В. А. Прохорова,⁵

¹ В связи с тем, что тема, связанная с зодчеством Северо-Восточной Руси указанного периода не ограничивается памятниками, расположенными в городах, о которых идет речь в тексте книги И. В. Дубова, географические рамки настоящего очерка расширены на всю территорию Северо-Восточной Руси XII—XIII вв.

² Бережков Д. Н. О храмах Владимиро-Суздальского княжества XII—XIII вв. — Тр. Владимирской ученой архивной комиссии, т. V. Владимир, 1903, с. 1—146.

³ Артлебен Н. А. Памятники зодчества древней Суздальской области. — Ежегодник Владимирского губернского статистического комитета, III. Владимир, 1880, с. 32—40.

⁴ Даль Л. В. Историческое исследование памятников русского зодчества. — Зодчий, 1872, № 2, с. 9—11; 1875, № 11—12, с. 132—134.

⁵ Прохоров В. Археологический обзор древнейших архитектурных памятников во Владимире и Суздале. — Христианские древности, вып. 3. СПб., 1875, с. 34—63.

С. Строганова,⁶ В. Доброхотова,⁷ Э. Виолле де Дюка,⁸ Н. П. Кондакова и И. Толстого,⁹ И. Э. Грабаря,¹⁰ А. А. Бобринского,¹¹ Ф. Халле,¹² а также фундаментальное исследование Н. Н. Воронина¹³ и работы Г. К. Вагнера о владими́ро-суздальской пластике.¹⁴ Именно северо-восточное зодчество XII—XIII вв. стало «связующим звеном между древнейшим зодчеством Киевской Руси и русским национальным зодчеством XV—XVI вв.»¹⁵ Поэтому история архитектуры Северо-Восточной Руси XII—XIII вв. приобретает особое значение.

В итоге многолетней деятельности Н. Н. Воронина была прослежена картина исторического развития владими́ро-суздальского зодчества. Вышедшая уже более 20 лет назад книга Н. Н. Воронина до сих пор остается самым исчерпывающим исследованием, посвященным средневековой русской северо-восточной архитектуре.

Только в последние годы начинают проводиться исследования, позволяющие дополнить предложенную Н. Н. Ворониным картину. В предлагаемом вниманию читателя очерке дается краткий исторический обзор архитектуры Северо-Восточной Руси в XII—XIII вв. Он основан в основном на материалах исследования Н. Н. Воронина и учитывает то новое, что было получено историко-архитектурной наукой в последние два десятилетия, прошедшие со времени выхода в свет его монографии.

Славянское переселение в Ростово-Суздальскую — «залесскую» — землю сопровождалось активной христианизацией местного населения. В ряде летописей сообщается о том, что епископия в Ростове была учреждена еще в конце X в. — в 991 г. — и первым епископом летописи называют Федора Гречина. В Тверской, Воскресенской, Никоновской летописях и Степенной книге он назван строителем первой дубовой соборной церкви в Ростове, которая была «толико чудна, якова не бывала и потому не будет».¹⁶

Деревянный ростовский собор, сгоревший в 1161 г., вероятно не был единственной деревянной церковью, построенной в ходе христианизации Залесской земли, однако недолговечность материала, приведшая к гибели этих храмов, а также невозможность проследить постройки подобного рода археологически не позволяют прочитать начальные страницы ростово-суздальского зодчества.

Первой монументальной постройкой Северо-Восточной Руси стал собор в Суздале, построенный киевским князем Владимиром Мономахом на рубеже XI и XII в. О его постройке мы узнаем из Киево-Печерского патерика¹⁷ и сообщения Лаврентьевской летописи о замене этого собора новым.¹⁸ В источниках не приводится дата постройки собора, однако, учитывая, что в Лав-

⁶ Строганов С. Дмитриевский собор во Владимире на Клязьме. М., 1849.

⁷ Доброхотов В. Древний Боголюблов город и монастырь. М., 1852.

⁸ Violle le Duc E. L'art russe. Paris, 1877 (русский пер. П. Султанова. М., 1879).

⁹ Кондаков Н., Толстой И. Русские древности. СПб., 1899, вып. VI.

¹⁰ Грабарь И. История русского искусства, т. 1. М., 1910.

¹¹ Бобринский А. А. Резной камень в России, вып. 1. М., 1916.

¹² Halle F. Russische Romanik. Die Bauplastik von Wladimir-Susdal. Berlin; Wien; Zürich, 1929.

¹³ Воронин Н. Н. Зодчество Северо-Восточной Руси XII—XV вв. т. 1. М., 1961; т. 2. М., 1962.

¹⁴ Вагнер Г. К. 1) Скульптура Владимиро-Суздальской Руси. М., 1964; 2) Мастера древнерусской скульптуры. М., 1966; 3) Скульптура Древней Руси. М., 1969; 4) Белокаменная резьба древнего Суздаля. М., 1975; 5) От символа к реальности. М., 1980.

¹⁵ Воронин Н. Н. Зодчество Северо-Восточной Руси, с. 5.

¹⁶ ПСРЛ, т. XV. М., 1965, с. 115; т. VII. СПб., 1856, с. 313—314.

¹⁷ Патерик Киевского Печерского монастыря. СПб., 1911, с. 9.

¹⁸ ПСРЛ, т. I. М., 1962, стб. 445.

рентьевской летописи наряду с Владимиром Мономахом строителем собора называется митрополит Ефрем, умерший в самом начале XII в. (до 1105 г.), Н. Н. Воронин предположил, что наиболее вероятной датой создания Суздальского собора следует считать время второго приезда Мономаха на северо-восток Руси — 1101—1102 гг.¹⁹ Постройка собора в Суздале знаменовала окончательное установление центральной княжеской власти в далекой «Залесской» земле и утверждение в ней христианства. В Киево-Печерском патерике указывается прообраз Суздальского собора — Успенский собор Киево-Печерского монастыря, «в меру» которого он был построен.²⁰

Остатки Мономахова собора в Суздале были раскопаны А. Ф. Дубынным и А. Д. Варгановым²¹ Раскопки показали, что фундамент собора был сложен из булыжников на цемяночном растворе, а стены из плинфы в киевской технике кладки с утопленным рядом.

Благодаря раскопкам удается в общих чертах реконструировать план собора (рис. 19, 1). Он был шестистолпным храмом с нартексом. Однако его нартекс в отличие от киевского собора был отделен от основного объема храма сплошной стеной.

Важной военно-политической акцией Владимира Мономаха на северо-востоке было строительство нового города — Владимира. Под 1108 г. летопись сообщает: «Того же лета свершен бысть град Владимир Залешский Володимиром Мономахом, и созда в нем церковь камену святого Спаса».²² Остатки этого храма до сих пор не обнаружены. Н. Н. Воронин предположил, что церковь Спаса была маленьким четырехстолпным храмом.²³

Собор в Суздале был построен киевскими мастерами в свойственной им традиции. Однако дальнейшего развития на северо-востоке эта традиция не получила. После постройки собора мастера вновь вернулись в Киев и лишь в 1108 г., во время последнего приезда Мономаха в Северо-Восточную Русь, вместе с ним прибыла и группа строителей, возведших дворцовую церковь во Владимире.

Начало сложения архитектурной школы на северо-востоке относится уже к середине XII в. и связано с деятельностью Юрия Долгорукого.

В 40—50-х годах XII в. один за другим появляются новые города, бурный рост которых вызвал к жизни и монументальное строительство. Типографская летопись под 1152 г. сообщает о пяти построенных Юрием храмах — церкви Бориса и Глеба в Кидекше, церкви Георгия во Владимире, Спасском соборе в Переславле-Залесском, церкви Георгия в Юрьеве-Польском и церкви Спаса в Суздале.²⁴ Два — собор в Переславле-Залесском и церковь Бориса и Глеба в Кидекше — дошли до нашего времени, причем первый сохранился почти в первоизданном виде,²⁵ а второй был частично разрушен и затем восстановлен в 60-х годах XVII вв.²⁶

Лучше всего сохранившийся Спасский собор в Переславле-Залесском (рис. 18, 5) представляет собой почти квадратный в плане четырехстолпный

¹⁹ Воронин Н. Н. Зодчество Северо-Восточной Руси XII—XV вв., т. 1, с. 28.

²⁰ Патерик Киевского Печерского монастыря... с. 9.

²¹ Дубынин А. Ф. Из истории изучения Суздальского собора. — СА, 1972, № 2, с. 139—148; Варганов А. Д. Еще раз о Суздальском соборе. — СА, 1977, № 2, с. 249—255; Воронин Н. Н. Зодчество Северо-Восточной Руси XII—XV вв., т. 1, с. 27—32; Раппопорт П. А. Русская архитектура X—XIII вв.: Каталог памятников. — САИ, 1982, вып. Е1-47, с. 59—60.

²² ПСРЛ, т. XX, СПб., 1910, стб. 103.

²³ Воронин Н. Н. Зодчество Северо-Восточной Руси XII—XIII вв., т. 1, с. 44.

²⁴ ПСРЛ, т. XXIV, 1921, стб. 77.

²⁵ Чиняков А. Г. Архитектурный памятник времени Юрия Долгорукого. АН, 1952, вып. 2, с. 43—66.

²⁶ Воронин Н. Н. Зодчество Северо-Восточной Руси XII—XV вв., т. 1, с. 72.

храм, возведенный не в традиционной для древнерусского зодчества плинфной технике, а из тесаных квадров белого камня. Белокаменная резьба в убранстве этого храма сведена к минимуму и состоит из несложного орнамента из волнистых линий, проходящего по карнизу апсид, и зубчатому фризу с аркатурным пояском, а также городчатому фризу в основании купола. Почти лишенный резного белокаменного убранства кубический объем собора, увенчанный главой на массивном барабане, производит впечатление белокаменного монолита. Столь же суровый и аскетический облик имеет и церковь Бориса и Глеба в Кидекше (рис. 18, 6).

Одинаковы и конструктивные особенности фундаментов этих двух памятников. Фундаменты Спасского собора и церкви в Кидекше сложены из крупных булыжников на известковом растворе и имеют необычайно широкую для древнерусского зодчества платформу.

Георгиевский собор в Юрьеве-Польском уже в 1230—1234 гг. был сменен новой постройкой.²⁷ Первоначальный собор в Юрьеве до сих пор практически не исследован. Только в 1909 и 1911 гг. К. К. Романовым²⁸ и в 1960 г. А. В. Столетовым²⁹ в небольших шурфах были вскрыты фундаменты ныне стоящего здания. Фундаменты оказались значительно шире стен. В нижней части они сложены из булыжников, а в верхней — из необработанных кусков белого камня. А. В. Столетов предположил, что фундамент целиком относится к первоначальному зданию.³⁰ Как считает А. В. Столетов, из собора Юрия Долгорукого происходит и проходящий сейчас по апсидам аркатурный пояс.³¹ Вполне вероятно, что план собора 1230 г. в общих чертах повторяет план собора Юрия Долгорукого.³² По всей вероятности, Георгиевский собор также был полностью лишен резного убранства.

Церковь Георгия, построенная Юрием во Владимире (рис. 18, 7), в XVIII в. была разобрана, а на ее фундаментах была возведена новая постройка. Фундаменты церкви XII в. были частично раскопаны Н. Н. Ворониным.³³ Они сложены из булыжников и обломков туфа на белом известковом растворе и на 0,5 м шире стен. Цоколь церкви Георгия сводился лишь к простому уступу. В плане она, как и другие постройки Юрия, представляла собой четырехстолпный храм.

Вопрос о том, откуда в Северо-Восточной Руси при Юрии Долгоруком появилась строительная артель, работавшая в необычной для византийско-русской строительной традиции белокаменной технике, уже давно волновал исследователей. Еще Н. П. Кондаковым и Д. Н. Бережковым была выдвинута гипотеза о том, что романская белокаменная техника была принесена на северо-восток Руси мастерами из Галича, где строительство велось не из плинфы, а из тесаных квадров.³⁴ К этой точке зрения присоединились М. Гру-

²⁷ ПСРЛ, т. I, стб. 455, 460; т. XV, М., 1965, стб. 335.

²⁸ Архив ЛОИА, ф. 29, д. 25, 26, 32, 37.

²⁹ Столетов А. В. Материалы к реконструкции Георгиевского собора 1152 г. города Юрьева-Польского. — В кн.: Культура Древней Руси. М., 1966, с. 263—267.

³⁰ Там же, с. 263.

³¹ Там же, с. 265.

³² А. В. Столетов предполагает, что совпадение планов не ограничивалось основными объемами зданий 1152 и 1230 гг. и что собор Юрия Долгорукого так же, как и постройка Святослава Всеволодовича, имел с трех сторон притворы (см.: Столетов А. В. Материалы к реконструкции Георгиевского собора 1152 г. г. Юрьева-Польского, с. 264—265). Это предположение вызывает сомнение, так как наличие притворов в памятниках середины XII в. не характерно для древнерусской архитектуры, а в других памятниках Юрия Долгорукого и раннегаличских постройках, возведенных теми же мастерами, они совсем отсутствуют.

³³ Воронин Н. Н. Зодчество Северо-Восточной Руси XII—XV вв., т. I, с. 91—100.

³⁴ Кондаков Н., Толстой И. Русские древности, с. 38; Бережков Д. Н. О храмах Владимиро-Суздальского княжества, с. 136—137.

шевский,³⁵ Д. В. Айналов³⁶ и М. К. Каргер.³⁷ Наиболее подробно эта гипотеза была разработана Н. Н. Ворониным.³⁸ Исследования памятников галицкого зодчества не только позволили подтвердить правильность этого предположения, но и выяснить, что эта строительная традиция в самом Галиче обязана своим происхождением романской артели мастеров из Малопольши.³⁹

Начиная строительство на северо-востоке Руси, Юрий Долгорукий, не имевший в своем распоряжении мастеров-строителей, не мог также и обратиться за ними в другие древнерусские земли, так как находился с ними в состоянии войны. Единственным его союзником был галицкий князь Владимир Володаревич. Характер памятников Юрия, почти в точности повторяющих галицкие постройки первой половины XII в. (церковь Иоанна в Перемышле, храм в Звенигороде Галицком и церковь Спаса в Галиче) (рис. 18, 1—3), доказывает это предположение.⁴⁰

Это позволяет нам также объяснить и почти полное отсутствие в постройках Юрия резного декоративного убранства. Н. Н. Воронин считал, что, будучи убежденным грекофилом, Юрий не допускал «романских излишеств» и требовал от мастеров строгого соблюдения византийско-киевских образцов.⁴¹ Однако, как показали исследования галицких памятников первой половины XII в., возведенных теми же мастерами, что и храмы Юрия, белокаменная резьба была применена в них столь же скупо, как и в ранних владимиросуздалских постройках.⁴² Очень важно при этом, что в той группе польских памятников, которой и ранние галицкие, и ранние северо-восточные храмы обязаны своим происхождением (коллегаты в Вислице, Опатове, костелы Иоанна Крестителя в Прандошине и Анджея в Кракове),⁴³ каменная резьба была столь же скупо применена в убранстве здания, а те немногие элементы резного убранства, которые все же применены зодчими, почти полностью совпадают и на Руси и в Польше. Аскетический облик храмов Юрия Долгорукого следует связывать не с грекофильством князя, а с тем, что традиция применения белокаменной резьбы отсутствовала в зодчестве Малопольши, которому его мастера обязаны своим происхождением.

Н. Н. Воронин, опираясь на упоминание всех храмов, построенных Юрием под одним 1152 г., высказал предположение, что они выстроены одновременно разными артелями.⁴⁴ Однако во всех этих постройках видна рука одних и тех же мастеров. Совершенно очевидно, что силами одной артели за год невозможно было выстроить все упоминаемые в летописи храмы.

³⁵ Грушевський М. Історія України-Руси. Львів, 1905, т. III, с. 430.

³⁶ Айналов Д. В. 1) Архитектура черниговских храмов. — В кн.: Тр. Черниговского предварительного комитета по устройству XIV археологического съезда в Чернигове. Чернигов, 1908, с. 173—174; 2) О новых архитектурных находках в Чернигове. — ЗОРСА, т. IX, 1913, с. 330—331.

³⁷ Каргер М. К. Зодчество Галицко-Волынской земли в XII—XIII вв. КСИИМК, 1940, вып. III, с. 17—19.

³⁸ Воронин Н. Н. Зодчество Северо-Восточной Руси, т. 1, с. 107—110. — Одно время Н. Н. Воронин придерживался диаметрально противоположной точки зрения, считая, что не галицкие мастера принесли на северо-восток романскую белокаменную технику кладки, а, наоборот, владимиросуздалские в Галич (см.: Воронин Н. Н. К вопросу о взаимоотношениях галицко-волынской и владимиросуздалской архитектуры XII—XIII вв. — КСИИМК, вып. III, Л., 1940, 22—27), но впоследствии отказался от нее.

³⁹ Иоаннисян О. М. О раннем этапе развития галицкого зодчества. — КСИИМК, 1981, вып. 164, с. 35—42.

⁴⁰ Там же, с. 35—43.

⁴¹ Воронин Н. Н. Зодчество Северо-Восточной Руси XII—XV вв., т. 1, с. 110.

⁴² Иоаннисян О. М. О раннем этапе развития галицкого зодчества... с. 35—39.

⁴³ Swiechowski Z. Budownictwo romanskie w Polsce. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1963, s. 125—129, 190—195, 215—219.

⁴⁴ Воронин Н. Н. Зодчество Северо-Восточной Руси, т. 1, с. 110.

Н. Н. Воронин сам отмечал, что летописная запись, в которой упоминаются построенные Юрием храмы, носит панегирический характер и является списком построек князя из его некролога.⁴⁵ Дата 1152 г. относится, скорее всего, к Спасо-Преображенскому собору в Переславле-Залесском, поскольку его постройка упоминается вместе с переносом города «от Клещина» на р. Трубеж. Церковь Георгия во Владимире Н. Н. Воронин убедительно датировал 1157 г.⁴⁶ а Георгиевский собор в Юрьеве-Польском более точно датируется по сообщению Тверской летописи о строительстве нового храма князем Святославом Всеволодовичем. Под 1230 г. в ней сообщается: «Того же лета Святослав Всеволодович разруши церковь в Юрьеве, еже бе обетшала, юже был преже създал дед его Юрий Долгорукий, а стояла та церковь 80 лет без лета».⁴⁷ Таким образом, мы получаем дату церкви Георгия в Юрьеве-Польском (1151 г.), построенной Юрием Долгоруким.

После перехода Юрия в Киев и его смерти в 1157 деятельность этой группы мастеров не прекратилась. Как мы отмечали выше, в 1157 г. во Владимире возводится церковь Георгия, фактическим строителем которой стал сын Юрия князь Андрей Боголюбский.⁴⁸ С его именем связан новый этап в развитии владими́ро-суздальского зодчества.

В отличие от своего отца, рассматривавшего северо-восток Руси как глухую провинцию, которую он вынужден был отстраивать и укреплять только «для подготовки решительного удара по Киеву».⁴⁹ Андрей Юрьевич, будучи одним из наиболее дальновидных политиков своего времени, прекрасно сознавал, что Киев и Киевская земля, ослабленные постоянными междоусобицами и набегами степняков-кочевников, уже теряют свое общерусское политическое значение, и поэтому предпочел не тратить силы в изнурительной борьбе за удержание киевского престола, а всеми средствами стал укреплять свою «отчину» на северо-востоке. В 1155 г. он самовольно «без отче воли» покидает Вышгород, престол которого являлся последней ступенькой к киевскому, и возвращается в свою северо-восточную «волость» — Владимир,⁵⁰ который отныне все больше и больше начинает претендовать на ту роль среди других русских городов, которая ранее принадлежала Киеву.

Активная строительная деятельность, развитая Андреем Боголюбским, связана в основном с его столицей, ставшей главным городом всей Суздальской земли и претендующей на роль главного города Руси, и парадной княжеской резиденцией Боголюбовым, расположенной недалеко от Владимира.

Строительная программа Андрея была призвана решить задачу архитектурного оформления идеи «приоритета Владимира над Киевом». Постройки, возведенные в его столице, должны были ни в чем не уступать киевским, не только «не подражать им, а затмить и превзойти их».⁵¹

Начало осуществления этого замысла было положено созданием мощных укреплений Владимира, которые были возведены с 1158 по 1164 г.⁵² Построенные Андреем укрепления по своей протяженности значительно превосходили крепость Мономаха.⁵³ В Ипатьевской летописи сообщается, что «князь Андрей бе город Володимерь сидну устроил, к нему же ворота злата доспе, а другая серебром учини».⁵⁴

⁴⁵ Там же, с. 55 (прим. 14).

⁴⁶ Там же, с. 92.

⁴⁷ ПСРЛ, т. XV, стб. 355.

⁴⁸ Воронин Н. Н. Зодчество Северо-Восточной Руси, т. 1, с. 92.

⁴⁹ Там же, с. 55.

⁵⁰ ПСРЛ, т. 1, стб. 348.

⁵¹ Воронин Н. Н. Зодчество Северо-Восточной Руси, т. 1, с. 316.

⁵² Воронин Н. Н. 1) Социальная топография Владимира и «чертеж» 1715 г.—СА, VIII, с. 164; 2) Оборонительные сооружения Владимира XII в.—МИА, № 11, 1949, с. 203—215; 3) Зодчество Северо-Восточной Руси, т. 1, с. 128—148.

⁵³ ПСРЛ, т. IX, стб. 211.

⁵⁴ Там же, т. II, стб. 582.

Вызов, брошенный древней столице — Киеву, заключался и в том, что в состав владимирских стен была включена, подобно тому как это было в Киеве в эпоху его расцвета, каменная проезжая башня с надвратной церковью, названная, как и в Киеве, Золотыми воротами.

Золотые ворота во Владимире дошли до нас в сильно искаженном виде. Однако, как показали обнаруженные и опубликованные Н. Н. Ворониным обмерные чертежи, выполненные в 1779 г. Н. фон Берком и А. Гусевым,⁵⁵ еще в конце XVIII в. ворота не только стояли на всю свою высоту, но и сохраняли древнюю надвратную церковь (рис. 18, 8).

Еще до находки чертежей Н. фон Берка и А. Гусева Н. Н. Воронин указывал на наличие в сохранившихся частях памятника черт, свойственных постройкам Юрия Долгорукого (суровая монолитность кладки, карнизы в форме четверти вала).⁵⁶ Обмерные чертежи 1779 г., показывающие Золотые ворота в их подлинном виде, окончательно укрепляют в этом мнении. На них изображен маленький четырехстолпный храмик, план которого является точной копией планов церкви Юрия Долгорукого.⁵⁷ Фасад Ризоположенской надвратной церкви на Золотых воротах такой, как его изображает один из чертежей Н. фон Берка и А. Гусева, также демонстрирует нам почти лишенный декоративного убранства (за исключением аркатурного, зубчатого и городчатого поясков на барабане) облик храма, в уменьшенном виде до деталей копирующего такие постройки, как собор в Переяславле-Залесском и церковь в Кидекше.⁵⁸ Учитывая определенную стандартность мышления зодчего галицких князей и Юрия Долгорукого, мы не можем сомневаться, что перед нами постройка, выдающая руку тех же мастеров. Однако Золотые ворота стали последним сооружением, возведенным этой артелью. В следующих постройках Андрея Боголюбского на смену суровой простоте приходит эффектная репрезентативность, свидетельствующая о совершенноном творческом почерке возводивших их мастеров. Возникает вопрос, что же стало с артелью Владимира Галицкого и Юрия Долгорукого? Если учесть промежуток времени, прошедший с конца 10-х — начала 20-х годов XII в., когда была возведена первая постройка этих мастеров на Руси — церковь Иоанна в Перемышле,⁵⁹ до начала 60-х годов XII в., когда была освящена надвратная Ризоположенская церковь на Золотых воротах, можно понять, что зодчий, стоявший во главе этой артели, к моменту завершения строительства владимирских укреплений находился в преклонном возрасте (нужно помнить, что в Перемышле из Польши он должен был прийти уже сложившимся мастером), и мог уже и умереть. Поэтому обширная строительная программа Андрея Боголюбского была поручена уже другому зодчему.

Первой работой новых мастеров было создание Успенского собора во Владимире, начатого в 1158 г. и законченного в 1160 г.⁶⁰ Андрей предполагал, что он станет не просто епископской кафедрой, но и центром русской митрополии, которую князь собирался перевести во Владимир из Киева.⁶¹

⁵⁵ Воронин Н. Н. Зодчество Северо-Восточной Руси, т. I, с. 137—138, 144—147.

⁵⁶ Воронин Н. Н. Оборонительные сооружения Владимира... с. 207.

⁵⁷ Воронин Н. Н. Зодчество Северо-Восточной Руси, т. I (рис. 45).— Интересно, что до находки чертежей 1779 г. Н. Н. Воронин сомневался в том, что надвратная церковь на своде Золотых ворот была четырехстолпным храмом, и считал, что она должна была быть бесстолпной (см.: Воронин Н. Н. Оборонительные сооружения Владимира... с. 212). Однако обнаруженные исследователем чертежи Н. фон Берка и А. Гусева заставили его изменить свою точку зрения (см. Воронин Н. Н. Зодчество Северо-Восточной Руси, т. I, с. 144—145).

⁵⁸ Воронин Н. Н. Зодчество Северо-Восточной Руси, т. I (рис. 44).

⁵⁹ Zak A. Przemyska cerkiew księcia Wolodara w świetle zrodeł pisanych i archeologicznych.—Sprawozdania z posiedzeń komisji naukowych oddziału PAN w Krakowie, styczeń — czerwiec, 1968, 48.

⁶⁰ ПСРЛ, т. I, стб. 348; т. XVI. СПб., 1889, стб. 310.

⁶¹ Там же, т. IX, стб. 222.

Несмотря на то, что Андрею Боголюбскому так и не удалось утвердить русскую митрополию во Владимире,⁶² Успенский собор приобрел значение одной из главных общерусских святынь. Успенский собор Андрея Боголюбского, пострадавший в 1185 г. от большого пожара, в течение 1185—1189 гг. был «обновлен» Всеволодом Большое Гнездо. «Обновление» собора фактически вылилось в создание новой постройки, о которой речь будет идти ниже, однако основное ядро собора Андрея Боголюбского было сохранено Всеволодом и включено в состав нового здания (рис. 19, 2).⁶³

Так же, как и постройки Юрия Долгорукого, Успенский собор сложен из тесаных квадров на белом известковом растворе, а его фундаменты — из круглых речных булыжников.

Однако это уже не четырехстолпный храм, а грандиозное шестистолпное сооружение (рис. 19, 3). На смену суховатой геометричности формы приходит изысканность в прорисовке деталей плана, пластическом решении фасадов. Если в ранних постройках декоративная резьба была сведена к минимуму, то в Успенском соборе она играет весьма значительную роль. Его цоколь еще имеет форму простого уступа, но лопатки уже украшаются полуколонками с аканфовыми капителями, в уровне отлива появляется аркатурно-колончатый фриз, колонки которого опираются на резные консоли, пяты подпружных арок покоятся на плитах-нипостах с рельефными изображениями львов, в верхней части тимпанов закомар появляются скульптурные композиции, а над капителями фасадных полуколонок — скульптурно обработанные водометы.⁶⁴ Купол собора, его барабан и колонки аркатурно-колончатого пояса были окованы золоченой медью.⁶⁵

Н. Н. Воронину удалось, опираясь на наблюдения А. В. Столетова, установить, что Успенский собор 1158—1160 гг. представлял собой сложный архитектурный организм — к основному объему храма с трех сторон примыкали притворы, а переходы связывали храм с епископским дворцом. Н. Н. Воронин не исключал и возможности того, что к югу от юго-западного членения здания находилась симметричная пристройка, также связанная с ходом на хоры собора.⁶⁶

В 1160 г. в огне большого пожара погиб древний деревянный собор в Ростове.⁶⁷ В следующем году Андрей Боголюбский посылает своих мастеров в Ростов для того, чтобы на месте древней «чудной» церкви заложить новую, но уже каменную. Первоначально был заложен небольшой храм, ко-

⁶² Голубинский Е. История русской церкви, т. I, ч. I, с. 330—332; Вальденберг В. Древнерусские учения о пределах царской власти. Пг., 1916, с. 118—120; Приселков М. Д. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X—XII вв. — Записки историко-филологического факультета С.-Петербургского университета, ч. CXVI. СПб., 1913, с. 396—398; Соколов П. Русский архиерей из Византии. Киев, 1913, с. 128—158; Воронин Н. Н. Зодчество Северо-Восточной Руси, т. I, с. 119—120.

⁶³ Раппопорт П. А. Русская архитектура X—XIII вв... с. 51—52.

⁶⁴ Воронин Н. Н. Зодчество Северо-Восточной Руси, т. I, с. 169—187; Вагнер Г. К. Скульптура Древней Руси... с. 95—121; Огнев Б. А. О позакомарных покрытиях (к вопросу реставрации позакомарных покрытий храмов Северо-Восточной Руси XII—XV вв.). — АН, вып. 10. М., 1958, с. 51—52. — М. А. Ильин высказал предположение, что первоначально над аркадами закомар собора 1158 г. были белокаменные шпильцы и, таким образом, закомары имели не криволинейное, а пофронтонное покрытие, подобно памятникам романской архитектуры Ломбардии. Высказывая это предположение, М. А. Ильин опирался на материалы обследования верхних частей собора, проведенного в 1880-х годах И. Е. Забелиным, А. М. Павлиновым и В. К. Трутовским (см.: Ильин М. А. Забытые открытия (к вопросу о первоначальных формах завершения Успенского собора во Владимире). — В кн.: Памятники истории и культуры, вып. 2. Ярославль, 1983, с. 109—123).

⁶⁵ Воронин Н. Н. Зодчество Северо-Восточной Руси, т. I, с. 170, 185.

⁶⁶ Там же, с. 168—169 (рис. 59).

⁶⁷ ПСРЛ, т. XV, стб. 230.

торый, однако, в процессе строительства был расширен по просьбе ростовцев. Уже в 1204 г. собор обрушился и был заменен новым.⁶⁸ В 1213—1231 гг. на основаниях собора Андрея Боголюбского князем Константином Ростовским был выстроен еще один храм (см. о нем ниже), смененный, в свою очередь, постройкой XVI в.⁶⁹

Археологические исследования, проведенные Н. Н. Ворониным, дали возможность установить, что под зданием существующего собора лежат остатки как собора XIII в., так и собора 1161—1162 гг.⁷⁰

Собор Андрея Боголюбского в Ростове относился к тому же шестистолпному типу храма, что и Успенский собор во Владимире, однако значительно превосходил его размерами (рис. 19, 4).

Судя по находке клинчатой консоли от аркатурно-колончатого пояса, можно считать, что и ростовский собор Андрея Боголюбского, подобно Успенскому собору 1158—1160 гг. во Владимире, был украшен белокаменной резьбой.

По всей вероятности, сразу же после завершения Успенского собора в Ростове Андрей Боголюбский ставит во Владимире церковь Спаса.⁷¹ В разных летописях приводятся разные даты ее постройки: Никоновская летопись относит дату закладки церкви к 1160 г., Тверская — к 1162, а Лаврентьевская — к 1164 г. Н. Н. Воронин считает, что, «видимо, ближе к истине версия Тверского летописного сборника об основании храма в 1162 г.», и датирует время строительства церкви 1162—1164 гг.⁷²

Как было сказано, первая церковь Спаса была построена во Владимире при Мономахе и была разрушена еще в древности. Храм, построенный Андреем Боголюбским, также не дошел до нашего времени, однако место его определяется очень точно. Церковь Спаса простояла до 1778 г. Ее изображение есть на «чертеже» Владимира 1715 г.,⁷³ однако обобщенные формы рисунка не дают возможности судить о характере храма. Остатки церкви 1162—1164 гг. были найдены Н. Н. Ворониным при проведении разведочных работ.⁷⁴ К сожалению, ограниченный характер раскопок позволил только установить факт наличия нижних частей фундамента церкви Андрея Боголюбского под зданием XVIII в. План древнего храма прослежен не был. В то же время трехчастное деление лопатками фасадов церкви XVIII в., наличие в ее убранстве перспективного портала и аркатурно-колончатого пояса, имитация квадратной кладки по белой штукатурке свидетельствуют о том, что строители конца XVIII в. «сознательно стремились воспроизвести формы разрушившегося в пожар 1778 г. храма».⁷⁵

Наряду со строительством в самом Владимире князь Андрей вел работы по созданию своей парадной загородной резиденции в с. Боголюбове. В «Повести об убиении Андрея Боголюбского», дошедшей до нас в составе Ипатьевской летописи, об этом говорится так: «Создал же бияшет себе город камень именем Боголюбый толь далече, яко же Вышегород от Киева тако же и Боголюбый от Володимеря».⁷⁶

⁶⁸ Там же, т. VII, стб. 112.

⁶⁹ Там же, т. I, стб. 406; Раппопорт П. А. Русская архитектура X—XIII вв... с. 61—62; см. также: Баниге В. Кремль Ростова Великого XVI—XVII вв. М., 1976, с. 6—7, 49—66.

⁷⁰ Воронин Н. Н. Зодчество Северо-Восточной Руси, т. 1, с. 187—196.

⁷¹ Там же, с. 197—200; Раппопорт П. А. Русская архитектура X—XIII вв. ... с. 56.

⁷² Воронин Н. Н. Зодчество Северо-Восточной Руси, т. 1, с. 197.

⁷³ Там же, с. 197—199 (прим. 8, рис. 82).

⁷⁴ Там же, с. 199.

⁷⁵ Там же, с. 198.

⁷⁶ ПСРЛ, т. II, стб. 580; см. также: Повесть об убиении Андрея Боголюбского. — В кн.: Памятники Литературы Древней Руси. XII в. М., 1980, с. 324.

В приведенном летописном фрагменте Боголюбово называется городом, хотя по сути это был не город в прямом смысле этого слова, а укрепленный замок-резиденция.

В летописном тексте «Повести об убиении Андрея Боголюбского» говорится о том, что Боголюбово был «град камней». Каменные крепости на Руси в домонгольскую эпоху были явлением исключительным,⁷⁷ поэтому поначалу исследователи не доверяли этому известию,⁷⁸ однако археологические раскопки, проведенные в Боголюбове в 1925 г. Г. Ф. Корзухиной, в 1934 г. Н. Н. Ворониным и в 1954 г. П. А. Раппопортом, открыли остатки каменной оборонительной стены, опоясывавшей замковый холм.⁷⁹ Внутри стен располагался комплекс каменных построек дворцового ансамбля.

Ансамбль Боголюбовского замка, уже с XIII в. ставший монастырем, сильно пострадал во время татаро-монгольского нашествия, когда погибла часть оборонительных сооружений (летопись XVIII в., составленная игуменом Боголюбовского монастыря Аристархом, сообщает, что во время взятия монголами Боголюбова его ворота были «испровержены до земли»⁸⁰, и, судя по материалам раскопок, пострадал и сам дворец, однако остальные постройки продолжали существовать еще довольно долго, но в XVIII в. были разобраны, а на месте древнего собора в 1751 г. был построен новый храм.⁸¹ До нашего времени от комплекса белокаменных построек Боголюбова-города дошли нижние части стен собора, лежащие в основании храма XVIII в., и лестничная башня, расположенная к северу от собора, с переходом, который вел из башни прямо на хоры.

Археологические исследования, проведенные Н. Н. Ворониным в Боголюбове в 1934—1938 гг., дали возможность с большой степенью полноты представить себе облик этого уникального ансамбля, что нашло отражение в графической реконструкции памятника, выполненной исследователем (рис. 19, 3).⁸²

Главным сооружением ансамбля был Рождественский собор (рис. 12, 2). Этот четырехстолпный храм поражаed современников своим величием. Автор «Повести об убиении Андрея Боголюбского» сравнивает его с храмом царя Соломона и называет «изъмечтанным всею хитростью».⁸³ «Церковь преславну святая Богородица рождества посреде города камени создавъ Боголюбом и удиви ю паче всех церквин; подобна тое святая святых, юже бе Соломон царь премудрый создал, тако и сии князь благоверный Андри и створи церковь сию в память себе», — пишет автор «Повести». Описывая храм, он подчеркивает, «все бо видевшею не могут сказати изрядныя красоты ея». Далее он пишет, что «извну церкви от верха и до полу, и по стенам, и по столпом ковано золотом, и двери же и ободверье церкви златом же ковано».⁸⁴ Исследования собора показали, что это не преувеличение

⁷⁷ Кирличников А. Н. Ладога и Переславль Южный — древнейшие каменные крепости на Руси. — ПК НО — 1977. 1977. с. 427—428.

⁷⁸ Воронин Н. Н. 1) Зодчество Северо-Восточной Руси, т. 1, с. 204; 2) Владимир. Боголюбово. Суздаль. Юрьев-Польской. М., 1965, с. 110.

⁷⁹ Воронин Н. Н. Зодчество Северо-Восточной Руси, т. 1, с. 204—208; Раппопорт П. А. 1) Очерки по истории военного зодчества Северо-Восточной и Северо-Западной Руси X—XV вв. — МИА, 1961, № 105, с. 130; 2) Русская архитектура X—XIII вв. ... с. 58.

⁸⁰ Летопись Боголюбова монастыря с 1158 по 1170 г., составленная по монастырским актам и записям настоятелем оной обители игуменом Аристархом в 1767—1769 гг. Сообщил архимандрит Леонид. — ЧОИДР, 1878, кн. 1, с. 6.

⁸¹ Раппопорт П. А. Русская архитектура X—XIII вв. ... с. 57; Воронин Н. Н. Зодчество Северо-Восточной Руси, т. 1, с. 208—210.

⁸² Воронин Н. Н. Зодчество Северо-Восточной Руси, т. 1 (рис. 122, 126).

⁸³ Повесть об убиении Андрея Боголюбского... с. 324.

⁸⁴ Там же.

летописца — на косяках и колонках западного портала до сих пор сохранились гвозди с кусочками золоченой меди, которой он был окован.⁸⁵

В убранстве Рождественского собора существенную роль играла белокаменная резьба⁸⁶ — при раскопках были найдены фрагменты резных водометов, скульптурные женские маски, фрагменты резных изображений птицы (или грифона) и зверя. В кладке собора XVIII в. сохранились три львиные маски, происходящие из древнего собора. Как предполагает Г. К. Вагнер, изображения птиц и зверей входили в состав скульптурной композиции «Царь Давид среди зверей».⁸⁷ Такие композиции могли находиться в тимпанах центральных закомар. Архивольты перспективных порталов храма были украшены орнаментальной резьбой, а колонки аркатурно-колончатого пояса и фасадные полуколонны завершались аканфовыми капителями.⁸⁸

Характер пластического решения фасадов Боголюбовского собора значительно усложняется, цоколь приобретает выразительный аттический профиль, усложняется профиль наружных пилястр, которые получают дополнительные полуколонки.

Не менее пышно украшенным был и интерьер Рождественского собора. Автор «Повести» говорит о том, что он настолько был украшен «иконами многоценными, златом и камнем драгим, и жемчугом великим безценным», что больно было смотреть — «не како зрети, зане вся церкви бяше золота».⁸⁹ Утверждая, что внутри «вся церкви бяше золота», он нимало не погрешил против истины — помимо находившихся в храме многочисленных драгоценностей, особый блеск и сияние придавал интерьеру собора пол, который был устроен из полированных плит красной меди.⁹⁰ Сияние этого пола и всего находившегося в храме «узорочья» и ослепляло находившихся там так, что «не како зрети».

Зодчий сделал все, чтобы превратить интерьер собора в парадный дворцовый зал — крестчатые столбы заменены здесь на круглые столбы-колонны, покоящиеся на профилированных базах, и завершившиеся резными аканфовыми капителями.⁹¹ Хоры находились не на середине высоты столбов, а «были сильно приподняты по сравнению с их обычным положением».⁹² Это еще больше придавало интерьеру зальный характер, так как высвобождало значительную часть западного объема интерьера, обычно сильно затемненного низко расположенными хорами.

Наряду с медными плитами пола при раскопках в соборе были найдены и майоликовые плитки, которыми, как убедительно доказал Н. Н. Воронин, был вымощен пол на хорах. Среди них были найдены фрагменты плиток, на которых в технике подглазурной росписи были нанесены орнаменты и изображения грифонов и птиц.⁹³

С северной стороны к собору примыкает корпус перехода, соединяющего лестничную башню с хорами (рис. 19, 1). Башня и переход хорошо сохранились до нашего времени. Корпус перехода представляет собой прямоугольное в плане двухъярусное сооружение, первый этаж которого является проездной аркой, а второй состоит из небольшого прямоугольного сводчатого помещения, имеющего два выхода: один на хоры собора, а второй на верхнюю площадку лестничной башни.

Лестничная башня также представляет собой двухъярусную квадратную в плане постройку, в которой размещена перекрытая ползучим сводом винто-

⁸⁵ Воронин Н. Н. Зодчество Северо-Восточной Руси, т. 1, с. 214 (рис. 95).

⁸⁶ Вагнер Г. К. Скульптура Древней Руси... с. 66—87.

⁸⁷ Там же, с. 74—76 (рис. 40).

⁸⁸ Там же, с. 85—87.

⁸⁹ Повесть об убиении Андрея Боголюбского... с. 324.

⁹⁰ Воронин Н. Н. Зодчество Северо-Восточной Руси, т. 1, с. 225—

⁹¹ Летопись Боголюбова монастыря... с. 15.

⁹² Воронин Н. Н. Зодчество Северо-Восточной Руси, т. 1, с. 220.

⁹³ Там же, с. 225—227.

вая лестница. Лестница выводит на площадку, расположенную на втором ярусе башни, откуда можно было выйти в двух направлениях. Южный проем, как мы уже видели, выходит на переход, ведущий на хоры собора, а северный, в настоящее время заложенный, выходит теперь просто во двор. В древности этот проем соединял лестничную площадку с еще одним переходом, который вел в княжеский дворец — «полаты».⁹⁴ Таким образом, из башни можно было попасть и во дворец, и на хоры собора (рис. 19, 1). В свою очередь, князь мог попасть из своих покоев на хоры собора, пройдя на уровне 2-го яруса по переходам и сеням.

К югу от собора находилась еще одна лестничная башня, также соединенная переходом с хорами. Фундаменты южного перехода и южной лестничной башни были вскрыты раскопками (рис. 19, 1).⁹⁵ В отличие от северной башни южная была проездной.

Хорошо сохранившиеся северная башня и переход дают возможность представить себе, каким было убранство этих компонентов ансамбля. Переход украшен на фасадах аркатурно-колончатый поясом с резными капителями и поребриком. Эти же детали мы видим и на фасадах башни, причем на западном фасаде аркатурно-колончатый пояс проходит и по 1-му, и по 2-му ярусам. На 2-м ярусе восточного фасада башни находится романское по своему характеру трифорное окно, пять арочек которого опираются на колонки с резными капителями. Так же, как и у собора, углы башни обработаны сильно выступающими по диагоналям колонками. Находка поливных керамических плиток при раскопках южного перехода свидетельствует о том, что из них были набраны полы переходов.⁹⁶

Сохранившиеся части ансамбля дают возможность увидеть интересную особенность творческого мышления средневековых зодчих — все фасады отдельных компонентов комплекса обработаны декоративными деталями, даже там, где к ним примыкают фасады следующего компонента, тем самым закрывающие и даже частично уничтожающие уже завершенный декор. Однако это вовсе не свидетельствует о том, что строительство всего комплекса было разновременным. Совершенно очевидно, что строительство перехода и башни велось по единому замыслу — ведь без башни невозможно было бы попасть и на переход, и на хоры собора, — однако фасад башни, примыкающий к переходу, перекрывает аркатурно-колончатый пояс последнего, а фасад перехода, в свою очередь, накладывается на аркатурно-колончатый пояс собора. С подобным же приемом мы сталкиваемся не только в Боголюбове, но и в последующих памятниках владими́ро-суздальского зодчества. Он обусловлен особенностями строительного процесса средневековья, при котором «каждый этап строительства завершался полностью, включая внешнюю отделку, независимо от того, был ли этот этап окончательным или только промежуточным».⁹⁷

Территория замка Андрея Боголюбского была вымощена белокаменными плитами. Для стока воды с каменной мостовой были устроены желоба-каналы, высеченные в плитах мощения.⁹⁸ Перед западным порталом храма возвышался белокаменный киворий, увенчанный шатром.⁹⁹ Здесь же, вероятно, стоял и уникальный в древнерусском искусстве монумент-столп, увенчанный капителем с изображениями женских ликов с нимбами.¹⁰⁰ По предположению Г. К. Вагнера, это был сакральный монумент, посвященный культуре богородицы, покровительницы Владимиро-Суздальской Руси.¹⁰¹

Точное время постройки Боголюбовского замка неизвестно. Из сообщения Новгородской IV летописи, мы знаем только дату начала его строитель-

⁹⁴ Там же, с. 234—240.

⁹⁵ Там же, с. 244—246.

⁹⁶ Там же, с. 240.

⁹⁷ Раппопорт П. А. Древнерусская архитектура. М., 1970, с. 46.

⁹⁸ Воронин Н. Н. Зодчество Северо-Восточной Руси, т. 1, с. 235.

⁹⁹ Там же, с. 251—258.

¹⁰⁰ Вагнер Г. К. Скульптура Древней Руси... с. 88—94.

¹⁰¹ Там же.

ства — 1158 г.¹⁰² Время возведения оборонительных стен определяется исходя из того, что при раскопках были прослежены три строительные прослойки, свидетельствующие о том, что их строительство заняло три строительных сезона — с 1158 по 1160 г.¹⁰³ Общий срок возведения всего ансамбля определяется Н. Н. Ворониным в пределах с 1158 по 1165 г.— год сооружения неподалеку от замка церкви Покрова на Нерли.¹⁰⁴ «Было бы странно,— пишет исследователь,— строить этот храм, когда главное сооружение — княжеский дворец — не было окончено».¹⁰⁵

Хорошо сохранившаяся до нашего времени церковь Покрова, расположенная в километре от Боголюбова,— один из лучших памятников русского зодчества.

Точное время постройки храма удастся выяснить из уже упоминавшегося жития князя Андрея, где говорится о том, что в 1165 г. после смерти своего сына Изяслава, умершего от ран, полученных в походе на Волжскую Болгарию, князь Андрей в память о нем «нача здати церковь во имя Пресвятыя Богородицы Честнаго ея Покрова, на устьи реки Нерли... и, помощью Пресвятыя Богоматере, оную церковь одним летом соверши».¹⁰⁶

Так же, как и дворцовый собор, церковь Покрова представляет собой небольшой четырехстолпный храм, план которого явно прорисован рукой того же зодчего (рис. 19, 4). Как и в соборе Рождества, се пилястры дополняются полуколонками, на углах здания образующими диагональные выступы, а апсиды обработаны тонкими тягами. Правда, в отличие от Рождественского собора столбы церкви Покрова не круглые, а традиционно крестчатые. И в этом храме значительная роль принадлежит пластической разработке фасада. Этой цели служат и перспективные порталы с украшенными резьбой архивольтами и колонками, аркатурно-колончатые пояски, а также белокаменные рельефы — скульптурные композиции в тимпанах закомар, женские маски под тимпанными композициями и изображения львов по сторонам окон центральных членений фасадов.¹⁰⁷

Скульптура есть и в интерьере храма — как и в Успенском соборе во Владимире, подпружные арки церкви Покрова опираются на плиты с изображениями лежащих львов.¹⁰⁸

Таким образом, совершенно очевидно, что церковь Покрова — произведение того же зодчего, что и Успенский собор во Владимире, и дворцовый Рождественский собор в Боголюбове. Однако и от того, и от другого соборов церковь на Нерли отличается особым благородством и изысканной утонченностью. Оно поражает законченностью своих форм и общего облика, однако, как показали археологические исследования, существующее ныне здание является лишь центральным ядром существовавшего здесь в древности сооружения, и ранее храм имел более монументальный и торжественный облик.

Раскопками, проведенными в середине XIX в. Н. А. Артлебенем и в 1954—1955 гг. Н. Н. Ворониным, были обнаружены основания галерей, с трех сторон опоясывавших храм.¹⁰⁹ В юго-западном углу основание галереи образует утолщение — здесь располагалась заключенная в толще стены лестница, по которой можно было подняться на крышу галереи и, пройдя по ней, войти в дверь, расположенную в верхнем ярусе западного членения южной стены, попав, таким образом, на хоры.¹¹⁰

¹⁰² ПСРЛ, т. IV. СПб., 1841, с. 10.

¹⁰³ Воронин Н. Н. Зодчество Северо-Восточной Руси, т. 1, с. 207, 260—261.

¹⁰⁴ Там же, с. 260—261.

¹⁰⁵ Там же, с. 261.

¹⁰⁶ Доброхотов В. Древний Боголюбов город и монастырь, с. 70.

¹⁰⁷ Вагнер Г. К. Скульптура Древней Руси... с. 125—144, 146—149.

¹⁰⁸ Там же, с. 150—152.

¹⁰⁹ Воронин Н. Н. Зодчество Северо-Восточной Руси, т. 1, с. 274—

301.

¹¹⁰ Там же, с. 285—286.

Галереи церкви Покрова на Нерли примкнули к уже полностью отделанным фасадам храма, частично закрыв и разрушив их декор. Это дало основание ряду исследователей поставить под сомнение изначальность галерей и считать их более поздними пристройками.¹¹¹ Однако, как мы уже видели на примере Боголюбского замка, пристройка очередного компонента сооружения к полностью законченной фасадной поверхности была особенностью творческого процесса средневековых строителей. Раскопками Н. Н. Воронина были обнаружены важнейшие конструктивные особенности фундаментов храма и галерей, не только подтверждающие единовременность их создания, но и свидетельствующие о блестящем инженерном таланте зодчего, работавшего у Андрея Боголюбского. Выяснилось, что основания стен храма и галерей уходят вниз от дневной поверхности холма, на котором стоит церковь, на весьма значительную глубину — до 3,70 м — и сложены в той же технике квадратной кладки, что и наземные стены. И только под ними начинаются фундаменты, сложенные из булыжников. Таким образом, общая мощность оснований наземных частей храма достигала необычной для древнерусского зодчества глубины — 5,30 м.¹¹²

Наблюдения над стратиграфией показали, что первоначально место, на котором был выстроен храм, было очень низким. Уровень его дневной поверхности был тот же, что и у окружающей территории нерльско-клязьминской поймы. Если бы церковь была поставлена на этом уровне, она постоянно заливалась бы водой при весенних паводках. Поэтому строителями церкви Покрова на Нерли была решена беспрецедентная в древнерусском зодчестве инженерно-конструктивная задача — на фундаментах из булыжников были возведены высокие белокаменные основания под галереи, стены и столбы храма, а промежутки между ними на всю высоту были засыпаны землей. Таким образом, был создан искусственный холм, позволивший поднять храм высоко над заливаемой территорией (рис. 19, 5).¹¹³ Поверхность этого искусственно-го холма была облицована белокаменными и туфовыми плитами, что превращало его в своеобразный каменный пьедестал, на котором возвышался окруженный галереями храм (рис. 19, 6).¹¹⁴

Если бы храм и галереи возводились не одновременно, то картина фундаментов и стратиграфическая ситуация были бы совершенно иными.

Несмотря на то, что раскопками Н. Н. Воронина была доказана одновременность сооружения церкви и окружавших ее галерей, до сих пор продолжают появляться бездоказательные попытки опровергнуть реконструкцию Н. Н. Воронина. Так, например, в 1973 г. художником П. Н. Аркатовым был предложен вариант графической реконструкции церкви Покрова на Нерли, где открытые при раскопках Н. А. Артлебена и Н. Н. Воронина кладки трактовались как основание защитной стенки, ограждавшей храм от половодий.¹¹⁵ Эта реконструкция была подвергнута обоснованной критике П. А. Раппопортом.¹¹⁶

Очень важное открытие, окончательно доказывающее одновременность церкви Покрова на Нерли и окружавших ее галерей, было сделано в недавнее время С. М. Новаковской. Еще в 1960-х годах Н. Н. Воронин, определяя характер перекрытия галерей в виде плоского бревенчатого наката, писал о том, что единственное место, где перекрытия галерей могли примыкать к фасадам храма, — это узкая полоса между консолями аркатурно-колончатого пояса и верхними архивольтами порталов. Однако, как отмечал иссле-

¹¹¹ Там же, с. 276—277.

¹¹² Там же, с. 277—278.

¹¹³ Там же.

¹¹⁴ Там же, с. 281—285.

¹¹⁵ Информация о докладе П. Н. Аркатова о новой идее графической реконструкции храма Покрова на Нерли. — КСИА, вып. 144, 1975, с. 112—113.

¹¹⁶ Раппопорт П. А. Письмо в редакцию. — КСИА, вып. 155, 1978, с. 104—105.

дователь, на фасадах храма «нет следов гнезд балок».¹¹⁷ Именно на том участке кладки фасада, который указывал Н. Н. Воронин, С. М. Новаковской были обнаружены заложенные в позднейшее время гнезда балок перекрытия галерей.¹¹⁸ Это открытие убедительно доказывает одновременность сооружения самой церкви и ее галерей — гнезда для балок перекрытия галерей вытесаны прямо в квадратах фасадной кладки и могли появиться только в процессе возведения стен храма. После его постройки их появление было бы совершенно невозможно.

Однако уже после того как были опубликованы результаты исследований С. М. Новаковской, вновь появилась работа, где отрицается предложенная Н. Н. Ворониным реконструкция. В 1983 г. в журнале «Архитектура СССР» была напечатана статья К. Н. Афанасьева, в которой совершенно безосновательно подвергается сомнению сам факт существования галерей у церкви Покрова на Нерли.¹¹⁹ Совершенно игнорирующая как доказательства Н. Н. Воронина, так и наблюдения С. М. Новаковской, эта статья не может рассматриваться как сколько-нибудь убедительная.¹²⁰

Церковь Покрова на Нерли стала последней постройкой мастеров Андрея Боголюбского. После ее завершения строительство во Владимиро-Суздальской земле на довольно длительный срок замирает и вновь возобновляется лишь в 1185 г. — при Всеволоде Большое Гнездо.

Почерк мастеров Андрея Боголюбского существенно отличается от почерка артели Юрия Долгорукого. Для зодчего князя Андрея характерна смелость, энергичность и решительность в построении архитектурных форм, он достигает предельной пластической выразительности, не перегружая при этом фасады и общий силуэт сооружения. Памятники, построенные при Андрее Боголюбском, — высшее достижение не только северо-восточной, но и всей древнерусской архитектуры XII в.

Естественно, что при такой непохожести творческого почерка артели Юрия Долгорукого и мастеров Андрея Боголюбского встает вопрос о происхождении последних. В Лаврентьевской летописи говорится, что при князе Андрее строительство вели «из всех земель мастера».¹²¹ Это известие уточняет В. Н. Татищев, сообщаящий в «Истории Российской», что Андрее Боголюбскому «мастера же присланы были от императора Фридриха Первого т. е. Фридриха Барбароссы. — О. И.), с которым Андрей в дружбе был...».¹²²

Показательно, однако, что мастера, присланные Андреем Фридрихом Барбароссой, полностью подчиняются требованиям заказчика и создают не романские памятники на русской почве, а здания, традиционных типов для древнерусского зодчества. В этих памятниках романские черты оказались настолько органично введенными в собственно русскую архитектурную традицию, что у нас нет оснований говорить о зодчестве Северо-Восточной Руси как о русском варианте романского стиля, подобно тому как это делали некоторые исследователи.¹²³

Как мы уже отмечали, строительство на северо-востоке Руси возобновляется лишь в 1185 г. при Всеволоде Большое Гнездо. Первая же работа мастеров Всеволода — обстройка Успенского собора во Владимире — чрезвычайно близка памятникам Андрея Боголюбского и образует с ними единую сти-

¹¹⁷ Воронин Н. Н. Зодчество Северо-Восточной Руси, т. 1, с. 291.

¹¹⁸ Новаковская С. М. К вопросу о галереях белокаменных соборов Владимирской земли. — КСИА, вып. 164, 1981, с. 43—46.

¹¹⁹ Афанасьев К. Н. Были галереи или нет? — Архитектура СССР, 1983, № 6, с. 51—53.

¹²⁰ На страницах того же журнала статья К. Н. Афанасьева была подвергнута аргументированной критике П. А. Раппопортом (см.: Раппопорт П. Еще раз о галереях церкви Покрова на Нерли. — Архитектура СССР, 1984, № 1, с. 106).

¹²¹ ПСРЛ, т. 1, стб. 351.

¹²² Татищев В. Н. История Российская, т. III. М.; Л., 1964, с. 72, 244—246 (прим. 483).

¹²³ См., напр.: Halle F. Op. cit., s. 9—39.

лстическую группу. С началом строительства Всеволодом нового прихода мастеров с романского запада не происходит. На это имеется прямое указание летописца, сообщающего, что, когда в 1194 г. начинаются ремонтные работы в старом Мономаховом соборе в Суздале, Всеволод «не ища мастеров от немцы, но налзе мастеры от клевет святое Богородици и от своих».¹²⁴ По всей вероятности, основу строительной артели Всеволода Большое Гнездо составили мастера, прошедшие выучку при строительных работах Андрея Боголюбского. Исходя из того, что мастера Всеволода названы «клеветами святое Богородици», можно предположить, что прежние мастера сохранились при ремесленной организации, принадлежавшей Успенскому собору, который, подобно Десятинной церкви в Киеве, получал десятую часть всех княжеских доходов и должен был иметь подчинявшихся ему ремесленников различных специальностей.

Обстройка Успенского собора во Владимире была вызвана тем, что в 1185 г. собор, построенный Андреем Боголюбским, сильно пострадал во время большого пожара во Владимире.¹²⁵ Всеволод сразу же начинает реконструкцию собора, которая завершается в 1189 г.¹²⁶ Реконструкция свелась к тому, что старый собор был обнесен галереями на всю высоту здания, а с востока были пристроены новые апсиды (рис. 18, 2).¹²⁷ На вновь построенных галереях были поставлены четыре купола на световых барабанах, превратившие собор из одноглавого в пятиглавый. Своды пристроенных частей несколько ниже сводов первоначального собора, поэтому они не закрывают верха здания, построенного Андреем Боголюбским, и, таким образом, общее завершение собора получает ступенчатую форму, предвосхитив поиски мастеров рубежа XII и XIII вв.

Система декоративного убранства Всеволодова собора повторяет систему декора храмов Андрея Боголюбского — двухступчатые пилястры обработаны колонками с резными капителями, а апсиды — тягами по середине высоты стен, а также под карнизом апсид проходит аркатурно-колончатый пояс, колонки которого опираются на скульптурные консоли.

Новый грандиозный Успенский собор становился символом власти «Великого Всеволода», как называл его автор «Слова о полку Игореве». Торжественная монументальность этой постройки как нельзя лучше соответствовала идее прославления Владимирской земли, занявшей центральное место среди других русских княжеств.

Однако следующая постройка артели Всеволода Большое Гнездо — собор Рождественского монастыря¹²⁸ — демонстрирует связь с иной идеологией (рис. 20, 2). Построенный в 1192—1196 гг., этот собор в 1859 г. подвергся так называемой «реставрации», при которой он был полностью разобран, и на его месте «было сооружено совершенно новое здание в весьма академическом и сухом «владими́ро-суздальском» стиле, представлявшее, однако, очень точную модель древнего памятника».¹²⁹ К сожалению, даже это здание впоследствии было уничтожено. Однако точные обмеры, выполненные Н. А. Арлебе́ном до «реставрации» 1859 г.,¹³⁰ а также фотографии, построенного в XIX в. здания, опубликованные Н. Н. Ворониным,¹³¹ дают возможность представить себе облик этого исчезнувшего храма.

Типологически собор Рождественского монастыря повторял собой постройки Андрея Боголюбского. Его фасады были обработаны двухступчаты-

¹²⁴ ПСРЛ, т. X. М., 1965, стб. 21.

¹²⁵ Там же, т. I, стб. 392.

¹²⁶ Там же, стб. 407.

¹²⁷ Ворони́н Н. Н. Зодчество Северо-Восточной Руси, т. 1, с. 354—377; Раппопорт П. А. Русская архитектура X—XIII вв., с. 51.

¹²⁸ Ворони́н Н. Н. Зодчество Северо-Восточной Руси, т. 1, с. 378—395; Раппопорт П. А. Русская архитектура X—XIII вв., с. 54—55.

¹²⁹ Ворони́н Н. Н. Зодчество Северо-Восточной Руси, т. 1, с. 380.

¹³⁰ Там же (рис. 175—178; 181, 183—186).

¹³¹ Там же (рис. 174, 180).

ми пилястрами и полуколонками, которые завершались резными капителями, в ендовах закомар были резные водометы, а архивольты перспективных порталов были покрыты орнаментальной резьбой. Однако этим и ограничивался резной декор храма — скульптурные композиции в верхних частях фасада здесь отсутствовали, и даже традиционный аркатурно-колончатый пояс в уровне отлива был заменен на плоский городчатый поясок. Столь аскетический образ храма был вызван тем, что заказчиком Рождественского собора был не князь, а владимирский епископ Иоанн, поэтому в его облике выразилось «стремление вернуться к монашеской строгости церковной архитектуры».¹³² Таким образом, в зодчестве времени Всеволода наметились две линии: светская и церковная.

Если Рождественский собор был наиболее характерным примером церковного направления, то светское — ярче всего выразилось в дворцовом храме Всеволода — Дмитриевском соборе. Дмитриевский собор во Владимире был построен между 1193—1197 гг.¹³³ Он представляет собой четырехстолпный одноглавый храм, аналогичный постройкам Андрея Боголюбского (рис. 20, 1). Аналогична им и система декоративного убранства храма, однако если в постройках Андрея рельефы размещались в верхних частях фасада с изысканной сдержанностью, то в Дмитриевском соборе все плоскости фасадов выше отлива и простенки барабана сплошь покрыты скульптурными изображениями.¹³⁴ Меняется и общий архитектурный образ здания — полные изящества пропорции построек Андрея в Дмитриевском соборе сменяются спокойствием и величавостью.

Первоначально Дмитриевский собор был окружен с трех сторон галереями, просуществовавшими до середины XIX в.¹³⁵ Галереи были одноэтажными, однако их угловые юго-западное и северо-западное членения были двухъярусными, образуя башни, где размещались лестницы для входа на хоры. В отличие от полуциркулярных закомар самого храма закомары башен, судя по рисункам XIX в., имели килевидные очертания.

В 1194 г. Всеволодом были возведены белокаменные укрепления владимирского детинца,¹³⁶ а в 1196 г. на проездной башне детинца епископом Иоанном была поставлена надвратная церковь Иоакима и Анны.¹³⁷ Основание воротной башни и примыкавшие к ней участки стен в 1936—1937 гг. были раскопаны Н. Н. Ворониным.¹³⁸ При раскопках были найдены фрагменты резного убранства надвратной церкви. Н. Н. Воронин предположил, что оно было столь же сдержанным, как и в соборе Рождественского монастыря, также построенном епископом, поскольку «только орнаментальная резьба в убранстве порталов и капителей допускались церковниками».¹³⁹

¹³² Там же, с. 464.

¹³³ Там же, с. 396—437; Раппопорт П. А. Русская архитектура X—XIII вв., с. 53.

¹³⁴ Вагнер Г. К. Скульптура Древней Руси... с. 231—415.—Часть рельефов при реставрации XIX в. была заменена на новые (см.: Новаковская С. М. 1) К вопросу о поздних рельефах в резьбе Дмитриевского собора во Владимире.—СА, 1978, № 4, с. 128—141; 2) Дмитриевский собор во Владимире: Поздние рельефы второго яруса и барабана.—СА, 1979, № 4, с. 112—125; 3) Система владимирской фасадной скульптуры XII в.: Дмитриевский собор во Владимире: Автореф. канд. дис. Л., 1984).

¹³⁵ Воронин Н. Н. Зодчество Северо-Восточной Руси, т. 1, с. 410—428; Новаковская С. М. К вопросу о галереях... с. 47—51; Столетов А. В. К истории архитектурных форм Дмитриевского собора в городе Владимире.—В кн.: Вопросы охраны, реставрации и пропаганды памятников истории и культуры, вып. 3. М., 1975, с. 114—156.

¹³⁶ ПСРЛ, т. I, стб. 411.

¹³⁷ Там же, т. X, с. 23.

¹³⁸ Воронин Н. Н. Зодчество Северо-Восточной Руси, т. 1, с. 446—457.

¹³⁹ Там же, с. 464.

В 1200—1202 гг. во Владимире был построен еще один храм — Успенский собор Княгинина монастыря,¹⁴⁰ в конце XV — начале XVI в. полностью перестроенный. В 1958 г. памятник был исследован А. В. и И. А. Столетовыми.¹⁴¹

Существующее здание собора стоит на фундаментах древнего здания, почти точно повторяя его план (рис. 20, 3). Таким образом, собор 1200—1202 гг. был четырехстолпным храмом с галереями. Однако он существенно отличался от всех предшествующих построек, так как был возведен не в традиционной для северо-востока технике белокаменной кладки, а из плинфы. Найденные при исследованиях А. В. и И. А. Столетовых локальные плинфы для кладки фасадных полуколоннок дали основание Н. Н. Воронину предположить, что, подобно им, Успенский собор Княгинина монастыря имел вертикальную композицию с повышенными конструкциями завершающих частей.¹⁴²

Таким образом, на рубеже XII и XIII вв. зодчество Северо-Восточной Руси оказалось вовлеченным в общий для всей русской архитектуры этого времени процесс поиска новых форм, выразившийся в создании храмов с подчеркнуто вертикальной башнеобразной композицией.¹⁴³

Этот памятник важен еще и тем, что с ним связано появление на северо-востоке Руси новой строительной артели, работавшей не в белокаменной, а в плинфяной технике.

После смерти Всеволода Большое Гнездо в 1212 г. Северо-Восточная Русь оказывается охваченной процессом активного феодального дробления, обусловившим значительное расширение строительной географии Северо-Восточной Руси в первой половине XIII в.

Наиболее активной была строительная деятельность старшего сына Всеволода — ростово-ярославского князя Константина. С 1213 по 1218 г. им было начато строительство шести храмов — Успенского и Спасского соборов в Ярославле, церкви Бориса и Глеба, Константина и Елены в Ростове, церкви Воздвиженья на Торгу во Владимире, а также нового Успенского собора в Ростове.

Первым в ряду построек Константина Всеволодовича стал Успенский собор в Ростове, заложенный в 1213 г. на месте разрушившегося собора, построенного при Андрее Боголюбском.¹⁴⁴ Строительство затянулось на очень долгий срок, и новый собор был завершён только в 1231 г.¹⁴⁵ Как мы уже видели, рассматривая ростовский собор Андрея Боголюбского, храм, построенный Константином Всеволодовичем, стал точно на основаниях своего предшественника, точно повторив его план.¹⁴⁶

Ростовский Успенский собор Константина Всеволодовича разрушился в 1408 г. Летописное описание разрушения собора, где говорится, что в 1408 г. «паде верх ея (церкви.— О. И.) и комары вси, развее остана олтарь цел и стены по комары остана и не падоша»,¹⁴⁷ заставило Н. Н. Воронина высказать предположение о том, что собор Константина Всеволодовича имел башнеобразную композицию со ступенчато-повышенным завершением.¹⁴⁸ Ве-

¹⁴⁰ Там же, с. 438—445; Раппопорт П. А. Русская архитектура X—XIII вв. ... с. 55.

¹⁴¹ Столетов А. В. О реконструкции памятников владими́ро-суздальского белокаменного зодчества. — В кн.: Памятники истории и культуры. Ярославль, 1976, вып. 1, с. 86—87; Столетов И. А. Результаты исследования памятника архитектуры XIII—XVI вв. Успенского собора Княгинина монастыря во Владимире. — Там же, с. 88—94.

¹⁴² Воронин Н. Н. Зодчество Северо-Восточной Руси, т. 1, с. 445.

¹⁴³ Раппопорт П. А. Русская архитектура на рубеже XII и XIII вв. — В кн.: Древнерусское искусство: Проблемы и атрибуции. М., 1977, с. 12—29.

¹⁴⁴ Раппопорт П. А. Русская архитектура X—XIII вв. ... с. 62.

¹⁴⁵ ПСРЛ, т. I, стб. 459.

¹⁴⁶ Воронин Н. Н. Зодчество Северо-Восточной Руси, т. 2, с. 55—58.

¹⁴⁷ ПСРЛ, т. V. СПб., 1851, с. 257.

¹⁴⁸ Воронин Н. Н. Зодчество Северо-Восточной Руси, т. 2, с. 57.

роятно, зодчим не удалось найти адекватного инженерно-конструктивного решения этой композиции, что и привело к катастрофе верха здания.

Судя по тому, что никаких следов плинфы при раскопках найдено не было, можно сделать вывод, что Успенский собор в Ростове был выстроен из белого камня. Н. Н. Ворониным были найдены фрагменты камней с резным орнаментом, которые стилистически не могут быть связаны с более ранним собором.¹⁴⁹ Они являются свидетельством того, что в убранстве собора Константина Всеволодовича была применена белокаменная резьба.

В Ростове же Константином была построена церковь Константина и Елены. С ней Н. Н. Воронин связывает скульптурные изображения львов, найденные на северной склоне Ростова.¹⁵⁰ Вероятно, этот памятник также был белокаменным.

В 1214—1218 гг. Константин строит в Ростове церковь Бориса и Глеба.¹⁵¹ В процессе его поисков Н. Н. Ворониным был найден большой развал плинфы, свидетельствующий о том, что в распоряжении Константина оказалась отновская артель, работавшая в плинфяной технике.

Плинфяным же было и строительство Константина Всеволодовича в Ярославле, где в 1215 г. им был заложен Успенский собор.¹⁵² Сильно пострадавший во время большого пожара в 1501 г., он дважды — в 1504 и 1646 гг. — сменялся новыми постройками, также не дошедшими до нашего времени. При проведении археологических разведок на месте собора были найдены фрагменты плинфы, в том числе и лекальной для кладки полуколонки на пучковых пиллястрах, что свидетельствует о том, что он имел ступенчато пувшающуюся композицию. Обнаруженная там же камешная резная деталь в виде человеческой маски позволяет утверждать, что плинфяная техника сочеталась здесь с применением белокаменных деталей.

В 1216 г. Константин Всеволодович закладывает в Ярославле собор Спасского монастыря, строительство которого было завершено только в 1224 г.¹⁵³ После пожара 1501 г. этот собор разрушился, а в 1516 г. был сменен новым, существующим и поныне.¹⁵⁴ В 1939 г. М. К. Каргером была предпринята попытка поисков следов собора XIII в. под стенами храма 1516 г. При раскопках были найдены фрагменты плинф, в том числе и лекальных для кладки полуколонки, а также фрагменты камней с резными орнаментами.

В 1958—1959 гг. архитектором Е. М. Караваевой при участии М. К. Каргера в связи с реставрацией собора XVI в. было проведено исследование его фундаментов, в ходе которого было установлено, что под ними находятся фундаменты более ранней постройки — собора 1216—1224 гг.¹⁵⁵

В 1982—1983 гг. нами были проведены новые исследования в Спасском соборе и у его стен. Раскопки показали, что существующее здание стоит точно на фундаментах храма 1216—1224 гг., полностью повторяя его план (различие заключается в том, что собор 1516 г. окружен галереями, которых не было у его предшественника (рис. 20, 7). Древний памятник был построен из плинфы размером 4,5×18×26,3 см на цементном растворе, а его фундамент сложен из булыжника на белом известковом растворе. При раскопках был найден фрагмент белокаменной колонки, входившей в состав убранства храма XIII в. Таким образом, как и в Успенском соборе, кирпичная кладка сочеталась здесь с белокаменными вставками. Найденный М. К. Кар-

¹⁴⁹ Там же, с. 57—58.

¹⁵⁰ Там же, с. 60—61.

¹⁵¹ Там же, с. 58—60.

¹⁵² Там же, с. 61—65.

¹⁵³ ПСРЛ, л. I, стб. 429, 447.

¹⁵⁴ Воронин Н. Н. Зодчество Северо-Восточной Руси, т. 2, с. 65—66.

¹⁵⁵ Материалы графической фиксации хранятся в архиве ЯСНПРМ — № 1851—1854, 3101—3103.

гером фрагмент лекальной плинфы свидетельствует о том, что Спасский собор имел сложные пучковые пилястры.

При раскопках 1982—1983 гг. выяснилось, что фундамент храма XIII в. неоднороден и состоит из двух зон, разделенных прослойкой пожара. Это свидетельствует о том, что при строительстве собора произошел перерыв, и выведенный до определенной отметки фундамент какое-то время находился открытым, в результате чего он смог оказаться покрытым прослойкой пожара. При возобновлении строительства мастера надстроили фундамент над отметкой пожара и только после этого повели кладку наземных стен. При этом участок фундамента южной стены собора был надстроен в иной технике, при которой ряды булыжников чередовались с рядами плинфы.

Учитывая, что все крупные пожары Ярославля зафиксированы письменными источниками,¹⁵⁶ мы можем уточнить время возведения собора. Один из них, произошедший в 1221 г., как раз укладывается в промежуток времени между закладкой собора в 1216 г. и его освящением в 1224 г. Таким образом, есть все основания утверждать, что еще в 1221 г. заложенные под Спасский собор фундаменты стояли открытыми — иначе пожар не смог бы отпечататься на их верхней площадке, а дстройки фундаментов и возведение самого собора произошли между 1221 и 1224 гг.

Другой важной особенностью фундаментов Спасского собора XIII в., выявленной при исследованиях 1983 г., является то, что древние фундаменты уложены не в фундаментные ры, как обычно в памятниках домонгольской эпохи, а в общий котлован. Этот прием характерен для памятников, возведенных в первой половине XIII в. мастерами чернигово-северской артели. В Чернигово-Северской земле, таким образом, были устроены фундаменты Пятницкой церкви в Чернигове¹⁵⁷ и Спасского собора в Новгороде-Северском.¹⁵⁸ Для почерка этого же круга мастеров характерны и слоистые фундаменты. Такой фундамент был устроен под храмом в Трубчевске¹⁵⁹ и под западный притвор Спасского собора в Новгороде-Северском.¹⁶⁰ И наконец, среди этих памятников есть группа храмов, имевших пучковые пилястры с полуколонками, сложенными из узких лекальных кирпичей,¹⁶¹ подобных тем, которые были найдены при исследованиях обоих ярославских соборов.

Н. В. Воронин предполагал, что Успенский и Спасский соборы в Ярославле имели подчеркнuto вертикальную композицию с повышенными конструкциями завершения.¹⁶² Тот факт, что эти памятники самым непосредственным образом связаны с черниговским зодчеством первой половины XIII в., где тенденция создания башнеобразного храма получила одно из наиболее ярких в истории древнерусского зодчества проявлений, доказывает это предположение исследователя.

Однако если мы сравним время возведения памятников чернигово-северского зодчества и ростово-ярославских храмов, то увидим, что они строились почти одновременно. Борисоглебская церковь в Ростове была заложена в 1214 г., Успенский собор в Ярославле — в 1215 и, наконец, Спасский — в 1216 г., а наиболее вероятное время возникновения черниговской Параскевы Пятницы также следует относить ко времени после перехода в Чернигов киевского князя Рюрика Ростиславовича, т. е. к 10-м годам XIII в.¹⁶³ Плин-

¹⁵⁶ С. С. Замечательные пожары в Ярославле за время с 1221 по 1659 г. — ЯГВ, часть неофициальная, 1843, № 47.

¹⁵⁷ Раппопорт П. А. Русская архитектура X—XIII вв., с. 44.

¹⁵⁸ Сведения получены от производивших раскопки — В. М. Коваленко, П. А. Раппорта и Л. Н. Большакова.

¹⁵⁹ Раппопорт П. А. Трубчевск. — СА, 1973, № 4, с. 212—213.

¹⁶⁰ Сведения В. М. Коваленко, П. А. Раппорта и Л. Н. Большакова.

¹⁶¹ Раппопорт П. А. Русская архитектура на рубеже XII и XIII вв., с. 16.

¹⁶² Воронин Н. Н. Зодчество Северо-Восточной Руси, т. 2, с. 110.

¹⁶³ Барановский П. Д. Собор Пятницкого монастыря в Черниго-

фяное же строительство на северо-востоке Руси, как мы уже видели, начинается значительно раньше — еще при Всеволоде на самом рубеже XII и XIII вв., причем самая ранняя из северо-восточных плинфяных построек — Успенский собор Княгинина монастыря, построенный в 1200—1201 гг. — явно обладает теми же чертами сходства с черниговскими памятниками, что и ярославские постройки.

Вопрос об истоках нового направления в зодчестве Северо-Восточной Руси может быть разрешен, если мы вспомним, что архитектурная традиция, к которой принадлежит черниговская церковь Пятницы, сложилась не в Чернигове на рубеже XII и XIII вв., а еще в 90-е годы XII в. в Киеве и Киевской земле в творчестве артели, принадлежавшей князю Рюрику Ростиславовичу и возглавлявшейся зодчим Петром Милонегом.¹⁶⁴ Первыми памятниками этого направления стали церковь Василия в Овруче (около 1190 г.)¹⁶⁵ и собор Апостолов в Белгороде под Киевом (1195 г.)¹⁶⁶ (В самом Киеве той же артелью, но под руководством другого зодчего¹⁶⁷ была выстроена церковь на Вознесенском спуске,¹⁶⁸ однако точная дата ее неизвестна.). В Черниговской земле появление памятников этой традиции следует связывать с переходом туда на княжение Рюрика Ростиславича, который увозит за собой из Киевской земли и княжескую строительную артель. Однако теперь становится очевидным, что еще раньше — около 1200 г. — часть мастеров этой артели была отдана Рюриком Ростиславичем Всеволоду Большое Гнездо и начала работу на северо-востоке Руси. Таким образом, истоки нового направления в зодчестве Северо-Восточной Руси лежат в зодчестве Киева конца XII в.

В одной из последних статей Н. Н. Воронина, опубликованной уже после смерти исследователя, специально поднят вопрос о происхождении артели строителей собора Княгинина монастыря, работавшей в плинфяной технике.¹⁶⁹ Когда эта статья была написана, новые исследования плинфяных памятников Северо-Восточной Руси еще не проводились, однако уже тогда Н. Н. Воронин высказал предположение о том, что появление этой артели во Владимире нужно объяснять «внешнеполитическими связями Всеволода III, его стремлением держать в подчинении Рюрика Ростиславича...».¹⁷⁰ В то же время, считая Рюрика Ростиславича смоленским князем, Н. Н. Воронин предполагал, что и появившаяся во Владимире артель была смоленской, тем более, что создание храмов с башнеобразной композицией нашло яркое отражение в смоленском зодчестве рубежа XII и XIII вв. Однако фактически строительная деятельность Рюрика Ростиславича началась позднее, когда он стал киевским, а затем чернигово-северским князем. Его артель, возглавлявшаяся Петром Милонегом, также разрабатывала композицию башнеобразного храма, однако ее почерк существенно отличался от почерка

ве. — В кн.: Памятники искусства, разрушенные немецкими захватчиками в СССР. М.; Л., 1948, с. 32; Раппопорт П. А. Русская архитектура на рубеже XII и XIII вв., с. 14.

¹⁶⁴ Раппопорт П. А. Русская архитектура на рубеже XII и XIII вв., с. 13—15.

¹⁶⁵ Раппопорт П. А. Церковь Василия в Овруче. — СА, 1972, № 1, с. 82.

¹⁶⁶ Асеев Ю. С. Собор Апостолів у Білгороді. — Образотворче мистецтво, 1970, № 1, с. 32.

¹⁶⁷ Раппопорт П. А. Русская архитектура на рубеже XII и XIII вв., с. 16.

¹⁶⁸ Каргер М. К. Древний Киев. М.; Л., 1961, с. 466; Толочко П. П. Киев и Киевская земля в эпоху феодальной раздробленности XII—XIII вв. Киев, 1980, с. 59.

¹⁶⁹ Воронин Н. Н. Строители Княгинина собора. — В кн.: Памятники истории и культуры, вып. 2. Ярославль, 1983, с. 107—109.

¹⁷⁰ Там же, с. 109.

смоленских мастеров, а храмы киево-черниговского круга имели иной облик, нежели смоленские. Как показали новые исследования чернигово-северских и ярославского памятников, последний обладает чертами ближайшего родства именно с постройками круга Петра Милонегга, т. е. с киевской и черниговской, а не со смоленской традицией.

Следует отметить, что между постройкой Успенского собора Княгинина монастыря, завершено в 1201 г., и началом плинфяного строительства в Ростове и Ярославле (1214 г.) проходит значительный промежуток времени. Однако есть все основания предполагать, что за эти 13 лет были построены еще несколько пока еще неизвестных нам построек в других городах северо-востока. Так, например, плинфа была найдена в культурном слое в Дмитрове¹⁷¹ и в Коломне.¹⁷² Если о существовании каменного домонгольского храма в Коломне пока приходится лишь догадываться, то для утверждения о существовании храма, построенного Всеволодом (в крещении Дмитрием) в честь своего небесного патрона в Дмитрове, у нас имеются довольно веские основания. В литературе уже высказывалось мнение о том, что стоящий ныне в Дмитрове храм XV в. имел своего домонгольского предшественника.¹⁷³ Сведения о находках плинфы в Дмитрове делают это предположение еще более основательным.

Рассматривая строительство Константина Всеволодовича, Н. Н. Воронин высказал предположение, что он имел в своем распоряжении не одну, а несколько артелей, что позволяло ему вести строительство в нескольких местах одновременно.¹⁷⁴ Однако именно это обстоятельство — почти одновременная закладка трех храмов — заставляет нас решать этот вопрос по-иному. Выше мы уже видели, что Спасский собор в Ярославле строился необычайно долго — с 1216 по 1224 г., причем в его строительстве произошел весьма длительный перерыв, во время которого фундаменты собора стояли открытыми. Объяснить это можно только тем, что князь имел не несколько, а одну, причем небольшую артель мастеров, строивших из плинфы, и, заложив с 1212 по 1216 г. три храма (церковь Бориса и Глеба в Ростове и оба Ярославских собора), вынужден был перебрасывать мастеров с одного объекта на другой.

Раскопки 1983 г. в Спасском соборе в Ярославле дали ответ еще на один вопрос. В «Житии Ярославских чудотворцев» относящемся к XV в., говорится о том, что Спасский собор имел придельную церковь Входа в Иерусалим, построенную в 1218 г.¹⁷⁵ До сих пор, за исключением сведений, сообщаемых житием, об этом храме, на месте которого в XVII в. появилась новая постройка, смененная затем большим храмом первой половины XIX в., пристроенным к Спасскому собору, ничего не было известно. В 1983 г. раскопками был вскрыт небольшой участок северной стены этого храма, сложенный из плинфы на цементном растворе. Окончательный ответ на вопрос о том, как выглядел этот храм, смогут дать только дальнейшие исследования, пока же можно предположить, что церковь Входа в Иерусалим была небольшим бесстолпным храмом. Учитывая, что в 1218 г., когда она была построена, самого Спасского собора еще не было (стояли только выведенные до уровня древней поверхности фундаменты), следует считать, что до возобновления его строительства Входоиерусалимская церковь была самостоятельным изолированно стоящим храмом и только после завершения строительства собора стала его приделом.

¹⁷¹ Милонов Н. П. Дмитровское городище. — СА, 1937, т. 4, с. 161; Раппопорт П. А. Русская архитектура X—XIII вв., с. 64.

¹⁷² Милонов Н. П. Историко-археологический очерк города Коломны. В кн.: Историко-археологический сборник научно-исследовательского института краеведческой и музейной работы. М., 1948, с. 84.

¹⁷³ Попов Г. В. Из истории древнейшего памятника города Дмитрова. — В кн.: Древнерусское искусство. Художественная культура домонгольской Руси. М., 1972, с. 199—200.

¹⁷⁴ Воронин Н. Н. Зодчество Северо-Восточной Руси, т. 2, с. 430.

¹⁷⁵ Там же, с. 66.

В том же 1218 г. Константином был построен еще один храм — церковь Воздвижения на Торгу во Владимире.¹⁷⁶ Основываясь на изображении этого храма на «чертеже» Владимира 1715 г., Н. Н. Воронин предположил, что церковь Воздвиженья была небольшим бесстолпным посадским храмом.¹⁷⁷ Вероятнее всего, построенные в одном и том же году два крохотных храма — Воздвиженья во Владимире и Входа в Иерусалим в Ярославле — были зданиями-двойниками.

Если бы строительством Константина Всеволодовича связана деятельность артели мастеров, работавших в плинфяной технике, то в строительстве других наследников Всеволода — Георгия и Святослава — мы сталкиваемся с продолжением старой белокаменной традиции. В то же время первый же из построенных Георгием Всеволодовичем храмов — Рождественский собор в Суздале, поставленный в 1222—1225 гг. взамен старого Мономахова собора, принадлежит уже к иному типу, нежели все построенные до этого на северо-востоке Руси белокаменные храмы (рис. 20, 4). Сохранив шести-столпную схему плана своего предшественника, суздальский собор Георгия Всеволодовича получает с трех сторон притворы, что характерно для памятников конца XII — первой половины XIII в., в которых проявилось стремление к созданию храмов с подчеркнuto центрической композицией башнеобразным решением общего силуэта здания. Таким образом, и в суздальском соборе нашли свое отражение те поиски, которые велись во всех школах древнерусского зодчества на рубеже XII и в первой половине XIII в.

Белокаменный декор храмов в это время значительно усложняется. Сплошная белокаменная резьба покрывает уже не только архивольты порталов, но и их колонки, прерванные на середине высоты бусинами,¹⁷⁸ а под колонками аркатурно-колончатого фриза появляются зооморфные консоли.¹⁷⁹

В 1224 г. Георгий Всеволодович закладывает церковь Спаса в Нижнем Новгороде.¹⁸⁰ Этот памятник рухнул еще в средневековье — в 1350 г. на его месте был построен уже новый храм, также не дошедший до нашего времени. Точно местоположение церкви Спаса в Нижнем Новгороде до сих пор не определено, однако резной камень и капитель колонки, происходящие из этого храма,¹⁸¹ свидетельствуют о ее богатом белокаменном убранстве. Следующий храм Георгия Всеволодовича — церковь Архангела Михаила, заложенная в Нижнем Новгороде в 1227 г.,¹⁸² принадлежит к тому же типу храма с притворами, что и суздальский собор (рис. 20, 5). Показательно, что и эта церковь уже в XIV в. сменяется новой постройкой. При археологических исследованиях, проведенных Н. Н. Ворониным, был найден только один фрагмент белокаменной резьбы — почти приближающаяся к круглой скульптуре голова льва,¹⁸³ однако его характер свидетельствует о богатом резном убранстве храма.

Последней домонгольской постройкой Северо-Восточной Руси стал Георгиевский собор в Юрьеве-Польском (рис. 20, 6),¹⁸⁴ построенный в 1230 г. младшим сыном Всеволода князем Святославом на месте собора Юрия Долгорукого.¹⁸⁵ Верх этого храма рухнул также еще в середине XV в., после

¹⁷⁶ ПСРЛ, т. I, стб. 441.

¹⁷⁷ Воронин Н. Н. Зодчество Северо-Восточной Руси, т. 2, с. 67.

¹⁷⁸ Вагнер Г. К. Белокаменная резьба древнего Суздаля, с. 35—76.

¹⁷⁹ Там же, с. 55—64.

¹⁸⁰ Раппопорт П. А. Русская архитектура X—XIII вв., с. 61.

¹⁸¹ Воронин Н. Н. Зодчество Северо-Восточной Руси, т. 2, с. 44—45.

¹⁸² Там же, с. 46—54; Раппопорт П. А. Русская архитектура X—XIII вв., с. 61; Агафонов С. Л. Нижегородский Кремль. Горький, 1976, с. 44—47.

¹⁸³ Воронин Н. Н. Зодчество Северо-Восточной Руси, т. 2, с. 54.

¹⁸⁴ Там же, с. 68—107; Раппопорт П. А. Русская архитектура X—XIII вв., с. 64.

¹⁸⁵ ПСРЛ, т. I, стб. 455; т. XV, стб. 355.

чего здание было восстановлено в 1471 г. Василием Ермолиным.¹⁸⁶ Сохранившийся примерно до середины высоты своих стен четырехстолпный Георгиевский собор 1230 г., так же как и Суздальский собор, и Михайловская церковь в Нижнем Новгороде, с трех сторон был окружен притворами. В то же время его композиция была еще более усложнена, так как некогда к восточной части его северного фасада примыкал небольшой придел с готической профилировкой портала.¹⁸⁷ Несомненно, что Георгиевский собор также был башнеобразным храмом с повышенной композицией верхних частей.

Вопрос о характере конструктивного решения этой композиции в храмах Северо-Восточной Руси первой половины XIII в., решаемый на примере собора в Юрьеве-Польском, продолжает оставаться дискуссионным. Если все исследователи (Н. Н. Воронин,¹⁸⁸ П. А. Раппопорт,¹⁸⁹ Г. К. Вагнер,¹⁹⁰ А. В. Столетов¹⁹¹) сходятся во мнении, что он имел повышенные конструкции верха, то реконструируют их они по-разному: Г. К. Вагнер в виде ступенчато повышающейся системы арок,¹⁹² а А. В. Столетов в виде барабана, поднятого на пьедестале.¹⁹³

Развитие системы белокаменного декоративного убранства храмов Северо-Восточной Руси в этом памятнике достигает своего апогея. Его стены покрыты сплошной ковровой резьбой, в которой на фоне орнаментальных рельефов разворачиваются горельефные скульптурные композиции.¹⁹⁴

Таким образом, на рубеже XII и XIII вв. зодчество северо-востока развивается в русле двух строительных традиций, причем у Всеволода и Константина плинфяная артель приблизила Северо-Восточную Русь к новому передовому направлению в русской архитектуре, связанному с творчеством киевского зодчества Петра Милонегга, а белокаменная артель шла к созданию новых форм на основе развития собственных традиций.

¹⁸⁶ Там же, т. XXIII. СПб., 1910, с. 159.

¹⁸⁷ Воронин Н. Н. Зодчество Северо-Восточной Руси, т. 2, с. 74—75.

¹⁸⁸ Там же, с. 102—107.

¹⁸⁹ Раппопорт П. А. Русская архитектура на рубеже XII и XIII вв., с. 26.

¹⁹⁰ Вагнер Г. К. По поводу рецензии А. В. Столетова. — СА, 1967, № 2, с. 278. Реконструкция Г. К. Вагнера опубликована в кн.: Вагнер Г. К. Скульптура Владимиро-Суздальской Руси... с. 90—91.

¹⁹¹ Столетов А. В. Георгиевский собор города Юрьева Польского и его реконструкция. — В кн.: Из истории реставрации памятников культуры. М., 1974, с. 111—134.

¹⁹² Вагнер Г. К. Скульптура Владимиро-Суздальской Руси... с. 90—91.

¹⁹³ Столетов А. В. Георгиевский собор... с. 112, 119—120, 128, 131.

¹⁹⁴ Вагнер Г. К. Мастера древнерусской скульптуры, с. 9—38.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

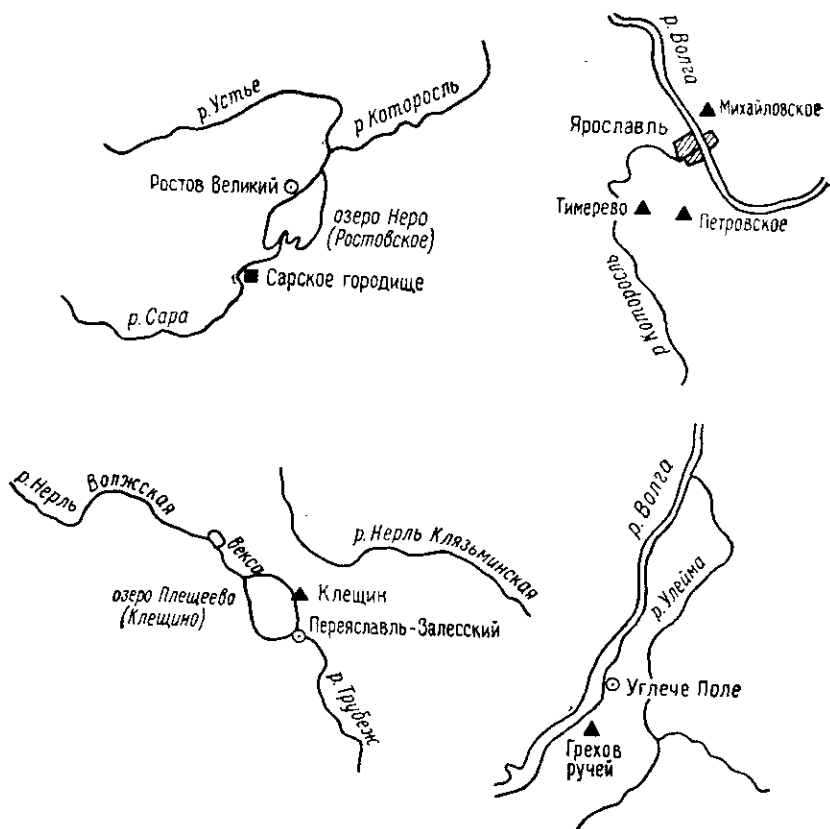

Рис. 1. Города Северо-Восточной Руси.

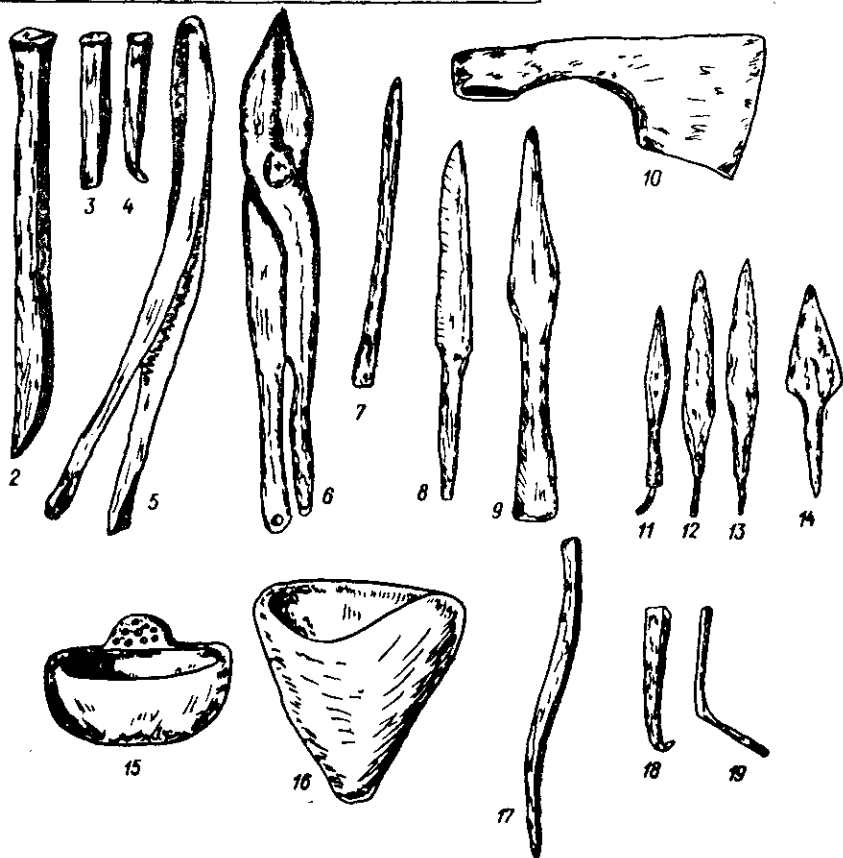
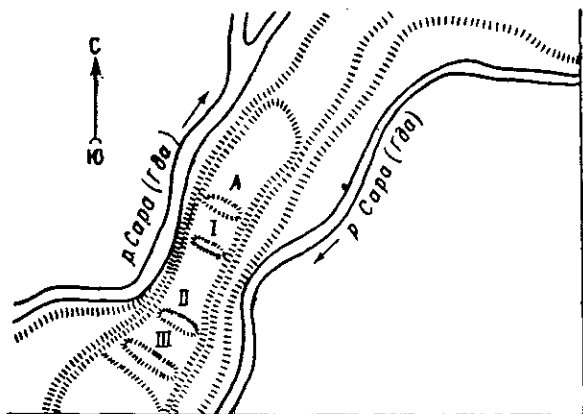
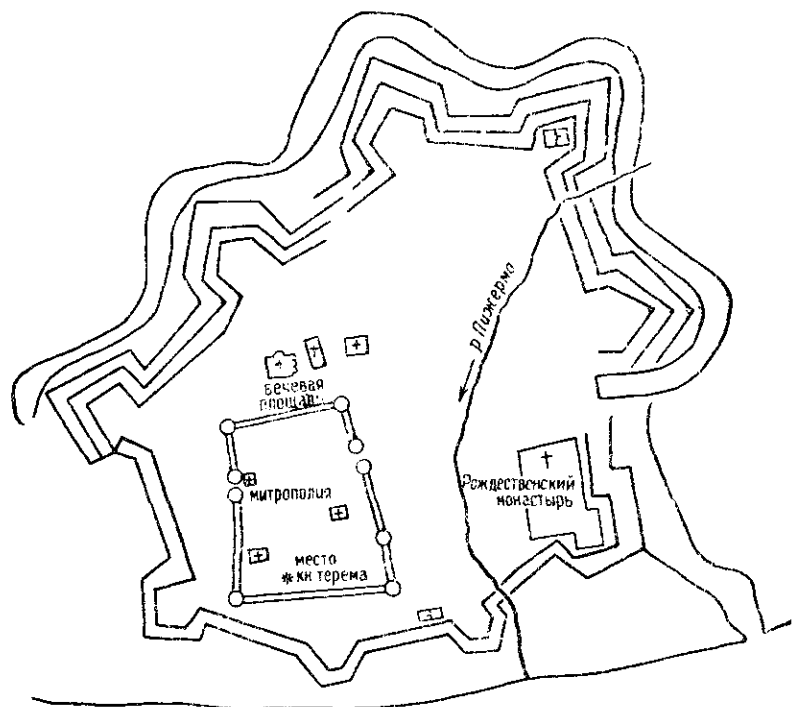

Рис. 2. План Сарского городища. Предметы, найденные на городище.

1 — топор-кельт; 2 — зубило; 3—4 — ювелирные инструменты (чеканы); 5 — щипцы; 6 — кузнечные клещи; 7 — ювелирный инструмент; 8 — нож; 9 — копье; 10 — топор; 11 — 14 — стрелы; 15 — льячка; 16 — глиняный тигель; 17—19 — ювелирные инструменты.

озеро Невы (Ростовское)

Рис. 3. План города Ростова. Составлен в 1852 г.

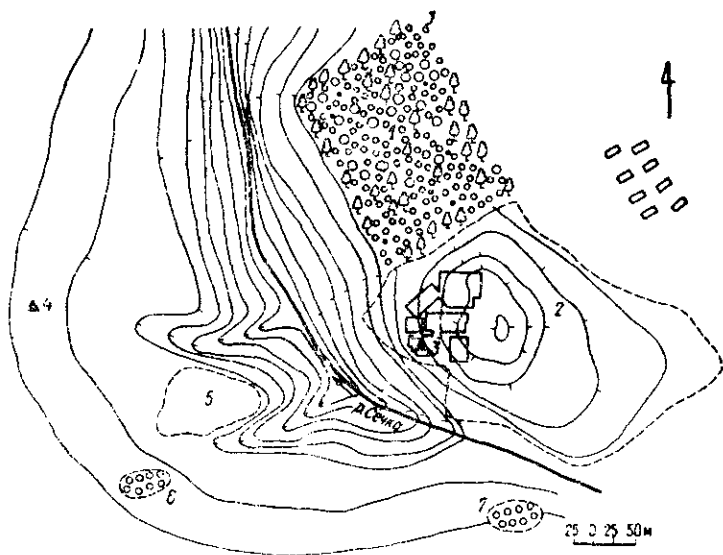

Рис. 4. План Тимеревского археологического комплекса.

1 — могильник у д. Б. Тимерево; 2 — Тимеревское поселение; 3—4 — клады куфических монет; 5 — поселение у д. М. Тимерево; 6—7 — курганные группы у д. М. Тимерево и Гончарово.

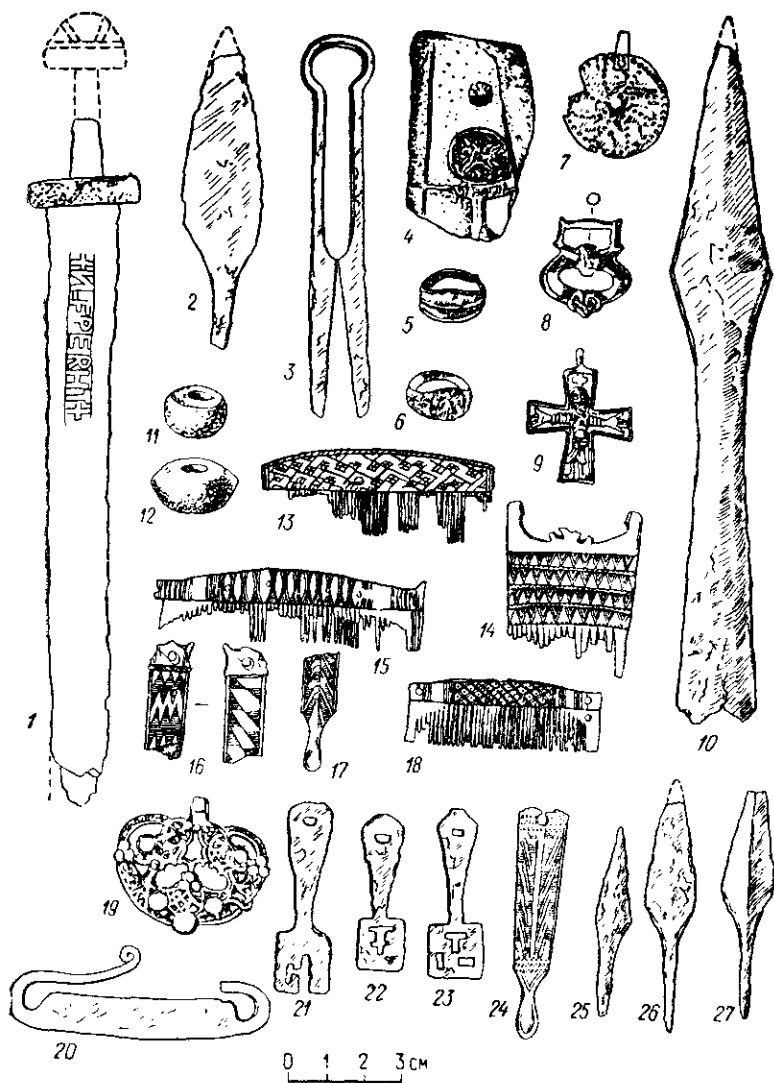

Рис. 5. Предметы из Тимеревского археологического комплекса.

1 — меч; 2 — дротик; 3 — ножницы; 4 — литейная формочка; 5 — серебряный перстень; 6 — бронзовый перстень; 7 — серебряная подвеска; 8 — бронзовая пряжка; 9 — бронзовый крестик; 10 — копьё; 11—12 — шиферные пряслица; 13—15 — костяные гребни; 16—17 — копоушки; 18 — гребень; 19 — бронзовая подвеска; 20 — калачевидное кресало; 21—23 — ключи; 24 — копоушка; 25—27 — стрелы.

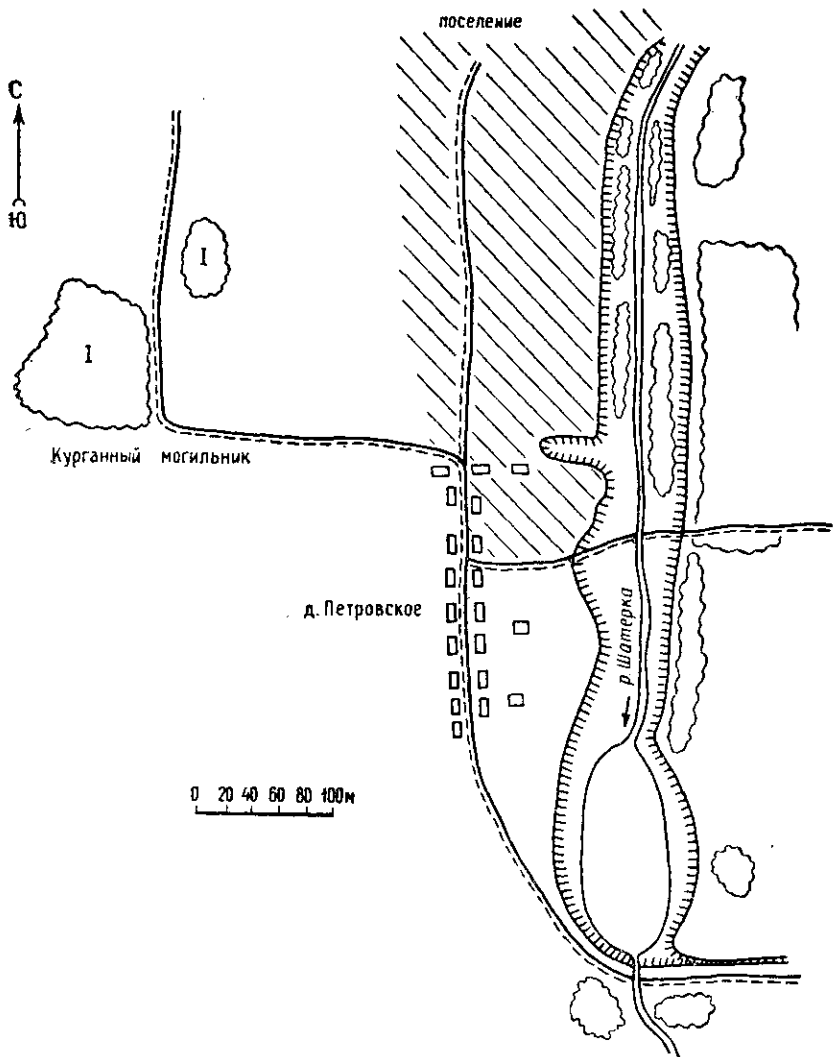

Рис. 6. План археологического комплекса у д. Петровское.

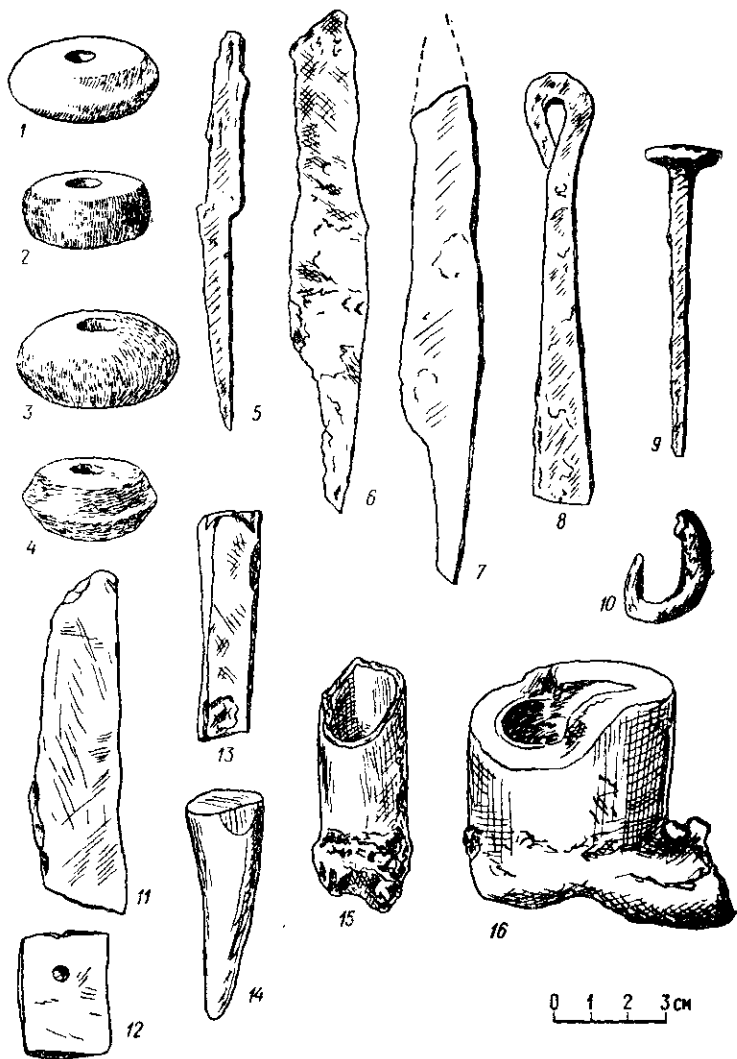

Рис. 7. Предметы из Петровского археологического комплекса.

1—4 — пряслица; 5—7 — ножи; 8 — кресало; 9 — гвоздь; 10 — рыболовный крючок; 11—13 — оселки; 14 — обработанная кость; 15—16 — тигли.

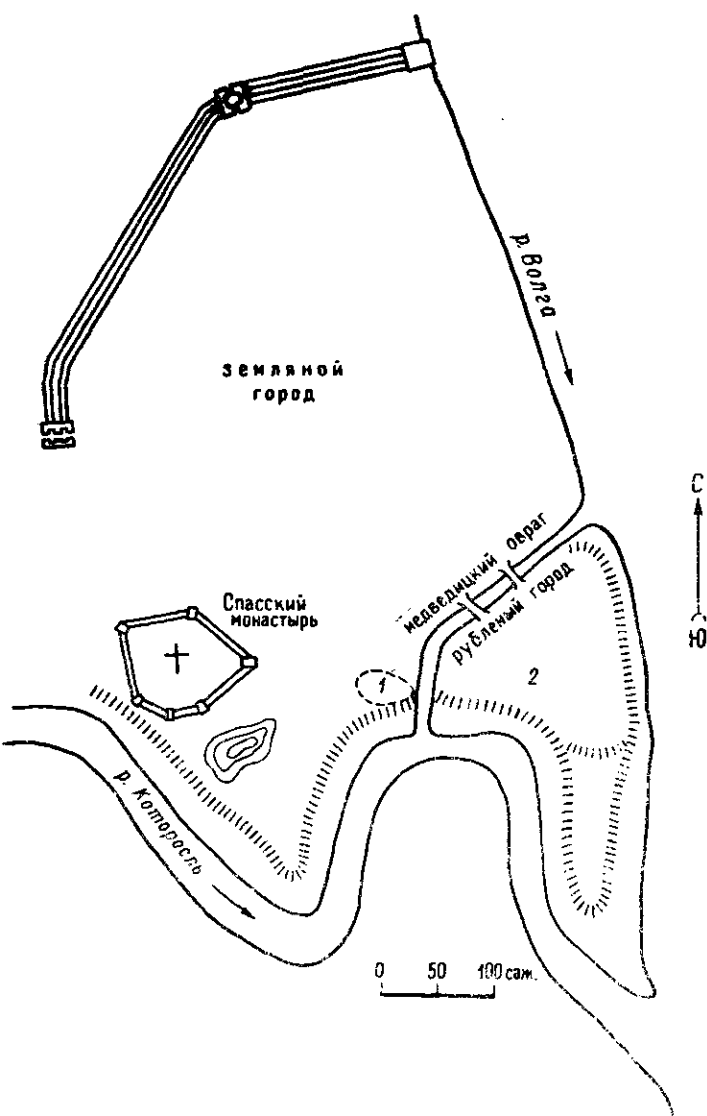

Рис. 8. План древнего Ярославля.

1 — Медведицкое городище; 2 — слище Медвский угол.

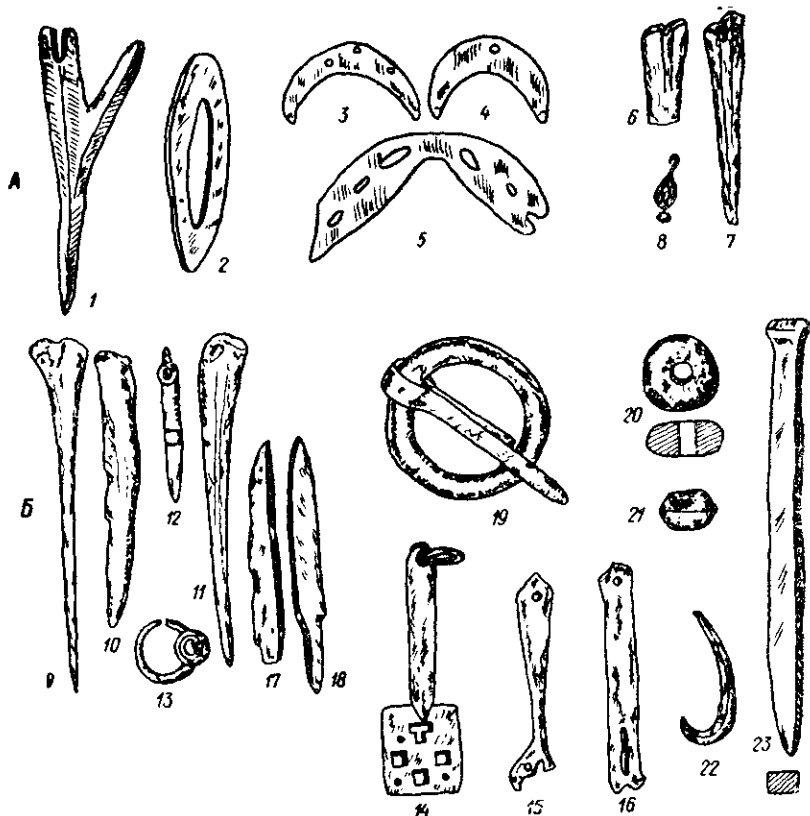

Рис. 9. Предметы из раскопок Н. Н. Воронина в Ярославле.

А — верхний слой. 1 — свечец; 2 — зеркало; 3—5 — подковы; 6—7 — проколки; 8 — серьга
синего стекла;

Б — нижний слой. 9—11 — проколки; 12 — костяная подвеска; 13 — серебряный перстень; 14—16 — ключи; 17—18 — ножи; 19 — пряжка; 20—21 — пряслица; 22 — крючок; 23 — железный клин.

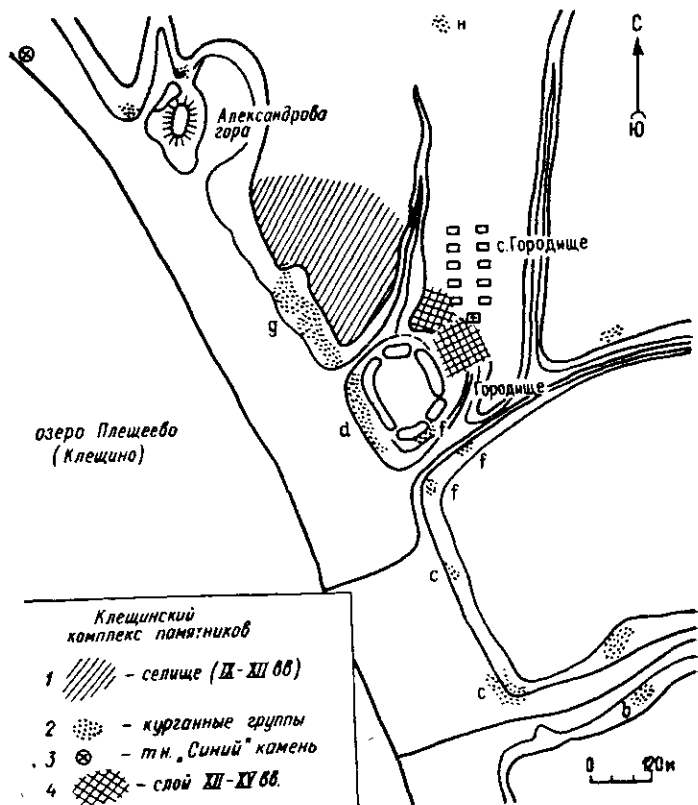

Рис. 10. Клещинский комплекс памятников.

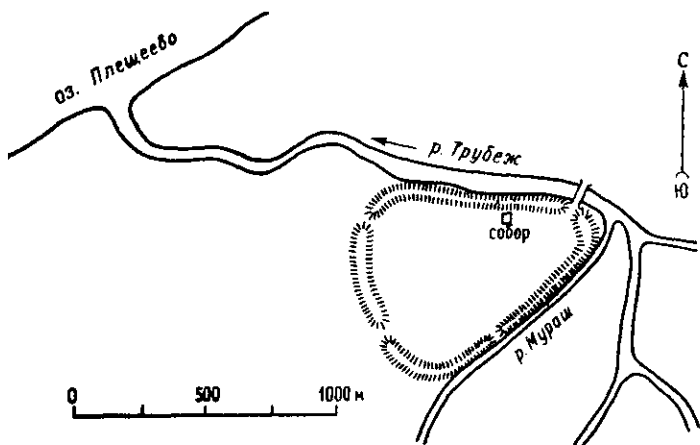

Рис. 11. План Переяславля-Залеского (по Н. Н. Вороницу).

Рис. 12. Раскопки в Переславле-Залесском у Спасо-Преображенского собора.

A — N; L — i — траншеи П. С. Савельева (1853 г.)
1 — раскол Н. Н. Воронина (1939 г.)

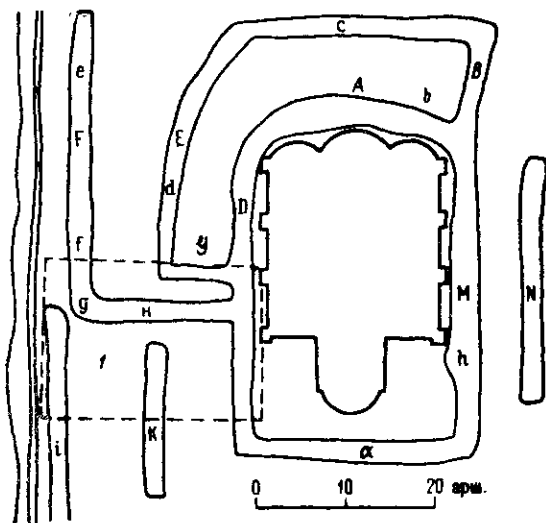

Рис. 13. Предметы из раскопок Н. Н. Воронина в Переславле-Залесском.

1—2 — железные ключи; 3 — фрагмент серьги из бронзовой проволоки; 4 — стрела; 5 — серьга; 6—7 — фрагменты бронзового браслета и пряжки; 8—9 — обломки железных предметов; 10—13, 14—16 — глиняные грузила; 17 — костяные поделки.

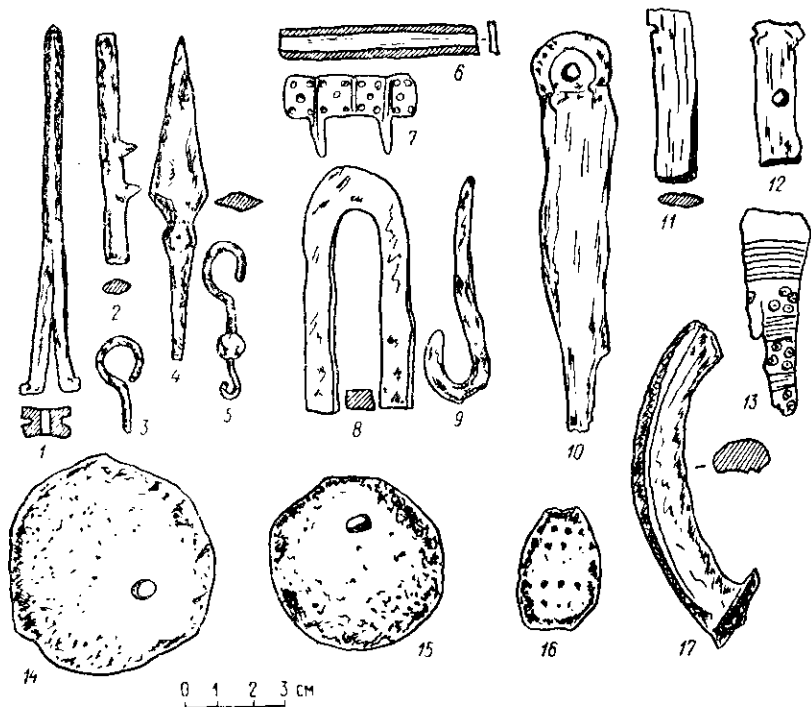
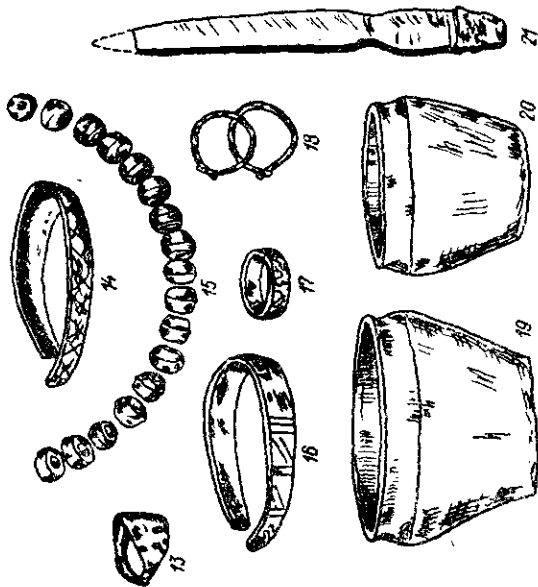
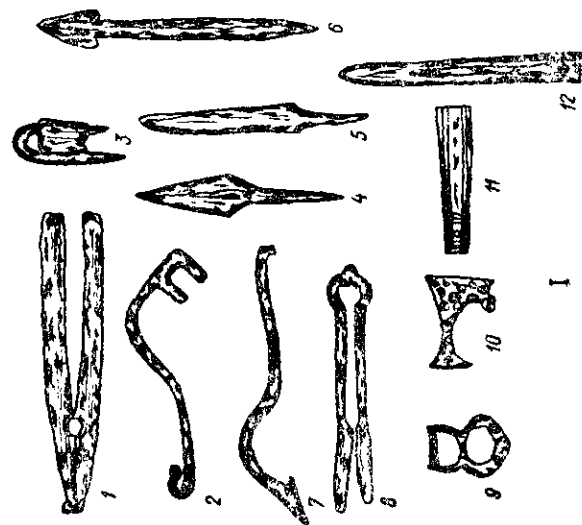
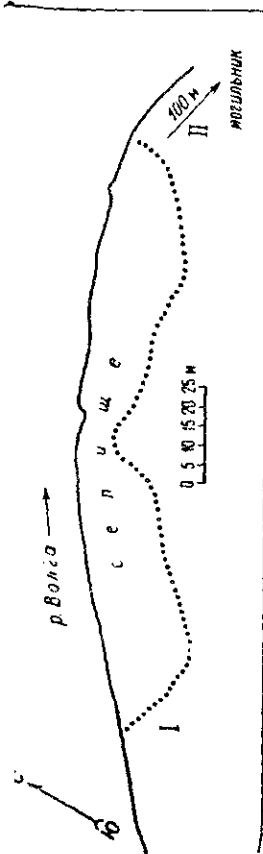

Рис. 14. План археологического комплекса Грехов ручей и предметы, найденные при раскопках.

I — селенце; II — могильник;
 1 — / — шипцы; 2 — ключ; 3 — трубчатый замок; 4 — 6 — стрелы; 7 — крючок; 8 — ножницы; 9 — пряжка; 10 — топорик; 11 — фрагмент браслета; 12 — проколка;
 11 — 13 — перстень; 14 — браслет;
 15 — бусы; 16 — браслет; 17 — перстень; 18 — височные кольца; 19 — 20 — горшки; 21 — нож.

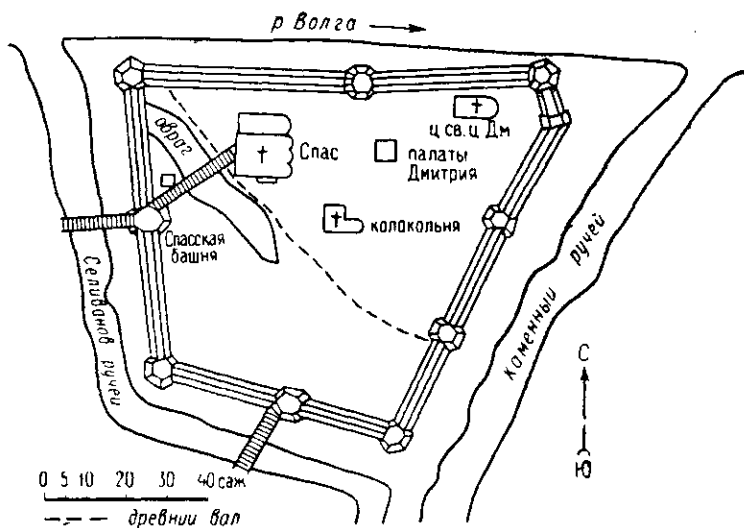

Рис. 15. План Угличского кремля (XVIII в.).

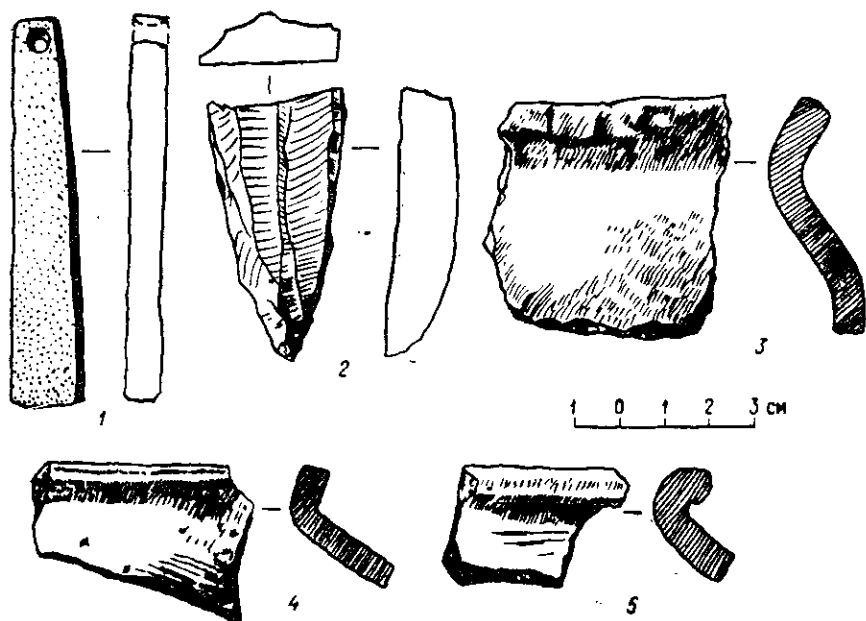

Рис. 16. Предметы из раскопок О. М. Иоаннисяна в Угличе.
1 — оселок; 2 — кремневый нуклеус; 3—5 — фрагменты глиняной посуды.

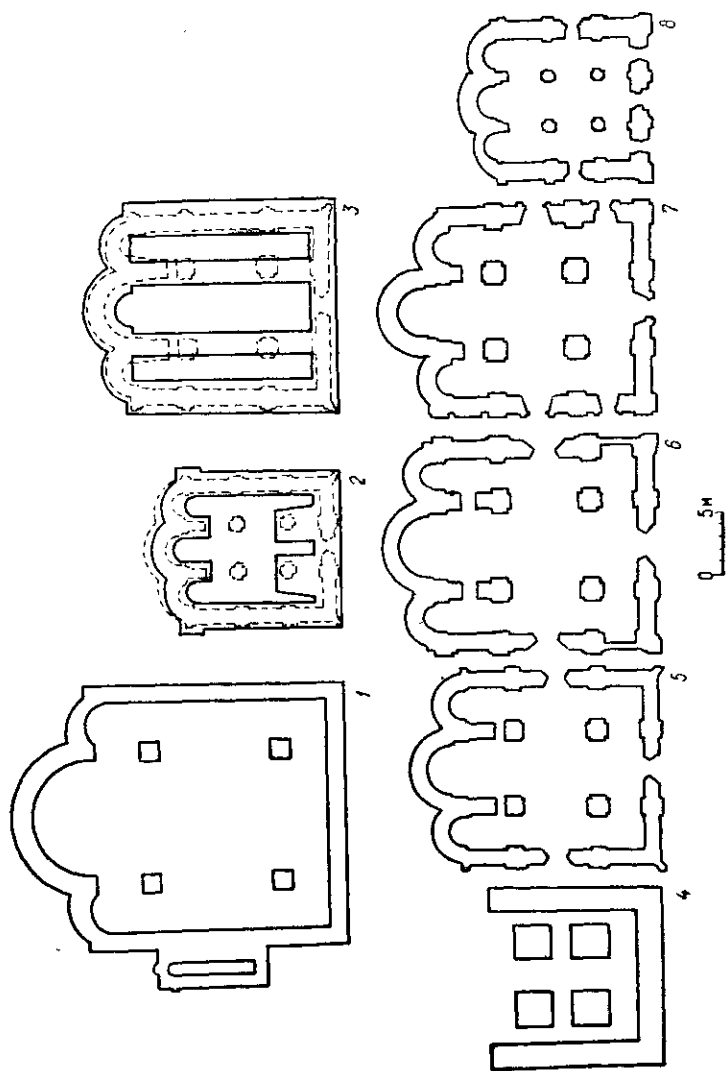
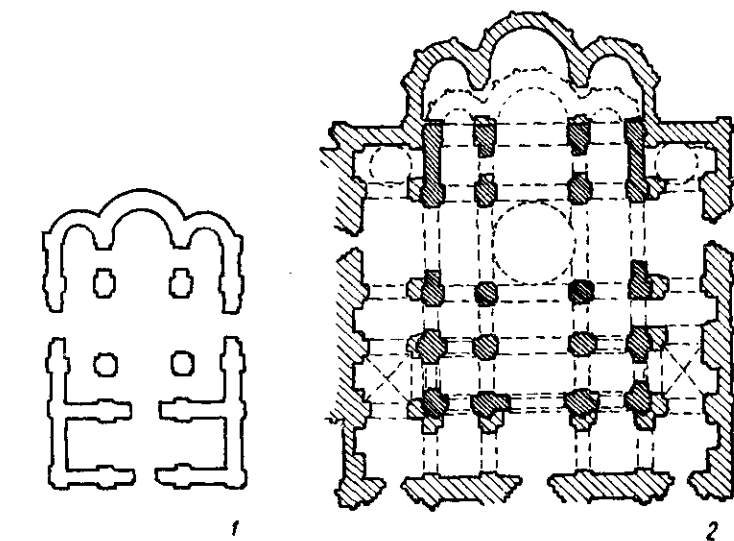

Рис. 17. Ранние галицкие и владимиро-суздальские храмы (планы).

1 — церковь Иоанна в Перемышле; 2 — церковь в Звенигороде Галицком; церковь Спаса в Галиче; 4 — храм в Урочище Цвинтариски (восточная часть не раскопана, включена в таблицу условно); 5 — Спасо-Преображенский собор в Переславле-Залесском; 6 — церковь Бориса и Глеба в Кадехше; 7 — церковь Георгия во Влади мире; 8 — Ризположенская церковь на Золотых воротах во Влади димире.

 - 1158-1160 гг.
 - 1185 г.

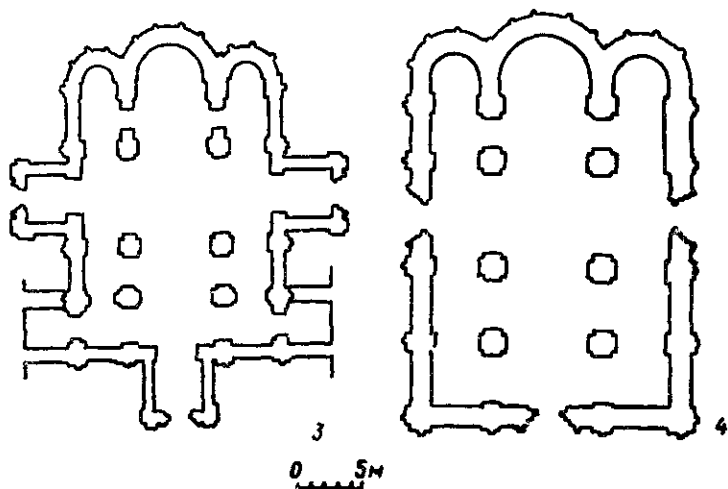

Рис 18.

1 — Мюномахов собор в Суздале (план по Н. Н. Воронину); 2 — Успенский собор во Владимире (план); 3 — Успенский собор во Владимире. 1158—1160 гг. (план, реконструкция Н. Н. Воронина); 4 — собор в Ростове (1161—1162 гг.) (план, реконструкция Н. Н. Воронина).

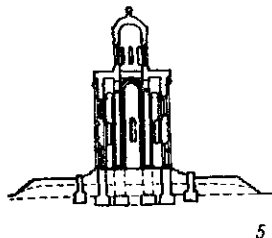
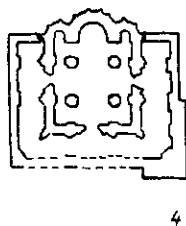
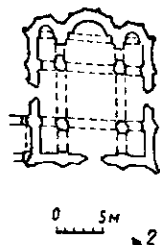
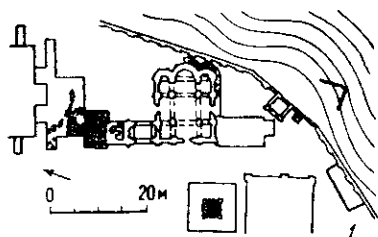

Рис. 19.

1 — Боголюбовский замок (план по Н. Н. Воронину); 2 — Боголюбово. Дворцовый со-
 сор (план по Н. Н. Воронину); 3 — Боголюбово. Дворцовый ансамбль (реконструкция
 Н. Н. Воронина); 4 — церковь Покрова на Нерли (план с галереями); 5 — церковь По-
 крова на Нерли. Схема искусственного хлма, оснований храма и галерей (по
 Н. Н. Воронину); 6 — церковь Покрова на Нерли (реконструкция Н. Н. Воронина).

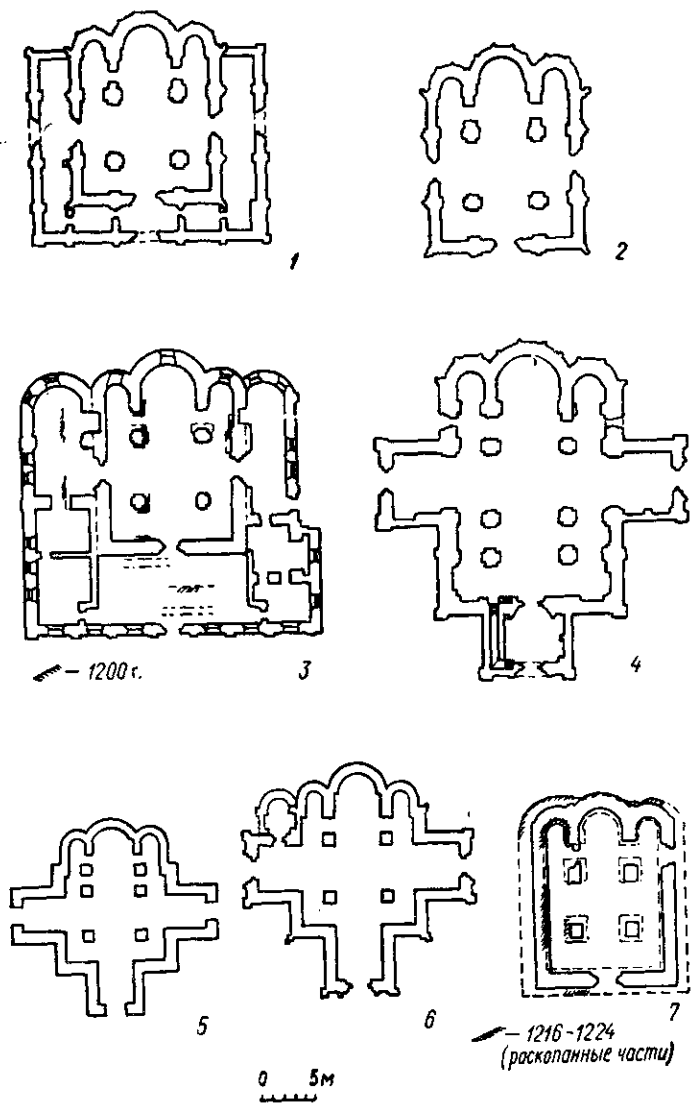

Рис. 20.

1 — Дмитриевский собор во Владимире (план по А. В. Столетову); 2 — собор Рождественского монастыря во Владимире (план по обмерам А. Н. Артлебена); 3 — Успенский собор Книгинина монастыря во Владимире (план по А. В. и И. А. Столетовым); 4 — Рождественский собор в Суздале (план по А. Д. Варганову); 5 — церковь Михаила архангела в Нижнем Новгороде (схема реконструкции плана по Н. Н. Воронину); 6 — Георгиевский собор в Юрьеве-Польском (план по Н. Н. Воронину); 7 — Спасский собор в Ярославле (схема реконструкции плана по материалам исследований 1982—1983 гг.).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АО	— Археологические открытия.
АН	— Архитектурное наследство.
ВДИ	— Вестник древней истории.
ВИ	— Вопросы истории.
ГИМ	— Государственный исторический музей.
ГЭ	— Государственный эрмитаж.
ДПЕЗАНПРОБ	— Доклады Переславль-Залесского научно-просветительного общества.
ЗОРСА	— Записки Отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества.
ИА	— Институт археологии.
ИАК	— Известия Археологической комиссии.
ИГАИМК	— Известия Государственной Академии истории материальной культуры.
ИЗ	— Исторические записки.
ИИМК	— Институт истории материальной культуры.
КСИА	— Краткие сообщения Института археологии.
КСИИМК	— Краткие сообщения Института истории материальной культуры.
ЛОИА	— Ленинградское отделение Института археологии.
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР.
ОЛДП	— Общество любителей древней письменности.
ПВЛ	— Повесть временных лет.
ПИДО	— Проблемы истории докапиталистических образований.
ПК НО	— Памятники культуры. Новые открытия.
ПСРЛ	— Полное собрание русских летописей.
СА	— Советская археология.
САИ	— Свод археологических источников.
ТОДРЛ	— Труды Отдела древнерусской литературы.
ТСА РАНИОН	— Труды секции археологии Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук.
ЧОИДР	— Чтения в Обществе истории и древностей российских.
ЯГВ	— Ярославские губернские ведомости.
ЯСНПРМ	— Ярославские специальные научно-производственные реставрационные мастерские.
PAN	— Polska Akademia Nauk.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
ГЛАВА 1. Русь — страна городов	12
ГЛАВА 2. «Днесь спалъ ярасуесть преславный град Ростов»	33
ГЛАВА 3. «Здесь создася славный град Ярославль»	61
ГЛАВА 4. «Переяславль переведе от Клещина»	102
ГЛАВА 5. Угличе Поле	118
Заключение	134
Приложение № 1. Письменные источники по истории городов Северо-Восточной Руси IX—XIII вв.	136
Приложение № 2. О. М. Иоаннисян. Зодчество Северо-Восточной Руси XII—XIII вв.	140
Иллюстрации	164
Список сокращений	181

ИБ № 2071

Игорь Васильевич Дубов

Города, величеством сияющие

Редактор *Р. Г. Тихонова*

Обложка художника *А. К. Тимошевского*

Художественный редактор *О. Н. Советникова*

Технический редактор *Е. Г. Ушаева*

Корректоры *М. В. Унковская, В. А. Литыгина*

Сдано в набор 01.02.85. Подписано в печать 06.09.85. М-37213. Формат бумаги 60×90^{1/16}. Бумага тип. № 1. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 11,5. Усл. кр.-отт. 11,69. Уч.-изд. л. 15,47. Тираж 20000. Заказ 330.

Цена в переплете — 1 руб., в обложке — 85 коп.

Издательство ЛГУ имени А. А. Жданова. 199164, Ленинград,

Университетская наб., 7/9.

Сортавальская книжная типография Государственного комитета Карельской АССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 186750.

Сортавала, Карельская, 42.